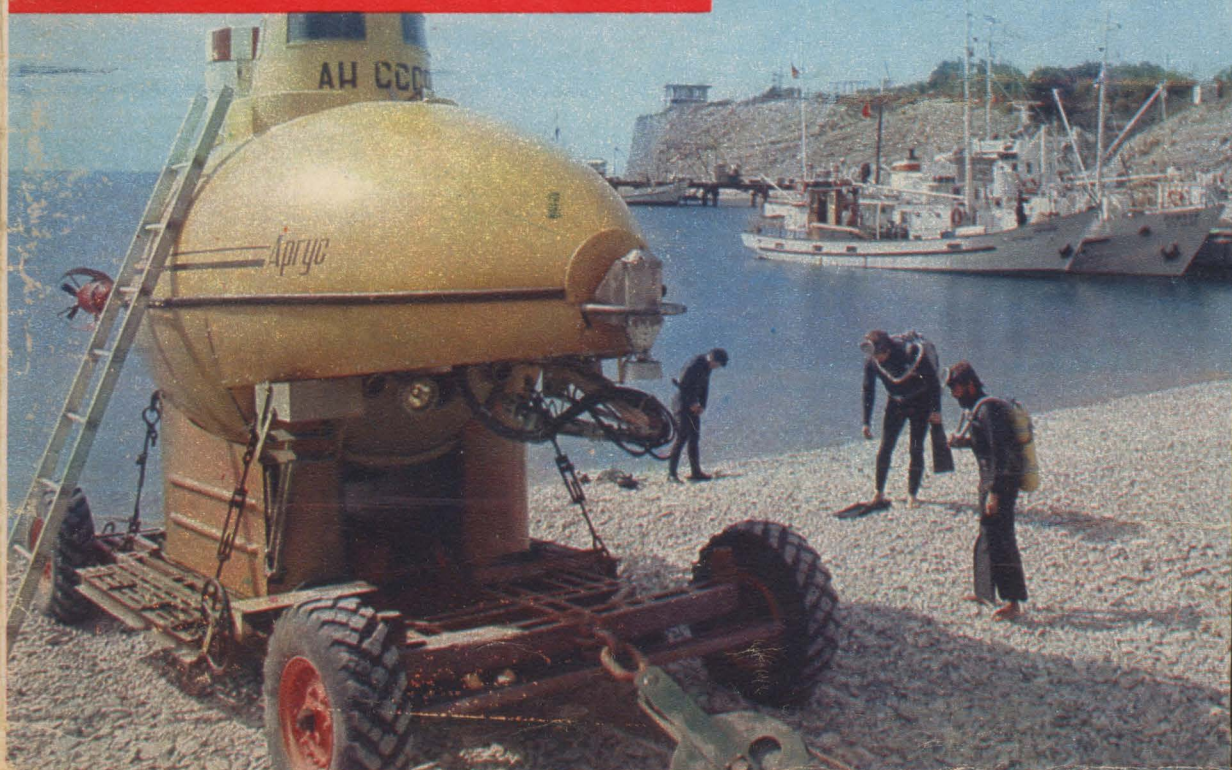

 ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 48 НОЯБРЬ 1979

В. Мусаэльян. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

ФОТОЛЕТОПИ

Г. Обрезков. На новые стройки.

Л. Шерстенников. Уголек.

П

рошло шестьдесят лет с тех пор, как В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению». Этот декрет, по существу, стал отправной точкой для развития советской фотографии.

«Фотография и время» — так называется Всесоюзная фотовыставка, организованная Союзом журналистов СССР и развернутая в выставочных залах Центрального Дома Советской Армии. Около 600 фотографий рассказывают о прошлом и настоящем нашей Родины, создавая волнующую фотолетопись эпохи. В золотой фонд советской фотографии вошли бесценные авторские оригиналы мастеров, начинавших писать эту летопись, — П. Жукова, Ю. Еремина, П. Клепикова, С. Иванова-Аллилуева, П. Оцуца, А. Шайхета, С. Фридлянда, А. Родченко, Б. Игнатовича и других.

На выставке широко представлена современная фотография из союзных республик, краев и областей Российской Федерации. Фотожурналисты, фотохудожники, фотолюбители показывают свои творческие достижения во всем жанровом многообразии, демонстрируют роль фотографии в пропаганде советского образа жизни и эстетическом воспитании трудящихся.

«Фотография — не бесстрастное зеркало, отражающее мир. Она может быть и острым идейным оружием. Пусть же искусство советских фотокорреспондентов всегда служит правде, добру и миру» — эти слова товарища Л. И. Брежнева, адресованные участникам выставки, определяют высокие задачи советского фотоискусства, которое ежедневно и ежечасно продолжает «писать объективом» публицистическую летопись эпохи.

Геннадий КОПОСОВ

Ю. Инякин. Перерыв.

СЬ ЭПОХИ

Продолжение
см. на стр. 18.

В. Семин. Строитель БАМа.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 48 (2733)

24 НОЯБРЯ 1979

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1979

ВЫСОКАЯ СОВЕТСКОЙ

Почетна и ответственна роль музыки в жизни народа. Обращаясь к уму и сердцам миллионов, способная говорить на языке, доступном каждому, она духовно обогащает людей, спланивает их, вдохновляет на новые свершения.

Воспеть величие нашей героической эпохи, создавать высокохудожественные произведения, достойные ее, — такова высокая миссия мастеров многонационального советского музыкального искусства. Беззаветно преданные делу ленинской партии, советские композиторы посвящают весь свой талант и вдохновение народу, вносят весомый вклад в строительство коммунизма.

Актуальные проблемы дальнейшего развития советского музыкального искусства, укрепления его связи с жизнью обсуждают более 700 делегатов VI Всесоюзного съезда композиторов. 20 ноября он торжественно открылся в Москве, в Большом Кремлевском дворце.

Во время открытия съезда. Фото Э. Песова и В. Савостьянова (ТАСС)

ФОРУМ РУМЫНСКИХ КОММУНИСТОВ

В Большом зале Дворца республики в Бухаресте 19 ноября начал работу XII съезд Румынской коммунистической партии, в котором принимают участие 2656 делегатов, представляющих 2930 тысяч коммунистов страны, а также многочисленные гости — ветераны румынского рабочего движения, представители общественных организаций.

В числе прибывших на съезд делегаций коммунистических и рабочих партий, социалистических партий, национально-освободительных движений и прогрессивных организаций многих стран присутствует делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, председателем Комитета партийного

Во время открытия съезда. Телефото В. ЕГОРОВА (ТАСС)

МИССИЯ МУЗЫКИ

Продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищи А. П. Кирилленко, М. А. Сулова, П. Н. Демичева, М. С. Соколенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, М. С. Горбачева. В президиуме также заместитель Председателя Совета Министров СССР Т. Я. Киселев, представители партийных, советских, общественных организаций, видные деятели советского музыкального искусства, руководители творческих союзов. Присутствуют зарубежные гости — композиторы и музыковеды из ряда стран.

С большим воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым. Утверждается повестка дня съезда.

Вступительным словом съезд открыл Герой Социалистического Труда композитор Д. Б. Кабалевский, заверивший Коммунистическую партию, ее ленинский Центральный Комитет, что в борьбе за утверждение великих идеалов коммунизма советские композиторы всегда будут на переднем крае вместе со своим народом. В этом — смысл их жизни и творчества.

С отчетным докладом правления Союза композиторов СССР выступил первый секретарь правления Т. Н. Хренников.

контроля при ЦК КПСС
А. Я. Пельше.

Съезд открыл Генеральный секретарь РКП Н. Чаушеску.

На обсуждение высшего форума румынских коммунистов выносятся проект важнейшего программного документа — директив XII съезда РКП о пятилетнем плане развития народного хозяйства СРР на 1981—1985 годы и главных направлениях до 1990 года. Делегатам съезда предстоит также обсудить перспективы дальнейшего научно-технического прогресса, укрепления энергетики, роста народного благосостояния, гармоничного развития всех уездов республики.

На съезде будут внесены изменения в Устав РКП, избраны новые руководящие партийные органы и Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии.

С докладом Центрального Комитета РКП о деятельности в период между XI и XII съездами и о дальнейших задачах партии выступил Н. Чаушеску.

На вечернем заседании бурными, продолжительными аплодисментами делегаты и гости встретили вручение товарищем А. Я. Пельше приветствия Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XII съезду Румынской коммунистической партии. «Выражаем уверенность, — говорим, — в частности, в нем, — что советско-румынская дружба и сотрудничество, отвечающие коренным интересам народов наших стран, всего социалистического содружества, интересам мира и социализма, будут крепнуть и развиваться».

СОРЕВНОВАТЬСЯ— ЗНАЧИТ РАСТИ!

Нам не нужны шум и трескотня по поводу соревнования. Нам нужна живая заинтересованность каждого трудящегося, каждого трудового коллектива в улучшении своей работы. Нам не нужны надуманные «почины». Нам нужны деловые, действительно идущие из гущи масс инициативы, способные зажечь, вдохновить миллионы людей.

Л. И. БРЕЖНЕВ. Из выступления на Пленуме ЦК КПСС
27 ноября 1978 года.

Е. АСАЕВИЧ,
председатель Минского
областного совета
профсоюзов

Они собирались на вечер всей семьей. Еще бы! Матери вместе с другими ударниками должны сегодня в торжественной обстановке вручить почетное свидетельство. Это ли не семейное празднество?!

Во Дворец культуры с мужем и детьми она приехала задолго до начала. Дожидались... Поднимаются на сцену один за другим товарищи по труду, а ее не вызывают. В ее честь не играет оркестр, не взрывается аплодисментами зал.

Она не удержалась и заплакала. Было обидно, неловко перед семьей. Тогда она не знала, что произошло досадное недоразумение: ее случайно пропустили в списке. Потом извинились, все исправили. Но слезы высохли не сразу.

Я начал разговор с этой обидной историей по двум причинам. Хочу, во-первых, оспорить мнение, будто многие люди равнодушны к чествованиям, вручениям наград и прочим торжествам. Во-вторых, чтобы подчеркнуть: в передовых наших коллективах к подобным недопустимым случаям (а для Минского камвольного комбината это в самом деле была досадная случайность) подходят со всей серьезностью. Кто-то мог бы и отмахнуться: «Подумаешь, трагедия!» А камвольщики дали серьезную оценку случившемуся. Для них социалистическое соревнование — мощное средство воспитания людей.

Мы много говорим и пишем о социалистическом соревновании. Ищем, экспериментируем, спорим. А как же иначе! Жизнь заставляет нас поступать так. Было бы наивно механически пользоваться тем, что найдено в двадцатые — тридцатые годы, и пытаться втис-

нуть соревнование в отжившие масштабы и мерки. Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» еще раз напоминает, что каждая новая ступень политического, экономического и социального развития требует иных, более высоких по сравнению с предыдущими усилий, направленных на формирование жизненной позиции человека. Постановление требует «полнее использовать воспитательные возможности социалистического соревнования... При подведении итогов соревнования обязательно учитывать не только производственные показатели, но и состояние воспитательной работы».

В лучших наших коллективах добиваются единства соревнования и воспитательного процесса. Тот же Минский камвольный комбинат, станкостроительный завод имени Кирова, часовой завод, колхоз «Светлый путь» Молодечненского района, совхоз «Минская овощная фабрика» достигают успехов в производственной деятельности во многом потому, что там хорошо поставлено комплексное воспитание людей, хорошо организовано социалистическое соревнование.

На заводе имени Кирова, например, по-деловому заботятся о том, чтобы все связанное с социалистическим соревнованием носило предельно конкретный характер. Конкретные обязательства, конкретная наглядная агитация и затраченные усилия окупаются сторицей — перевыполнением плановых заданий, техническим прогрессом.

По-своему ценят опыт минских тракторозаводцев, плодотворно сотрудничающих с волгоградскими, опыт коллектива Минского электротехнического завода имени Козлова, который соревнуется с коллективом электроаппаратного завода в Чебоксарах, — их связывает кооперация, они кровно заинтересованы в том, чтобы в ходе производственного содружества не было взаимных претензий. Все это благотворно сказывается на воспитании людей. Не ошибусь, если скажу: знатные наши передовики, герои пятилеток не добились бы столь многого, если бы не участвовали в социалистическом

соревновании, не испытали на себе его огромной мобилизующей, воспитывающей силы.

Все это, конечно, радует, но не уведит от размышлений по поводу издержек, снижающих идеологический эффект соревнования. Первой и главной среди них я назвал бы формализм. Грустно и неловко было знакомиться с материалами об «организации» социалистического соревнования в коллективе мелькомбината в Молодечно. Подписали договор на соревнование с Вильнюсским и Борисовским комбинатами. Вот она, возможность изучать опыт друг друга, соперничать на деловой основе. Ничего подобного! Поставили свои подписи, и на этом все кончилось. Да если б только одно это. Индивидуальные планы размножаются под копирку; личные творческие планы инженерно-технических работников предаются забвению... О какой воспитательной миссии соревнования тут может идти речь? Порой боишься запутаться в починах, которые рекомендуют производственникам разные инстанции. Причем рекомендуют в обязательном порядке и, разумеется, в обязательном порядке спрашивают отчет. Где уж тут проникнуться духом соревнования, скажем, ткачихе, если она едва успевает принимать обязательства: на такой-то почин наработать столько-то метров, на такой-то — столько-то!

А условия соревнования? Порой в них заложено начало, не мобилизующее, а скорее затрудняющее мобилизацию людей. Не обозначается конкретный рубеж, фиксированный показатель. Провозглашается: кто больше сделает, тот и победит. Но ведь не за всякое «больше» стоит хвалить. Однако хвалят и поощряют.

Мешает «чересполосица» в подведении итогов соревнования, в распределении первых мест, определении победителей, в награждении. Случается, коллектив, добившись высоких результатов в областном или городском соревновании, отмечается скромнее, чем другой, сделавший не больше, но соревновавшийся на какой-нибудь ведомственной орбите. Или так: один коллектив поощряется министерством из года в год, потому что когда-то попал в лидеры и ни у кого не подымется рука опустить его на вторую или третью строку сводки, хотя есть коллективы, сделавшие куда более значительный рывок вперед.

То же самое и в индивидуальном соревновании. Мы не жалеем лавров для признанных заповал. А голоса в хоре? Ведь там люди тоже соревнуются, добиваются каких-то успехов, растут, но не всегда могут сразу претендовать на первую ступень пьедестала поче-

та. Сплошь и рядом они остаются незамеченными, часто теряют поэтому интерес к соревнованию, а если участвуют в нем, то лишь пассивно, потому, что «охвачены».

При подведении итогов надо рассматривать не только достигнутые показатели, но и процесс движения к ним, итоги обсуждать в бригадах, на участках, в цехах, придавая этим обсуждениям и праздничность и деловитость. Короче говоря, существует проблема «середняка» и мы не имеем права пройти мимо нее. Иначе соревнование как воспитательный фактор и дальше будет оставаться без действия как раз тех, кому оно крайне необходимо.

Или, скажем, такая деталь. На предприятиях присваивали и присваивают звание «ударник коммунистического труда». Материально человек, завоевавший его, обычно никак не поощряется. В то же время рабочий со званием лучшего по профессии тут же получает и вознаграждение, хотя по всем, так сказать, параметрам звание «ударник коммунистического труда» значительнее, и сам уровень соревнования за коммунистическое отношение к труду более высок. Существующая здесь нечеткость идет отнюдь не на пользу делу. Получается, что подчас, поощряя людей по итогам работы за месяц, квартал, мы забываем об этой категории тружеников. А почему бы при подведении итогов соревнования среди ведущих профессий не применить те же материальные стимулы для ударников коммунистического труда? Думается, это можно и надо делать. Ведь вполне логично, что рабочий, имеющий звание «ударника коммунистического труда», признан за какой-то месяц, квартал и лучшим по профессии и, естественно, поощрен материально.

Другая ситуация. Строительный трест, например, не выполняет планов и соответственно не имеет фонда материального поощрения. Победителям соревнования прямо говорят: нет средств на премию, будем морально стимулировать. Люди воспринимают это по-разному. Одни не придают значения, другие рассуждают так: рядом на заводе дают премии, перекочую-ка я туда. И «кочуют». А мы подсчитываем потом моральные убытки, понимая, что передовой рабочий не виноват, если трест не выполняет план. В таких случаях целесообразно было бы изыскать средства из централизованных или других фондов поощрения для передовиков производства.

В разработку проблем социалистического соревнования все активнее включаются ученые. Мы получаем много рекомендаций, порой весьма противоречивых, отрицающих одна другую. Зачастую они схоластичны, абстрактны и далеко не всегда годятся для конкретных условий. И я согласен с теми профсоюзными активистами, которые говорят: пускай бы ученые пришли к нам на завод, взяли для эксперимента один цех и показали на его примере, как осуществлять в организации соревнования все их рекомендации.

Сегодня воспитательный фронт должен быть единым — наука и практика, хозяйственные руководители и общественные организации, средства пропаганды и искусства, усилия, объединенные в четкую продуманную систему.

ПАЛЕСТИНЦЫ НЕ ПРЕКРАТЯТ БОРЬБЫ

Павел ДЕМЧЕНКО

Плачущий малыш, разгребаящий ручонками груды развалин на том месте, где только что было его жилище, а наверху американский «Фантом» с израильской шестиконечной звездой на фюзеляже, несущий смерть и разрушения... Такой плакат выпустила Организация освобождения Палестины ко Всемирному конгрессу солидарности с арабскими народами, который состоялся в начале ноября в Лиссабоне. Участники конгресса, приехавшие из 84 стран пяти континентов, выразили полную поддержку требованию палестинского народа создать независимое государство на земле своей родины.

Это требование поддерживается сегодня не только социалистическими, арабскими и многими развивающимися государствами, оно встречает все большее сочувствие и понимание даже в правящих кругах ряда западноевропейских стран. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что председатель исполкома Организации освобождения Палестины (ООП) Ясир Арафат был официальным гостем правительства Испании и Португалии, а перед этим встречался в Австрии с канцлером Б. Крайским и В. Брандтом. Во время этих официальных встреч речь тоже шла о будущем палестинского народа, о его праве иметь свое независимое государство.

Для палестинцев это стратегическая цель борьбы. Но сегодня ближневосточный кризис все еще продолжается, и главной его жертвой является арабский народ Палестины, насчитывающий, по последним данным, почти 4 миллиона человек. Более 500 тысяч из этого числа живет в Израиле, примерно миллион на оккупированных в 1967 году территориях — Западном берегу реки Иордан и в полосе Газы, почти 900 тысяч человек, изгнанных израильтянами с родных мест, обосновались в Иордании, а остальные — в Сирии, Ливане, Кувейте и в других государствах Персидского залива, а также в таких странах Латинской Америки, как Бразилия, Колумбия, Венесуэла.

По сути дела, мы являемся свидетелями трагедии целого народа, лишенного родины. После того как весной этого года под нажимом Вашингтона между Египтом и Израилем был заключен мирный договор, разыгрывается очередной акт этой трагедии. Крупнейшее арабское государство, по существу, отказало палестинцам в поддержке. Правящие круги Израиля, воспользовавшись этим, ужесточили свою позицию, они наотрез отказываются признать право палестинцев иметь свое государство и даже пытаются установить на оккупированных в 1967 году территориях такие порядки, которые позволили бы постепенно вытеснить оттуда палестинских арабов. Делается это различными способами. Во-первых, на Западном берегу и в районе Газы создаются новые израильские поселения. Недавно опубликовано решение о создании дополнительно к сотне уже существующих девятнадцать новых поселений. Во-вторых, еврейским гражданам разрешено «покупать» частные арабские земли. А это значит, что арабы будут лишаться все большего числа своих участков, оказываться за пределами родных мест или опять же переходить на положение беженцев.

Таковы лишь некоторые из колонизаторских методов, применяемых оккупантами. Напомню также и о постоянных репрессиях против палестинцев и о бомбежках палестинских лагерей в Ливане. Стоило, например, мэру города Наблус высказаться в поддержку действий палестинских партизан, как оккупационные власти отстранили его от должности, бросили за решетку и пригрозили высылкой в Иорданию. Однако реакция палестинцев не заставила себя долго ждать. Мэры и члены муниципалитетов всех городов Западного берега и сектора Газы в знак протеста подали заявление об отставке, а рабочие, служащие, торговцы и учащиеся объявили там забастовку. И тут же на улицах городов появились израильские танки и бронетранспортеры с солдатами, каратели начали свое черное дело.

Организация освобождения Палестины, заявил Я. Арафат в Лиссабоне, будет расширять борьбу на различных фронтах, в том числе на политическом и дипломатическом, пока не добьется для своего народа права на независимое и свободное существование. Недавно Арафат посетил Советский Союз. Здесь были проведены переговоры, в ходе которых советские руководители выразили поддержку борьбе палестинского народа за свое собственное государство. Это требование вполне законно, именно поэтому во многих странах 29 ноября широко отмечается День международной солидарности с арабским народом Палестины.

Палестинский вопрос составляет сейчас стержень политического урегулирования на Ближнем Востоке. История последних лет показывает: пока этот вопрос не будет решен, мира там не будет. Палестинцы не склонят головы перед израильской оккупацией, которую поддерживают американский империализм и международное сионистское движение, они будут добиваться удовлетворения своих требований.

ЗАВТРА С НОВА В ДОРОГУ

Дэндэвийн Банзрагч.

Фото автора

Б. ЛАБУТИН

Когда в 1953 году Дэндэвийн приехал учиться в Москву, на биолого-почвенный факультет МГУ, и рассказывал о голубых озерах и альпийских лугах родного Хангая новым друзьям, кое-кто из них удивлялся: оказывается, Монголия не только пустыня Гоби! Дэндэвийн — сын скотовода. Отец учил его распознавать травы, находить самые богатые пастбища. Удивительно ли, что парень решил посвятить себя ботанике? Удивительно ли для сегодняшней Монголии, что бывший пастух стал доктором наук, директором Института ботаники Академии наук МНР?

Недавно Дэндэвийн Банзрагч приехал в Москву на международную встречу ученых. В советской

столице он вообще частый гость: дело в том, что в МНР работает совместная монголо-советская биологическая экспедиция, и Д. Банзрагч возглавляет монгольскую ее часть. Цель ученых — изучить природные богатства, дать подробный «паспорт» всему, чем интересна флора и фауна страны. Когда начинается полевой сезон, геоботаники, почвоведы, гидро-биологи, энтомологи разъезжаются по своим стационарам во все природные зоны республики.

Наверно, о любой профессии, если по-настоящему ею увлечен, можно сказать: трудно, но интересно. Дэндэвийн — геоботаник.

— ...А значит, и первооткрыватель, путешественник, даже альпинист, — улыбается он. — По одному только горному Хангаю исхожено тридцать тысяч километров. И все уместилось в эти шестнадцать полевых дневников. — Дэндэвийн показывает мне серые потертые книжечки. — Я привез

их сюда, чтобы в командировке продолжить работу.

Листаю один из блокнотов. В нем названия трав по-латыни, условия произрастания. На первой странице — надпись: «Гора Цаган-Биту, высота — 3500 метров...»

— Мы разбили лагерь у подножия горы, — рассказывает Дэндэвийн. — Надо было сделать ее профиль: описать, как меняются виды растительности по всему склону.

Утром на палатках и траве иней. Дежурные Владислав Максимович из Пушкина и Лхамсурэн, студент Улан-Баторского пединститута, готовят завтрак. Потом полчаса занимает экипировка: на каждом — ватник, штормовка, бутсы, полевая сумка с картой, компасом, высотомером и аптечкой, в руках альпеншток, за спиной рюкзак с дневным пайком. Еще берем три огромные гербарные папки для образцов, ружье — тут водятся и волки.

Наконец выступаем. Пять геоботаников, почвовед, два студента. Иней превратился уже в капельки росы, луг сверкает под солнцем. Через двести метров — первая остановка. Манибазар и его помощник Бумцэнд делают пометку в дневнике и принимаются за работу. Мы идем дальше. Еще через двадцать метров подъема — новый десант. Здесь остаются Зоя Карамышева, ученый-ботаник из Ленинграда, почвовед Максимович и неразлучный с ним Лхамсурэн.

Остались внизу последние мои спутники, я поднимаюсь один. Оглядываюсь: группа вытянулась цепочкой по склону, кто-то уже скрылся с головой в густой траве, значит, нашел что-то интересное. А вот мой участок. Вокруг зеленый ковер, горят жарки, синют пятна незабудок. Но мне надо успеть, пока не подошли те, кто остался внизу, описать каждый из видов растений и занести в гербарий.

Когда снова собираемся вместе,

устроиваем привал. Бумцэнд возбужден:

— Смотрите, что я нашел!

Листок из гербарной папки с незнакомым растением переходит из рук в руки. Глаза у парня горят счастьем. В тот сезон мы обнаружили около двухсот видов растений, еще не «прописанных» на картах Монголии.

Опять подъем. Теперь вокруг — только камни и лишайник, стало трудно дышать. Спина у Лхамсурэна взмокла от пота.

— Тяжело с непривычки? — спрашивает Владислав, забирая у помощника разбухшую гербарную папку.

Последняя остановка. Позади тысяча метров подъема, километров семь-восемь пути. Далеко внизу за выступом горы угадывается наш лагерь. Закончено последнее описание, пора возвращаться.

Но без неприятностей не обошлось — во время спуска Максимович подвернул ногу. Лхамсурэн первым бросился ему на помощь. Возвращаемся уже затемно. После ужина горную тишину нарушают транзисторы. Их у нас два: один настроен на улан-баторскую, другой — на московскую радиостанцию. Но надо еще упаковать собранные образцы. А завтра обогнем вершину и поднимемся по ее северному склону...

Таков один день экспедиции. Собранный материал обрабатывается в академиях наук двух стран. Уже опубликована карта растительности Монголии, на ее основе готовится подробная карта кормовых угодий. Результаты поисков принесут пользу и народному хозяйству Советского Союза, потому что растительный мир сопредельных с Монголией районов Сибири схож.

А на окраине Улан-Батора создается первый в Монголии ботанический сад, какого прежде не знала Центральная Азия. Садом дружбы называет его Дэндэвийн Банзрагч.

ПОСВЯЩАЕТСЯ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

16 ноября в помещении студии МВД открылась выставка живописи, скульптуры и графики, посвященная 62-й годовщине советской милиции. Это традиционный ежегодный отчет художников студии, которые в своих произведениях отражают трудовые будни, героизм и мужество работников Министерства внутренних дел. Многие картины, скульптуры, графические листы созданы в результате творческих командировок.

На открытии экспозиции выступили заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант Ю. М. Чурбанов, председатель Союза художников РСФСР, народный художник РСФСР С. П. Ткачев, действительный член Академии художеств, народный художник СССР Л. Е. Кербель, ученый секретарь Союза художников СССР А. И. Рожин.

С теплым, дружеским словом к присутствующим обратился президент Академии художеств, Герой Социалистического Труда Н. В. Томский.

Работы, показанные на выставке, свидетельствуют о глубоком творческом подходе художников студии к темам большого общественного звучания. Они пропагандируют трудную и почетную профессию советских часовых правопорядка, укрепляют авторитет милиции.

Выступает Н. В. Томский.

Фото И. Туннеля

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

ПОКЛОНИСЬ ЧЕЛОВЕКУ, ЗЕМЛЯ!

Случилось это во время тренировочного полета. Самолет, на котором летели Юрий Гагарин и летчик Владимир Сергеевич Сергеев, упал в лесу, в 25 километрах от города Покрова, в Киржачском районе, Владимирской области...

Ныне на этом месте воздвигнут памятник. Скорбные строки по камню: «27 марта 1968 года на этом месте в авиационной катастрофе погибли первый космонавт мира, Герой Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин и летчик-испытатель, Герой Советского Союза Владимир Сергеевич Сергеев».

При входе в мемориал, на каменной стеле, напоминающей крыло самолета, слова: «Земля, поклонись человеку». И люди Земли склоняют головы...

А. ЮРЬЕВ
Фото автора

ДУШАНБЕ

ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

Подобно мускусу бывает мастерство, —
От мира ты не утаишь его.
И коль искусен будешь ты в труде,
О мастерстве твоём заговорят везде.

Эти строчки Рудак ожили в памяти, когда я впервые знакомился с эскизами Ирины Жулиной — одного из ведущих художников Душанбинского хлопчатобумажного объединения. Она представила на суд взыскательного и требовательного жюри свыше пятидесяти эскизов, большая часть которых была одобрена и принята. Коллеги по работе поздравили тогда Ирину с ее тысячным эскизом, разработанным и внедренным в производство. А недавно в одном из столичных универмагов, в секции тканей, я вновь встретился с работой выпускницы душан-

бинского художественного училища. Увидел ее рисунок с олимпийской символикой.

...И позвонил по телефону в Душанбе.

— В 1979 году только наш комбинат выпустил более семи миллионов метров ткани со Знаком качества, — сказал генеральный директор объединения Ш. Сияров. — И в этом немалая заслуга наших лучших художников. Среди них — Ирина Жулина. Много радости доставляют они покупателям своими самобытными, яркими работами.

В. ЗАСЕЕВ
Фото автора

На снимке: художник Ирина Жулина демонстрирует свою работу на заседании художественного совета объединения.

АНДИЖАН

ВРАЧИ ИЗ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Восемь тысяч врачей — столько выпущено Андижанским медицинским институтом имени Калинина, которому исполняется 25 лет. Наш корреспондент Ванда БЕЛЕЦКАЯ встретила с его ректором — заслуженным деятелем науки профессором Ю. А. АТАБЕКОВЫМ.

— Юсуп Атабекович, чем была вызвана необходимость организации института именно в Ферганской долине?

— А вы знаете, какая у нас плотность населения? 286 человек на 1 квадратный километр. Около 5 миллионов человек живут здесь. Земля в Ферганской долине буквально на вес золота. При такой плотности населения необходима дополнительная лечебная и профилактическая работа, причем специалистов, знающих местные условия. Есть и еще одно немаловажное обстоятельство, требующее внимания. Вот недавно проводили мы интересное социологическое исследование, которое показало, что есть у нас совхозы и колхозы, в которых дети до 14 лет составляют 64 процента населения, а старики — 18 процентов. Это 82 процента! Ни для кого не секрет, что старый да малый болеют чаще. Как же было обойтись здесь без медицинского вуза?

Из наших выпускников больше половины — девушки. Чтобы вы понимали, что это такое для Узбекистана, скажу, что в первом выпуске Самаркандского медицинского института, который я сам кончал, была лишь одна девушка-узбечка.

Мы считали ее героиней. А было это не так уж давно — в 1935 году. Немного осталось нас — всего 17 человек. Ничего не поделаешь, возраст, война...

Мы сделали все, чтобы институт наш стал и учебным, и научным, и лечебным, и культурным центром Ферганской долины. И здесь нам очень помог Ташкентский медицинский, он прислал в Андижан блестящих педагогов, ученых, влюбленных в свое дело. Например, сюда приехали теперь уже академики нашей академии известный биохимик лауреат Ленинской премии Ялкин Туракулов и гистолог Камилджан Зуфаров. Сейчас в институте работает более 500 преподавателей, из них половина имеет ученые степени кандидатов и докторов наук.

— Какие основные темы научных работ в институте?

— Главная тема — разработка научных основ профилактики заболеваний сельского населения. Это особенно важно для сложных местных условий и тяжелого климата, из-за которых здесь повышенный процент сердечно-сосудистых и некоторых других заболеваний.

— В состав института входит клиника. Расскажите, пожалуйста, о ней.

— Это уже целый городок, хотя строительство клиники не закончено. Работают отделения хирургии с прекрасным операционным и реанимационным оборудованием, терапии, урологии, неврологии, глазное отделение — словом, представлены почти все направления медицины. На базе клиники ведут исследования 12 кафедр нашего института.

В лабораториях — самые совершенные приборы для диагностики, лечения и научных исследований. Скоро будут в клинике и свои лечебные ванны. Недавно пробурили скважину, провели исследования свойств минеральных вод.

— А почему институт носит имя Михаила Ивановича Калинина?

— Михаил Иванович очень много сделал для развития здравоохранения Узбекистана. В 1925 году он выступал в Андижане. Выступал здесь в сквере, где стоит сейчас учебный корпус медицинского института.

Для меня большая радость работать в институте, носящем имя Калинина. Ведь в сорок втором я получил из его рук в Кремле свой первый орден — орден Трудового Красного Знамени. В ту пору как нарком здравоохранения Узбекистана я отвечал в том числе и за работу всех военных госпиталей, эвакуированных к нам в республику...

ПО СТРАНЕ СОВЕТ

КАРАГАНДА

ЕСТЬ 50 МИЛЛИОНОВ ТОНН!

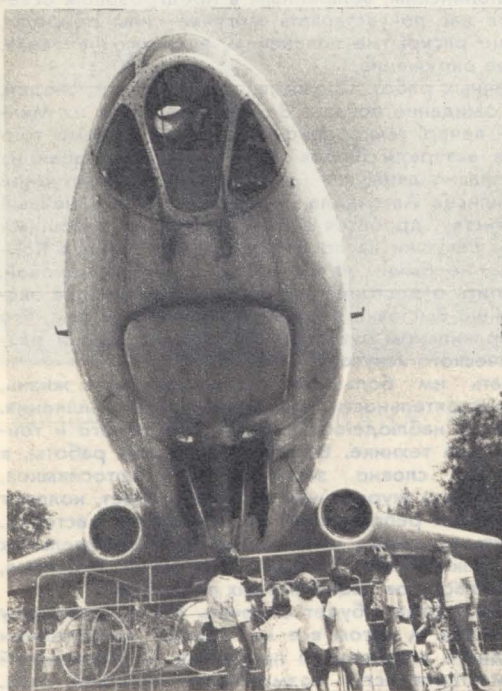
Карагандинский металлургический комбинат не случайно называют Казахской Магниткой: металлурги целинного края наследуют лучшие традиции легендарного Магнитогорского металлургического комбината. Недавно на Карагандинском комбинате был больш

шой праздник — доменная печь номер три выдала юбилейную, 50-миллионную тонну чугуна. Металлурги тепло поздравили своих товарищей, стоявших на огненной вахте в этот знаменательный день.

На снимке: секретарь парткома комбината А. А. Первухин (справа) поздравляет старшего горного, депутата Верховного Совета СССР, почетного металлурга Тюлегена Адам-Юсупова.

С. БУХАРОВ

Фото автора

САМОЛЕТ ПРИЗЕМЛИЛСЯ В ПАРКЕ

ОДЕССА

— В этот последний рейс самолет «ТУ-104А» № 42393, — рассказывает командир Одесского ордена Трудового Красного Знамени объединенного авиаотряда И. Н. Доронин, — тянули тросом. И можно было бы сказать, что это самый горький рейс для машины, которая проработала два десятилетия, если бы жизнь у этого самолета, по сути, не начиналась заново. Именно с этой целью самолет и перебазировался из Одесского аэропорта в парк культуры города-героя.

...Билеты проверены. По трапу на борт самолета поднимается детвора. Стюардесса в летной форме просит всех пристегнуть ремни и сообщает, что самолет летит в один из городов нашей страны. Пройдет несколько минут, вспыхнут голубые экраны шести телевизоров, установленных на борту, начнется путешествие по городам Отчизны. А пока стюардесса разносит карамель и мороженое.

Редакция молодежных программ Одесской студии телевидения предоставит в распоряжение ребят множество фильмов и телепрограмм из серии «Моя Родина — СССР». Это даст возможность совершать самые увлекательные путешествия. Кроме того, участники рейсов смогут ознакомиться с устройством самолета, зайти в кабину пилота, посидеть за штурвалом, встретиться с ветеранами — бывшими военными летчиками, пилотами гражданской авиации.

Я. ЛЕВИТ
Фото автора

ТБИЛИСИ

РЕПОРТАЖ ИЗ 1921 ГОДА

В воскресенье, 18 сентября 1921 года, в газете «Правда Грузии» появилось сообщение о том, что день празднования трехлетия Отдельной Кавказской Армии «будет ознаменован открытием монумента-бюста т. Ленина. Постановка этого бюста работы скульптора Сергеева производится скульптурной мастерской организационного центра Наркомпреса».

...Сентябрь в Тбилиси — месяц солнечный, теплый, красивый. Город украсился флагами, плакатами, гирляндами из живых цветов. Тбилисцы вывесили на перилах балконов яркие цветастые ковры. Играли духовые оркестры.

В 10 часов утра коллективы трудящихся со знаменами направлялись на нынешний проспект Руставели. Здесь они встретились с воинскими частями, с рабочими дружинами и отрядами комсомола, которые возвращались с митинга, состоявшегося на площади Свободы (ныне площадь Ленина). Все вместе направлялись к центру города, на перекресток трех улиц — Грибоедова, Руставели и Ольгинской, — где, укрытый белым полотнищем, стоял монумент. Председатель Ревкома Грузии товарищ Филипп Махарадзе произнес речь.

Под звуки оркестра все заплели «Интернационал». Полотнище спустилось, и перед собравшимися на высоком постаменте предстал скульптурный образ Владимира Ильича.

Ленин не бывал в Грузии. Но Грузия постоянно ощущала его внимание к нуждам только что нарождавшейся республики и с благодарностью отметила это первым на своей земле его памятником.

Одну из своих лучших улиц, Ольгинскую, 21 сентября 1921 года тбилисцы переименовали в улицу Ленина.

Кинохроникеры запечатлели скупые, редчайшие для истории кадры далекого праздника. К сожалению, и первый монумент — бюст Ильича в Тбилиси мы можем увидеть лишь на этих кадрах. Скульптура была сделана из недолговечных материалов.

Мало мы знаем и о ее создателе. Известно, что В. А. Сергеев приехал в Тбилиси вместе с Одиннадцатой армией. Он был художником революции, агитатором, пропагандистом. Тбилисская художественная молодежь, работавшая в те годы рука об руку с большевиками, приняла скульптора-бойца как своего старшего товарища. Ему предоставили мастерскую, он вдохновенно трудился. Через год В. А. Сергеев выполнил скульптуру Ленина в полный рост. Ее установили в саду рабочего клуба имени Плеханова на Октябрьской улице. Потом он создал памятник Розе Люксембург, памятник Алексею Джапаридзе, бюст Карла Маркса для публичной библиотеки, фигуры рабочего и крестьянина, которые и сейчас украшают фасад здания нынешнего Министерства культуры республики.

ИЯ МЕСХИ,
сборник «Огонька»

СКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

ИСКУССТВО МОЛОДЫХ

Дмитрий НАЛБАНДЯН,
народный художник СССР,
действительный член Академии художеств СССР

Выставка молодых в залах Академии художеств... Этими словами сказано многое. Здесь и замечательные традиции русского искусства, и преемственность поколений, и огромная забота партии, страны о творческом и идейном возмужании нашей молодежи.

Первые шаги в искусстве — это радость и мука, ощущение свободы полета. Институт позади, и нет рядом мудрых педагогов, их заботливой и требовательной опеки, знаний, опыта. А ответственность на юных плечах огромна: их работы предназначены людям, не одному человеку, а сотням, тысячам, и не только тем, кто приходит на выставки. Картины, скульптуры, графические листы, иллюстрации книг молодых художников, так же как произведения признанных мастеров, входят в нашу жизнь, становятся частью нашего постоянного окружения.

Чтобы помочь молодежи, при Академии художеств созданы творческие мастерские, которые ведут признанные живописцы, скульпторы, графики. Такие мастерские есть в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Баку, Тбилиси, Фрунзе, Киеве, Риге.

И вот в залах Академии традиционный отчет. В этом году выставка стала, по существу, всесоюзной, круг участников расширился, и на ее примере можно говорить об общих тенденциях нашего молодого изобразительного искусства.

Внимание к человеку — это, пожалуй, первое, что можно сказать, посмотрев работы. Пристальный интерес к людям, которые живут и трудятся рядом, стремление почувствовать характеры, проникнуть в душевный мир современников, узнать помыслы, устремления и через все это понять жизнь, эпоху. И появляется желание еще раз вспомнить героическое минувшее, которое подготовило день сегодняшний.

Москвичка Елена Флерова в картине «Агитатор» воссоздает события предреволюционной поры. Страстное слово большевика звучит в бедняцкой избе. Это слово — о земле, которая должна принадлежать крестьянам, о свободной и счастливой жизни, о том, как выбраться из нужды и бесправия. Свет керосиновой лампы выхватывает из темноты внимательные, напряженные лица. Речь агитатора-ленинца западает в души, и словно на наших глазах зреет, растет решимость людей бороться за лучшую долю.

Активность жизненной позиции. К этому призывает всех нас партия, и отрадно видеть, когда сознательно, целеустремленно воплощаются ее идеи в работах молодых художников. Харьковчанин Александр Капшук назвал свою картину «Память». Он изобразил секретарей Коммунистического Союза Молодежи 1919 года: Ф. Зайцева, А. Талашенко, П. Ярошенко. С умными, волевыми лицами, много повидавшие на своем веку, сидят они перед небольшим журнальным столиком, на котором старые, пожелтевшие фотографии, папка с письмами, документами. И вспоминают горячие годы гражданской войны, борьбу за Советскую власть на Украине, жестокие схватки с денкинцами и петлюровцами, бандитские пули, от которых все еще ноет плечо и больно сжимается сердце при воспоминании о погибшем товарище. Они были ровесниками Павки Корчагина, его сподвижниками. И веришь, что такие люди никогда не оставались в стороне от жизни, которой жила страна.

В экспозиции много портретов — людей, горячо и преданно служащих делу социализма, сверстников художников — рабочих и сельских тружеников, писателей и артистов. Мы видим милое, приветливое лицо штукатурки Тани, которую написал ленинградец Леонид Гервиц, и рядом убаюканного сединами Ахмат-Абыя казанца Фарида Якупова. Светлый, серебристый тон полотна усиливает впечатление юности героини, легкости и мягкости ее характера, мечтательности, стремления к возвышенному, романтическому. Верится, что у нее впереди прекрасная, большая жизнь, осуществление надежд и счастье. На холсте Якупова — человек, который уже прожил жизнь. Было в ней много всякого — радости, беды. Но что бы ни случилось, Ахмат-Абый был тверд и мудр. Он знал: надо быть честным, добрым. Надо работать много, не покладая рук, тогда совесть будет чиста. За Ахмат-Абием его деревня, ее благополучие — дело жизни этого крепкого душой человека.

Желание увидеть трудовую жилку, передать любовь, добросовестность и уважение к делу чувствуется во многих произведениях молодых художников. Такими представляются старый мастеровой на полотне ленинградца Геннадия Манашерова «Дядя Ваня» и девушки-малыры в картине его земляка Александра Бахарева «Мои гости». Ответственность и серьезность, надежность, основательность своих героев отмечают рижане Валдис Опманис в портрете «Пахарь», на котором изображен кавалер ордена Трудового Красного Знамени Б. Светиный, и Янис Осис, представивший на холсте Героя Социалистического Труда, председателя колхоза «Лачплесис» Э. Каулиньша. В этих двух

последних работах художники показали людей, понимающих масштаб стоящих перед ними задач, ощущающих себя строителями жизни.

По-своему стараются решать молодые мастера большие — исторические и социальные — темы. Темное, затянутое дымом пожарами небо войны, выжженная фашистами земля, и среди изрытой снарядами, вытопанной степи — одни в целом свете — сироты. Это «Дети войны» Эдуарда Белогурова из Бобруйска. Страдание, печаль в не по-детски серьезных, сосредоточенных лицах. Цельного, пронзительного художественного впечатления живописец достигает тщательным отбором, лаконизмом художественных средств, подчиненных воле и мысли автора. Никаких второстепенных деталей — только худенькие, угловатые фигурки, беззащитные и в то же время внутренне собранные, в любую минуту готовые к отпору.

Картина кировчанина Виктора Харлова, ставшего в этом году лауреатом премии Ленинского комсомола, «Последние жители деревни Русино» — о дне сегодняшнем. Она светла по колориту, звонкие краски словно радуются вместе с художником весне, свежести обновления, молодой изумрудной зелени. Всех жителей северной деревни собрал перед нами художник, но как же их мало! А за ними — заколоченные дома, в которых никто не живет, и земля до горизонта. Тем драматичнее — не по внешним приметам, а по существу — воспринимается происходящее.

Природа Родины естественно и гармонично входит в полотна молодых живописцев. Широкие дали, необъятные просторы открываются перед глазами молодого солдата в картине ленинградца Александра Полозова «Часовой». Песнь вагонных колес, и кажется, что раскрываются перед ним горизонты собственной судьбы, яснее видятся деяния народа.

Человек наедине с природой — этот мотив часто возникает в работах, показанных на выставке, помогая выразить душевное состояние героев. Он может решаться изысканно, романтически, как это делает Алексей Лопатников из Одессы в картине «Старая баржа», передавая взволнованно-приподнятое состояние юности, ожидание необычного. Этому вторит на картине морская стихия, соленые брызги, доносящиеся ветром, солнечный свет, уверенно пробивающий затянувшие небо облака. Но тональность становится трагической, как на холсте Осиса «Райнис в эмиграции», когда черные, мрачные тучи сгущаются над поэтом, певцом свободы. Или эпической — в работе алмаатинца Камилы Муллашова «Чабаны»: бескрайние казахские степи, дыхание вечности и молодой человек, уверенно ощущающий себя на земле.

Пейзаж как жанр почти не был представлен на этой выставке, за исключением, может быть, очень тонких и нежных по восприятию, по колористической разработке, небольших по формату холстов Харлова. Душой и сердцем приемлет он весеннюю синеву бездонного неба и черную борозду свежеспаханной земли, густые сиреневые туманы и пушистые сугробы, в которых утопают деревянные дома пригородов.

На полотне белоруса Александра Пашкевича «В окрестностях Молодечно» мир кажется исполинским, волшебным в предгрозовом освещении. Художник заставил нас почувствовать могучие силы природы, ее тайны, не до конца еще раскрытые человеком, и самого человека, спокойно вступающего в ее окружение.

На выставке много удачных работ. Сложные взаимосвязи людей, вечерний город, встречи, ожидание показал Владимир Товстик из Минска в картине «Субботний вечер. Микрорайон». Словно осязаемо тонкое марево над степью в акварели Любови Панфиловой «Чабан из Сагар-Чага». Ритмично и плавно движутся танцующие в скульптурной группе «Чакоконоба» тбилисца Автандила Монаселидзе. Солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, дробится в бокале, озаряя сияющими бликами стройную фигуру девушки на полотне москвича Евгения Корнеева «Чаша вина». Острые, необычные натюрморты Елены Романовой.

Можно и дальше говорить о достоинствах работ, показанных в экспозиции, назвать много имен. Выставка вселяет уверенность в том, что молодые художники на правильном пути, что они продолжают и развивают традиции реалистического искусства.

Хочется только пожелать им большего проникновения в жизнь, творческого горения, самостоятельности художественного мышления. И обязательно — вдумчивого наблюдения природы, любовного и тонкого отношения к живописной технике. Встречаются порой работы, в которых композиция, ракурсы словно заимствованы у фотоснимков, часто мелькающих на газетных и журнальных полосах, а цвет, колорит перешли на холсты с известных репродукций картин старых мастеров. Молодым есть у кого учиться, перед ними шедевры замечательных русских мастеров, таких, как Репин, Суриков, Крамской, Нестеров, прекрасные произведения классиков национальных республик.

В следующем году наша страна будет отмечать 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина. А летом все мы станем свидетелями грандиозного международного спортивного праздника — Московской Олимпиады. У молодых мастеров есть возможность проявить себя, создав произведения, посвященные столь разным и столь значительным событиям. Ибо художник прежде всего должен жить заботами и радостями своего времени, своего народа. Этому учит нас партия. Эти мысли звучали в выступлениях Леонида Ильича Брежнева, в постановлениях Центрального Комитета КПСС «О работе с творческой молодежью» и «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», в докладе Михаила Андреевича Суслова на недавнем прошедшем Всесоюзном совещании идеологических работников.

Е. Флерова. Род. 1943. АГИТАТОР. Из серии «Годы и люди». 1978—1979.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

А. Пашкевич. Род. 1946. В ОКРЕСТНОСТЯХ МОЛОДЕЧНО. 1978.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

УЗОРЫ НА ЩИТЕ

Ренат ХАРИС

КОМАНДИРОВКА

— Езжай, — говорят, — набирайся ума,
дорогу укажет дорога сама!

Но, душу взнуздав, как лихого коня,
благие порывы осаживал я.

Зачем мне дорога в чужой стороне,
где «было» и «есть» не сольются во мне?!

Не все половицы и в доме родном скрипели еще под моим сапогом...

Сто раз пыталась жизнь меня
об этом по глазам прочтет любой.

Сто раз сбивала вьюга с высоты —
об этом знаем только я да ты.

1

— А что такое рай? —
Вчера спросила дочь.
И я, собрав в кулак
свое воображение,
сбиваясь и кряхтя,
стал медленно волочить,
куда, не зная сам,
телегу объяснения.

И вот когда я сник,
не в силах превозмочь
последний кособок
нелепого турнира:
— Так это же не рай, —
смеясь, сказала дочь, —
конечно же, не рай,
а будущее мира!

2

— А что такое рай? —
Задал старик вопрос.
И я, припомнив свет
родительского дома,
ненужной
околесицы не нес —
ответил старику
и кратко и весомо.

Когда я замолчал,
старик поднял глаза,
которым никогда
уже не отогреться:
— Наверное, сынок,
ты правильно сказал,
но это же не рай,
а канувшее детство...

3

Так что ж такое рай —
Грядущее детей?
Счастливое вчера
навски уходящих?
А может быть, тоска
по совершенству дней —
шагающих,
горячих,
настоящих?!

БЛИЗОСТЬ

Семь верст пешком,
пять верст водой —
мы были так близки с тобой!

Когда,
о нежности трубя,
меж нами птица мчалась,
одним крылом задев тебя,
другим — меня касалась.

Теперь мы рядом, милый друг!
Но где же эти крылья?
Свистят вдали,
спеша на юг?
Повисли от бессилья?

ПУСТЬ СКАЖЕТ...

Молчи,
переплывший сто рек!
Осиливший море —

Пусть скажет сперва человек,
слезу одолевший в ночи...

Когда опечалится небо —
оденется в серые тучи,
нахмурится, как человек.

Когда земля затоскует —
покроется мертвою пылью,
замолкнет, как человек.

Когда загорюют воды —
Уходят в жесткое русло,
срезаются, как человек.

Когда человек затоскует,
станет, как небо, серым,
замолкнет землей пересохшей,
как речка, уйдет в себя.

КРАСОТА

Известно людям с давних пор,
что красота хранит.
Недаром воин свой узор
накладывал на щит.
И со щитом и на щите
он поклонялся красоте.

Он верил в промысел ее,
беря и то в расчет,
что отведет она копье
и от меча спасет.
Но кто посмотрит на узор,
когда лишь злоба застит взор?

Кружило в небе воронье,
звенела тетива.
Узор дырявило копье,
сминала булава.
С предсмертным хрипом у куста
бессильно никла красота...

Давно в музее древний щит.
А новый человек,
слепя огнем, в ракете мчит
над ширью гор и рек.
Летит вперед его мечта,
чтоб воцарилась красота...

Перевел с татарского
Вадим КУЗНЕЦОВ.

КОСТРЫ РЯБИН

Василий
ГОЛУБЕВ

Я иду неторопливо
По-над садом, где погост
Сторожит одна крапива,
Высоченная, в мой рост.

Пахнет яблоком и мятой.
В пелене туманной луг.
Утонули в ней телята,
Утонул и сам пастух.

Солнца луч зажег росинки,
А в затоне на воде
Распластался лист кувшинки,
Словно блин на сковороде.

ОДУВАНЧИК

Давно ли, словно солнышко,
Сиял он, глаз слепя,
А нынче шар из стеклышка
Примерил на себя.

Но ветер свирепеющий
Проверил звон листвы —
И шар его седеющий
Вмиг сдернул с головы.

И вот, сверкая лысинкой,
Как старый, тощий гном,
Он сгорбил под вишенкой,
Вдыхая о былом...

ЛЮБЛЮ КЛЕСТОВ

Редееет снега пелена,
Ручьи заметно присмирели.

И распахнулись шишки ели,
Чтоб в землю бросить семена.

Веселый праздник у клестов,
Весь день снуют между ветвями,
И в гнездах кормят семенами
Неоперившихся птенцов.

Люблю клестов за верность их,
За то, что с леса глаз не сводят,
За стойкость — ведь они выводят
Под песни вьюг детей своих.

РЯБИНА

Вода утихла за плотиной,
Морозно, и снега кругом,
Но тонконогая рябина
Горит раскидистым огнем.

С избытком в ягодах хранится
Звон августа и солнца зной,

На них снежинка сесть боится,
Мороз обходит стороной.

Как люстры красные, свисают
Густые гроздья. В свете дня
К рябине птицы прилетают
Погреться у ее огня.

Отведают рябины птица
И, встрепенувшись, улетит —
Всю ночь ей будет лето снится
И неба ласковый зенит.

* * *

Как и предсказывал Михаил — будто в воду тогда он глянул, — Степан Тихомилов женился раньше Михаила.

Недели через две после своего возвращения, немножко привыкнув к новому своему положению и чуть оттаяв душой, он, дождавшись однажды, пока Петрован перестал стучать в кузнице, вышел ему навстречу.

— В гости хочу к тебе, Петрован, напроситься.

— Да мы с Катей завсегда рады, Степан Кузьмич. И Михаил, однако, дома уж.

До этого Степан по-прежнему почти не показывался на улице, жил у Марии. И та бегала по Романовке лишь на работу да с работы, и то озираясь по сторонам, будто несла каждый раз краденое. В разговоры ни с кем не вступала, в конторе сидела, уткнув лицо в бумаги. В конце концов Катя ей и сказала:

— Раньше ты мне сказала, а теперь вот я тебе... Что ты, Маруня, как маленькая?

И тут сорокалетняя, почти с самого начала войны овдовевшая женщина, и в самом деле как девчушка горько всхлинула, шатнулась к Кате, спрятала у нее на груди лицо.

— Катенька! Я будто донага раздетая по деревне хожу... Разве ж не слышу, что бабы судачат? Да и понимаю — грех-то какой делаю! А как прикатит ночь — не могу, все забываю на свете — и себя и тебя...

засуетилась у печки. — Миша, доставай огурчиков. Петрован, сала принеси, Фрося, ну-ка хлеба нарежь...

Когда выпили по рюмке, которая чуть сняла все-таки возникшую с появлением Степана неловкость, он проговорил:

— У Михаила вон слово с делом не расходуется. Сколько, говорит, мы время потеряли, надо сразу и за дела, и тут же запрягся в колхозные работы. А я вот покуда...

— И ему я говорила и тебе, Степан, скажу... Куда же они уйдут от вас, колхозные дела?

— Да нет, Катерина Даниловна, неловко уже.

Это «Катерина Даниловна» опять стало возвращать растаявшую было неловкость, и Михаил, тотчас разлив по рюмкам, сказал:

— Правильно, дядя Степан, что пришел. Капель звонит, колхозника на работу гонит.

— Так что я готов, Катерина. Это первое. А второе... — Степан взял налитую ему рюмку, приподнял ее, будто собирался посмотреть на свет. Рюмка подрагивала в его руке, и он поставил ее обратно на стол. — Хотя об этом, дурак я такой, надо было не во-вторых, а во-первых сказать... Низко я кланяюсь тебе, Катя, за те муки, что с детьми моими ты перенесла.

— Ну что ты, что ты... Степан! — Катя отвернула повлажневшие глаза.

— Да уж порассказала мне Мария. А я еще за судьбу свою обижен был.

— Выпьем, что ли, давайте, — проговорил Михаил. — За то выпьем, чтобы тяжкое твое, Катя, прошлое, да и наше со Степаном, проваливалось все глубже, как камень в воду, и не всплывало, как тот же камень, никогда.

Когда выпили и по второй, Степан неко-

— Тогда я и пойду, доложу ей. А то она, как узнала, что я к вам, в рев ударилась...

Накинув шерстяную шаль, Катя вышла в сенцы проводить Степана. Там, в холодных потмах, он обернулся к ней, она положила руки ему на грудь, на секунду припала к нему головой и тут же отдернула ее, прошептала:

— Вот жизнь...

Он взял ее горячие, подрагивающие ладони, сжал их.

— Да уж конечно... Твой Петрован все говорит — поворо-от!

Она отняла свои руки, сказала:

— А Марунька — баба добрая. Она всю себя отдаст тебе.

— Да я это понял. За две недели понял вот. И решил я, чего тянуть неприкаянность-то свою.

— С богом тебе, Степан...

В сельсовет Тихомилов с Марией съездили по державшейся еще санной дороге. Потом всей деревней гуляли до утра в старенькой Марунькиной избе.

Свадьба была как свадьба, по-деревенскому шумная и пьяная, с песнями и плясками. И все-таки было в ней что-то горьковато-тяжкое. На три четверти Романовка состояла из вдов, и то одна, то другая бабенка, попев и поплясав, кидалась в рев. Мария вылетала из-за стола отпавать плачущих водой, бабы в ответ говорили ей, кто жалуясь, а кто откровенно завидуя, примерно одно и то же: счастливая, мол, одной из всех нас тебе и привалило...

— Да разве ж я повинная в том, бабоньки... Нежданно-негаданно выпало... Как ливень с ясного неба пролился, — оправдывалась Мария и беспомощно обращалась за поддержкой к Кате: — Да скажи ты им, Катерина! Скажи...

В Р А Ж Д А

— Да какой грех? И я-то при чем?

— Да как же...

— Ну, а по-серьезному-то он что собирается?

— То-то и оно... не знаю. Ничего не говорит. Да и что... коль я сама к нему лезу.

— А он скажет, Маруня. Ей-богу, скажет.

— Правда?! Правда? — с надеждой и недоверием прокричала Мария.

— Конечно. А то и сама заведи речь.

— Ой, не посмею! Что же ты, скажет, дура, десяток дней поигралась да уж и всего хочешь. Пусть он сам... коли захочет. А нет — так и на том ему вдовье спасибо великое...

И вот Степан пришел с каким-то важным разговором к Кате с Петрованом, это чувствовалось по тому, как он, несмело улыбувшись, поздоровался, как неловко раздевался, забыв про торчавшую во внутреннем кармане бутылку, как приглаживал потом волосы ладонями, хотя из нагрудного кармана пиджака торчала расческа.

— Проходи, проходи же, Степан, — пригласила Катя. — Сейчас ужина будет.

— Спасибо. Да я вот... — вспомнил он про бутылку, вытащил ее и поставил на стол. — С разговором.

— Успеем и с разговорами, — Катя уже

торое время помедлил, ковыряя в тарелке. Потом отложил вилку, поднял тяжелую голову, спокойно проговорил:

— Так что жизнь надо сначала начинать. Потому решили мы с Марией, как снег сойдет, новый дом ставить.

Он говорил это, глядя прямо Кате в глаза, и она не отвернула своих, выдержала, лишь зрачки ее чуть качнулись.

— Что ж я тебе скажу, Степан... — ответила она, потому что его взгляд требовал ответа. — Хочешь, нет ли — а сначала надо. И ты все правильно... правильно.

— Да мы, Степан, по весне тебе и этот освободим, свою развалюху починять сейчасну вот. Чего ж тебе строиться? — сказал Петрован. — А коли хочешь, так деньгами...

— Умный ты, Петрован, а тут... — Тихомилов дернул щекой. — Это мне с Катей да с тобой за всю жизнь не расплатиться.

— Так ведь...

— А хочешь, чтоб навек не рассорился я с тобой, так больше чтоб не слышал...

— Тогда прости... Я ж от чистого сердца.

— И я от чистого... Значит, одобряете? — спросил Тихомилов сразу у всех.

— Да как же за такое человеческое дело не одобрить? От души радоваться будем.

А под конец и сама Мария тяжело рыдалась, упала вниз лицом на кровать, а Катя и все бабы принялись ее наперебой утешать.

Степан Тихомилов на этой своей свадьбе был молчалив и спокоен, песен и слез он будто и не слышал, лишь когда Мария зарыдала, он поднялся со своего места, раздвинул толпившихся у кровати женщин, сильными руками поднял жену, принес и посадил ее за стол.

— Вот... вот... — как в подтверждение своей невиновности пробормотала Мария, обтирая ладонями мокрые и счастливые глаза.

* * *

А через год с небольшим, в мае пятидесят третьего, как только отсыпались, сыграли свою свадьбу и Михаил Афанасьев с Софьей Пилюгиной.

Более четырехсот раз за это время вставало над небольшой Романовкой древнее и вечно молодое солнце, щедро освещало холмы и пашни, сенокосы и пастбища, обновляющуюся потихоньку деревню — Степан Тихомилов с Марией да Михаил Афанасьев поставили к зиме пятьдесят третьих новые дома. И сама земля пять раз обновлялась за это время — весной, летом, осенью, зимой и снова весной.

Обновлялась земля, разносил ветер над

нею знакомые и привычные людям, но все-таки каждый раз по-новому волнующие их запахи: летом — разомлевших под солнцем трав, осенью — усталых полей и поспевших хлебов, зимой — чистого и холодного снега, а весной — молодого и свежего неба, в теплую глубину которого возвращались птицы, извечные его жители...

...Обойдя на другое утро после своего возвращения деревню, завернув вслед за Софьей в телятник, Михаил пообещал вечером прийти снова — и сделал это. Когда он, улыбающийся и веселый, вошел в помещение, девушка готовила пойло для телят. Увидев его, она быстро разогнулась, отступила к окошку, будто намереваясь выскочить через него, брови ее, черные и длинные, как птичьи крылья, зашевелились, туго расправились.

Потом между ними произошел такой разговор.

— Ну и... что? — спросила она.

— Ничего. Утром я же обещал прийти к тебе, вот и пришел.

— Как пришел, так и уйдешь. Ну, поворачивайся!

Он, ростом чуть не под потолок, стоял и улыбался.

— Ну, уходи давай.

— А я вот вижу, Сонь, ты ждала — придешь или нет.

— Скажи-те! — вспыхнула она неподдельным гневом. — Так вот и глядела в окошко весь день: не идет ли, мол, светик-то ясный?

— Ты, что ж, всегда такая злая?

— Всегда, — бросила она резко.

Тогда он снял шапку и присел на скамейку.

— Значит, я буду тебя перевоспитывать.

Брови ее опять шевельнулись, но теперь не расправились в тугие стрелы, а, наоборот, обмякли как-то обессиленно.

— Слушай, ты в своем уме-то? Вся деревня уж знает, что утром был ты тут. А ты снова...

— Да мне-то что за дело!

— Вам, мужикам, все просто. А нам...

— Так я ж на тебе жениться хочу, Соня.

— Ох ты! — Будто задохнувшись, она крутнула головой вправо, влево — то ли чтоб поймать глоток воздуха где-то, то ли чтоб убедиться — нет ли посторонних-то здесь? И раскинув, как прежде, во весь лоб брови, насмешливо произнесла: — Слепой в баню торопится, а баня еще и не топится.

И тут выдержки у нее не хватило, она сорвала со стены коромысло и, не опасаясь уже, что ее голос может быть кем-то снаружи услышан, закричала:

— Уходи отсюда! Сейчас же... Жених нашелся!

Она подбежала к двери, ударом плеча распахнула ее.

— Ну!

Красивое лицо ее теперь ходило неприятными пятнами. Михаил понял, что слова его о женитьбе были глупыми, они оскорбили ее до самой глубины.

— Прости меня, Соня... — Он поднялся и, не надевая шапки, пошел к дверям. А там опять мягко улыбнулся ей. — Только я упрямый. И на что решился — уж своего добьюсь.

— Да хоть лоб в крошки расшиби! Ты что ж, забыл, что меж нами стоит?! — прокричала она, сжигая его огромными глазами, в которых полыхала в ту минуту неукротимая ненависть. — За что ты... за что ты отца...

Он, уронив шапку, схватил Софью за плечи, сильно, не жалея, встряхнул дважды, не давая ей договорить. А затем выдохнул ей в лицо, тоже яростно и гневно:

— Ничего меж нами не стоит! Это все ты с чьих слов? Не твой это слова.

— Мои! — вскричала Софья, выдернувшись из его рук.

— Нет, не твои, — глухо бросил Михаил, поднял шапку, отряхнул. — Меж нашими

отцами, а тем больше дедами, хоть мы их с тобой и в глаза-то не видели, лютая вражда стояла. А меж нами с тобой откуда ей взяться?

— Оттуда же! — упрямо сказала Софья.

— Ну, тогда и дура, — безжалостно бросил Михаил, шагнул за порог, с грохотом швырнул за собою двери.

Он угадал, не своими словами говорила с ним Софья, дочь Артемия Пилюгина. Когда она вчерашним днем утащила от Макеевых и повела домой согнутую в крючок бабу Федотью, та, чтоб не ковырнуться головой в землю, со злостью тыкала впереди себя костью и до самого порога бормотала проклятья всему афанасьевскому роду. А в избе, еще не раздевшись, захрипела:

— А ты, чтоб тебе печенку вывернуло, с проздравлением к нему... убивцу. У-ух! — и замахнулась костью.

— Да будет тебе, бабушка, — попросила Софья, взяла у нее кость, поставила в угол, начала раздевать.

— Ты гляди у меня! И matka твоя безмозглая... Ну, да Лидка сызмальства дура. Пашенька-то придет — он вас наизнанку вывернет. Чтoб за версту мне обегала род их весь проклятуций, а Мишку-убивца — за четьре.

— Бабушка! Ведь к богу тебе скоро, а ты...

— У-у, греховодница! Ждете не дождетесь, знаю...

* * *

За версту, а тем более за четьре Софья никого не обегала, но сходились они с Михаилом, не в пример Степану Тихомилову с Марией, долго и трудно.

Всю весну пятьдесят второго они почти не виделись, так, здоровались только. И то вначале Софья на его приветствия не отвечала, скорее пробегала мимо, потом начала кивать и только под конец мая впервые откликнулась голосом: «Здравствуй», — наклонила низко голову и торопливо скрылась.

А издыхавшая вконец Федотья, неделями сидевшая обычно без движения на печи, как старая, умирающая сова в темном дупле, чутко сторожила поведение внучки и без ошибочно уловила в тот день новое ее состояние. И когда вечером Софья явилась прибраться да сварить чего-нибудь для Федотьи, та завопилась, словно заскрипела высохшими костями на печи, злобно простонала:

— Помоги слезти-то, язви тебя!

— Что это ты сердитая? — спросила Софья, помогая ей спускаться с печи.

— А то... Чую, кровь в тебе гнилая запенилась. Остудися, Сонька!

— Да о чем ты говоришь-то?

— О чем, о чем... Гляди у меня!

Как сошел снег и началась посевная страда, Михаил стал работать на пахоте прицепником, а вскоре колхоз получил еще один грузовик, и он сел за руль.

По окончании полевых работ он и Степан Тихомилов купили в районе по полсотни бревен, кирпичей на фундамент, тесу, плах, шиферу, принялись все это перевозить в Романовку.

Однажды ранним июньским вечером, закончив разгрузку купленных там же готовых дверных блоков, оконных рам, Тихомилов и Михаил сидели, покуривая, на бревнах, прикидывая, кому с какого боку удобнее пристроить веранды. Мимо с термосом в руке проходила Софья.

— Сонь! — сорвался с места Михаил, подскочил к ней. — Здравствуй.

— Строители... Здравствуйте, — холодно проговорила она, собираясь идти дальше.

— Да погоди ты хоть маленько.

— Да зачем мне... — Она все же остановилась, только бросила невольно взгляд в сторону Федотьиного дома. — Мне бабушку надо чаем на ночь...

— Подождет чуток. С голоду не помрет.

Он взял ее за руку у локтя и потянул к кучам стройматериалов. Она, хоть и сопротивляясь, пошла.

— Ты вроде не одобряешь нас с Михаилом? — спросил Тихомилов, когда они подошли.

— Да мне-то что? Стройтесь на здоровье.

— Как это так — что?! — воскликнул Михаил. — Нам же с тобой в новом доме жить.

Он все еще держал ее за руку, при этих словах она будто вспомнила об этом, резко освободилась. Но с места не тронулась, лишь едко проговорила:

— Ага... Только вот сватам бы родиться да в бороды обрядиться.

— Это что-то уж долго ждать, — улыбнулся Тихомилов и поднялся: — Ладно, Михаил, до завтра...

Он ушел, а Михаил и Софья стояли молча, будто не зная, как продолжать разговор.

— Сонь...

И в это время с крылечка Федотьиного дома хрипло донеслось:

— Со-офья! Паскудница-а!

Старуха стояла там в черном проеме дверей, одной рукой держалась за косяк, а другой трясла костью.

— Оставь ты меня в покое! — измученно простонала девушка в лицо Михаилу, повернулась и пошла. Отойдя на несколько шагов, обернулась, прокричала, задыхаясь: — Никогда не будет, никогда, ничего этого!

И теперь уж не пошла, а побежала к старухе.

А в доме Софья остервенело накинулась на Федотью:

— Чего орешь? Позоришь на всю деревню... Твое-то какое тут дело?!

— Как эт... как эт?! — едва проглотнула спершуюся в горле ярость старуха. — А кто эт... с ружья-то батьку твоего? Забыла?!

— Не забыла! — прокричала Софья. — А за что? Ну, скажи! Я ведь не маленькая, все знаю. Что же это за человек такой был? То и горе мое, что отец... Да какой он отец?!

— Чирей те в глотку... В глотку чтоб! — завизжала Федотья, как облитая кипятком. — Пашенька вот придет...

— Да провались ты со своим Пашенькой! — совсем вышла из себя Софья. — Что ты пугаешь им... этим... Как его и называть-то только?! Похуже всякого палача он! Детишек малых спалил, не пожалел! А чем они виноватые были? Он, Михаил-то, правильно — деды да отцы враждовали пущай, а мы при чем?

— Ополоумела! Умом сошла... — простонала старуха. — Ты рассуди-ка!

— А тем более — дети неразумные те?! Ну, ответь мне, скажи! — наступала на нее Софья.

— Озверела, озверела...

— Мало тюрьмы-то твоему Пашеньке. Его тоже бы из ружья...

— Рехнулась, ты-й! Уймись, замолч...

— Не замолчу! Мишка этот и не нужен мне... может. А не замолчу!

Израсходовав все силы, старуха, припав на кость, стояла среди комнаты, беззвучно уже открывала и закрывала беззубый рот, дышала часто и сипло, будто выталкивала воздух сквозь прохудившуюся грудь.

— И не лезь мне больше в душу со своим... Чего хочу, то и буду я делать, — сказала Софья, повернулась к висевшему на стене шкафчику, достала оттуда чашку с блюдцем, хлеб, масло, варенье. — Садись ужинать.

Однако старуха двинулась не к столу, а к печке. Она вскарабкалась на нее с трудом, но помощи у внучки, как бывало всегда, не попросила, села там спиной в угол и оттуда, из полутьмы, поглаживая прыгнувшую ей на колени кошку, стала глядеть куда-то в пустоту, мимо Софьи, будто ее и в доме не было.

* * *

До самой своей кончины большую часть времени она теперь так вот, сидя в углу на печи, и проводила. На коленях у нее постоянно лежала кошка, от ласки и тепла сонно мурлыкала, поблескивая из полутьмы зелеными огоньками. Иногда глаза и самой старухи вспыхивали странным желтоватым светом, и Софья часто не могла различить, кто это смотрит на нее сверху из тьмы — кошка или бабка Федотья.

Поняла ли старуха, что власть ее над внучкой кончилась, или иссякли ее питавшие ненавистью к людям последние силы, но за Софьей она больше не следила, в ее отношения с миром не вмешивалась. Она с внучкой теперь и не разговаривала почти, поест безразлично, что та приготовит, молча даст себя обиходить, сводить в баню, которую Софья топила для нее по субботам, — и опять на печь, опять сидит там безмолвно, лишь иногда вздохнет, забормочет что-то.

Сквозь эти вздохи и бормотанье у нее явственно кое-когда вдруг прорывалось:

— Пашенька, сердечный... Не дождусь родимого, некому и глаза мои будет закрывать.

— Меня-то уж и за человека ты не считаешь, что ли? — сказала ей на это однажды Софья.

— А ты кто? А ты кто? — ответила ей Федотья, проявив вдруг и прежнюю ясность ума и прежний характер. — Кто прост — у того сто ангелов в душе. Смирная на тебе одежда, да нет на тебя надежи. У-у, лукавая, знаю! А кто лукавит, того черт мохнатой-то лапой и придавит. Мишка-то Афанасьев.

— Постыдилась бы ты, бабушка! Что ты все мне Мишкой...

— Знаю уж. По глазам твоим бесстыжим все вижу.

— Да что ты в них видеть можешь?! — вскипела Софья. — Ничего в них нет! Нет!

Это Софья так думала, что ничего нет в ее глазах. Михаила она, после тогдашнего, в июне еще, разговора избегала, как прежде, а коль где сталкивались, сердито расправляла длинные свои брови: не вздумай, мол, снова разговоры начинать.

А мать вот однажды спросила у нее осторожно:

— Долго так мучиться-то будешь? И Михаила мучить.

— Кто? О чем ты? — сразу почужевшая, Софья отступила на шаг.

— О чем... Гусиха вон сунет голову под крыло, да и думает, что ее не видно.

— Мама! — вскричала Софья, упала ей на плечо. — Мама... Бьюся я, как рыба на берегу. До воды не добраться, а тут дышать нечем.

— Да что ж не добраться-то? — негромко спросила мать.

— А то и не добраться... Как подумаешь, да вспомнишь все — отец, пожар... А бабушка Федотья все бубнит, бубнит.

Разговор случился этот поздним вечером, Лидия отошла от дочери, стала разбирать свою кровать. Она сняла только одеяло, повернулась, села на кровать, одеяло положила себе на колени и долго глядела куда-то в сторону. Наконец, вздохнув, негромко проговорила:

— Федотья... Не знаю, как и сказать-то тебе, доченька. Иголка вот служит, пока ушко не сломалось, а человек-то жив, пока душа в нем не погибла. А у Федотьи души человеческой никогда и не было. И сыну... отцу твоему она сердце дала, будто шерстью обросшее. И скажу я тебе, доченька... На чужой-то слух это будет грех да кощунство великое, а ты пойми — тем выстрелом Мишка Афанасьев божий свет мне открыл.

Софья слушала эти неторопливые слова притихшая, будто испуганная, в больших глазах ее было мучительное раздумье.

— А раз мне, так и, наверное, тебе, — еще тише произнесла Лидия, по-прежнему не глядя на дочь.

В измученных глазах Софьи что-то дрогнуло, зашевелилась, заплескалась в них тоскливая, невыносимая боль.

— Ну, а сестра его, Катерина-то Даниловна, как ко мне, если...

Больше слов у Софьи не хватило.

Да что ж Катерина... Она еще и меня утешает: погоди, мол, Лидия, как солнышко теплою нагреет, так все и поспеет.

— Неужто так она? Согласится?! — недоверчиво воскликнула девушка.

— Глупая... — вздохнула Лидия. — Ну как есть ты несмышленная еще. Катерина столько всего нахлебалась, что лучше нас с тобой понимает что почем.

Но и после этого разговора Софья не могла переломить себя, и в ее отношениях с Михаилом было все по-прежнему. Завидя его где-нибудь, она тут же меняла путь, уходила не оборачиваясь. А он никаких попыток догнать ее или остановить не предпринимал.

* * *

Скоро горит огонь, да быстро течет вода, а время для Софьи тянулось теперь медленно-медленно. Как и раньше, она обмывала да обстирывала свою бабуку, частенько оставалась у нее ночевать.

— Давай-ка лучше уж я буду теперь ходить за Федотьей-то, — сказала где-то под осень Лидия. — Сожму уж свое сердце. А то она тебя, как Пашку, совсем в узел завяжет.

— Да ладно тебе! — раздраженно воскликнула Софья. Потом добавила поспойнее: — Не завяжет. А тебя она может и поленом ударить. Или кипятком плеснуть.

— Да она уж может, — усмехнулась Лидия. — О чем хоть вы говорите-то там?

Теперь усмехнулась Софья.

— Сказать, так не поверишь. Ни о чем мы не говорим.

— Как так?

— Да так. Она молчит, и я довольна.

Действительно, они почти ни о чем не говорили, даже на приветствия каждый день появлявшейся Софьи старуха отвечала нехотя и не каждый раз.

Из дома Федотья еще иногда выползала, если были теплые дни, садилась где-нибудь на припеке, вдыхала жадно свежий воздух, равнодушно оглядывала видимый ей кусок деревни и останавливала тусклый взгляд на поблескивающей под солнцем щебенистой дороге, спускающейся с холмов, точно ждала, не идет ли, не спускается ли по ней внук ее Пашенька.

Осень и всю зиму опять сидела на печи, опять вздыхала да бормотала, высохшими руками гладила свою кошку, на приветствия она теперь и вовсе перестала отвечать. Софья к этому привыкла, принимала уже как должное, лишь однажды где-то под весну спросила:

— Что это ты, бабушка, никогда не поздоровалась даже?

— А чего там в колхозишке-то? — вместо ответа спросила вдруг Федотья.

— Живем, что же... К Березовскому колхозу нас хотят вот присоединить. Не колхоз теперь у нас будет, а бригада. А то мало-мощные вы, говорят, трудно вам.

— Вон чего... Бригада, пожить бы, да не надо. Степка-то, каторжник, грю, Тихомил-то, чего?

— Что это он каторжник? Хороший он дядька, работает...

— От, непонятливая... Да я спрашиваю, с пупом нет Марунька-то счетоводиха?

— А-а... Ждут ребенка.

— Ага, — качнула головой старуха. — А тебе-то когда Мишка приладит?

— Чего? — и не поняла сперва Софья, но тут же, прямо в следующее мгновение, вся полыхнула гневом, выпрямилась и, тугая как стрела, шагнула к старухе: — Ну вот что! Захочу, так и приладит! Тебя-то уже не спрошусь.

И с плачем выскочила прочь.

Через минуту буквально она, расстегнутая, в опавшем на плечи полушалке, ворвалась в новый дом Михаила, куда он вселился еще по осени, со стоном упала в его сильные руки, забилась:

— Не могу больше терпеть от нее! И мучиться не могу больше... Сил нету, Миша, Миша!

— Да что случилось, Соня?! — воскликнул он тревожно. — Соня, Соня?

— А назло ей... пришла! — в беспомощности прокричала она. — Назло! И не уйду больше отсюда.

Михаил все понял, прижал девушку к себе и, вдыхая запах ее волос, проговорил печально:

— Я знал, что ты придешь. Только... Назло-то если, так я не хочу, Соня. Не хочу я так.

Потом он осторожно стал отстранять ее от себя.

— Ты успокойся. Успокойся тебе, Соня, надо. Ну, ступай домой и успокойся...

— Ага, надо, Миша, — кивнула девушка согласно и обессиленно, не глядя на него. Затем подняла огромные, заполненные слезами глаза, в них зажегся какой-то упрямый и жгучий свет, и она произнесла примерно те же самые слова, которые год назад сказал ей Михаил:

— Пойду... Только завтра вечером я опять приду к тебе. Нам обо всем, обо всем поговорить надо. Ты будешь ждать?

— Да как же не буду! Как же не буду! — воскликнул он дважды.

Она улыбнулась лучистыми глазами и вышла.

* * *

Замужество Софьи бабка Федотья еще перенесла, только свалилась намертво в своей пустой избе. На печку она взобраться не могла, всю ночь лежала с открытыми глазами на кровати, слушала доносящиеся из дома Михаила Афанасьева песни, глядела в темноту, по издырябшим щелкам ее скатывались горькие редкие капли.

На другой день Софья прибежала к ней, как обычно, в урочное время, только была она от счастья бледная, измученная.

— Анафема... проклинаю! — дернулась старуха на постели, схватила стоящий у кровати костыль, прижавшись спиной к стене, выставила его в сторону Софьи, как пистолет. — Не подходи-и... Пар у тебя ядовитый из рта пыхает.

— Да пойми ты, бабушка...

— Руки у тебя поганые... Не прикасайся ими ни к чему!

— Тогда как же теперь... Кто ухаживать за тобой будет? — растерянно спросила Софья.

— А так помру, без ухода вашего. Сгинь, чтоб духу твоего... Дышать мне при тебе тяжело.

— Ну вот что! — решительно вдруг сказала Софья, шагнула к ней, отняла костыль. — Помрешь, так и землю освободишь. А покуда живая, так мучиться с тобой придется. Вставай, я вон еды тебе принесла. Умывайся иди, а я постель приберу.

Софья давно приметила, что резкие слова и решительные действия как-то утихомиривали упрямую старуху, сразу обессиляли, отнимали у Федотьи даже речь, заставляли повиноваться. Лишь свалившиеся глаза ее при этом все продолжали гореть прежней неукротимой ненавистью.

Вот и теперь, царапая Софью колючими зрачками, она сползла с ее помощью с кровати, побрела к стоящему в углу умывальнику.

В термосе Софья принесла горячий чай, налила ей, нарезала хлеба, поставила сахарницу, масло.

— Пей давай.

Федотья пошвыркала из чашки, отодвинула ее и стала уныло глядеть куда-то в угол. Потом неожиданно заплакала, взвыла, как побитый щенок, сквозь слезы выдавила:

— Пашеньку не дождусь вот, того только и жалко мне. Ну, да, может, господь пошлет, недолго уж осталось...

— Ой, да письмо же от него тебе, бабушка, пришло! — воскликнула Софья.

— Где? — тотчас вскинула старуха иссохшую голову.

— На той неделе мне в конторе еще его, чтоб тебе передала. А я с суматохой этой... А сегодня вспомнила. — И Софья вынула из-под лифчика конверт.

— Давай сюда! Давай сюда, — торопливо поднялась старуха.

Павел Пилигин из мест осуждения писал редко, и только Федотье, последнее письмо было года два назад. И вот теперь пришел от него следующий конверт, старуха мяла

его кривыми пальцами, переворачивала, даже понюхала несколько раз.

— От Пашеньки... внучонка моего. Господи, очки-то где, Сонька? Очки-то! Али сама мне прочитай.

Она протянула ей конверт. Софья вскрыла его, вынула листок из ученической тетради, исписанный крупно фиолетовыми чернилами.

— «Здравствуй, бабушка...» — начала Софья.

— Ну, ну! — нетерпеливо воскликнула старуха.

— «Решил вот написать тебе еще одно письмо, последнее теперь, чтоб высказать все. А там, собравшись с духом, буду писать матери, прощенья у нее за все просить. Недавно только в разум-то я, дубина стоеросовая, вошел, да и понял, что ты ведь это мне, парнишке несмышленому, всю жизнь поломала...»

— Что? Чего-чего?! — качнулась Федотья и, чтобы не упасть, схватилась за край стола.

— Поломала — тут написано, — проговорила Софья, сама растерянная и удивленная, и тут же стала читать дальше: — «Ты, бабушка Федотья, злобой своей невинных детей погубить меня подбила, волком средь людей сделала...»

— Врешь... врешь, ты-ы! — захрипела Федотья. — Очки, грю, дай мне. Очки!

Софья торопливо открыла шкафчик, нащупала очки, протянула Федотье. Трясущимися руками она надела их, вырвала у Софьи листок.

С минуту она примерно глядела в него, читала что-то, медленно шевеля сухими, в крупных морщинах, как в глубоких трещинах, губами. Руки ее все тряслись, лицо ее все больше и больше серело, будто на виду покрывалось земляной пылью.

— Господи, да неужели очнулся Пашка?! — проговорила Софья, до которой, может быть, только сейчас и начал доходить смысл прочитанных ею слов. — Мама ведь заново возродится!

А Федотья, выронив письмо, подняла трясущиеся руки, зажала ладонями уши — в них колотился, видно, больной, разбивающий голову звон. Потом опала, рухнула на стул и со стула повалилась на пол.

— Бабушка! — Софья подхватила старуху, кое-как подтащила к кровати. — Бабушка, сейчас я тебе попить чего-нибудь... Капель сердечных...

Через неделю, так больше не сойдя с этой кровати и ни одного слова больше не промолвив, Федотья Пилюгина померла...

* * *

...Каждый день вставало над землей солнце, поднималось в бескрайнее небо, щедро освещало и крохотные деревеньки и огромные каменные города. Освещало оно и печальные погосты вокруг бесчисленных селений, где люди находили свой последний и вечный приют, где навсегда утихомиривались человеческие страсти.

Всю жизнь Пилюгины враждовали с людьми, не останавливаясь ни перед огнем, ни перед кровью, а теперь, накрытые двухметровым слоем холодной земли, лежали неподалеку от тех, кого люто и смертельно ненавидели. Могилы Сасония и сына его Артемия давно сровнялись с землей, заросли едкой полынью, со времени смерти Федотьи никто их не приводил в порядок. Потихоньку проваливался холмик и над самой Федотьей. Поначалу Софья, сердобольная душа, тайком вырывала над местом ее захоронения сорную траву, подравнивала могилу, а потом она тоже стала приходить в запустение, исчезать.

Романовское кладбище было когда-то голым и оттого еще более печальным. Ю Кузьма Тихомилов, отец Степана, велел перед своей смертью обсадить его тополями. Сейчас деревья были большими, в их ветвях каждую весну гнездились птицы, выводили многочисленное и громкоголосое потомство. А когда умолкали птичьи голоса, деревья все равно шумели своей листвой о вечной и нескончаемой под щедрым солнцем жизни.

П. А. ВОРОНИНА,
заместитель председателя
исполкома Моссовета,
отвечает на вопросы нашего
корреспондента
Б. СМЕРНОВА

— Полина Алексеевна, Московский Совет ведет огромный и многогранный хозяйством столицы, и жизнь ее маленьких граждан составляет, конечно, немалую часть его забот. В этом году, объявленном Организацией Объединенных Наций Международным годом ребенка, мы снова и снова вспоминаем историю своей страны. Если говорить о прошлом, то первые свидетельства большого внимания Советской власти к детскому вопросу следует искать, видимо, в Москве...

— Да, московский пролетариат, московские большевики одними из первых откликнулись на ленинские призывы: «Все, что ни есть лучшего — детям», «О детях ни на минуту не забывать». Только не следует подразделять заботу о детях на «московскую», «петроградскую» или «киевскую»: она была повсеместной, всеобщей для молодого Советского государства. В те годы везде были беспризорные дети, повсюду в стране мешали нормальной жизни голод, разруха, неустроенность. Правда, именно в Москве открылся первый детский дом, преобразованный из дореволюционного приюта, первая детская библиотека, инициатором создания которой была

О многом говорит тот факт, что средства от всесоюзных коммунистических субботников в значительной части распределяются на детскую медицину — в Москве уже построены таким образом три родильных дома, первая очередь научно-исследовательского центра акушерства и гинекологии, возводится кардиологический центр. Совсем недавно состоялось торжественное открытие Всесоюзного центра по охране здоровья матери и ребенка. Таким образом, можно утверждать, что дети в Москве рождаются под присмотром огромного отряда специалистов, контроль за укреплением их здоровья осуществляется с применением новейших достижений медицины.

Детство — самая счастливая и самая ответственная пора в становлении человека. Советское общество заинтересовано в том, чтобы юное поколение росло здоровым, образованным, с высокими жизненными идеалами. Лучший путь к достижению этой цели — сочетание семейного воспитания с общественным.

Прежде всего имеются в виду детские ясли и сады: в Москве в них воспитываются 400 тысяч малышей. Родители, работающие по сменному графику, могут поместить детей в группы круглосуточного пребывания — сейчас таких групп в столице более чем на 88 тысяч мест. Пока журнал с этим интервью будет печататься, цифры устареют: в нынешнем году в столице вводится еще 80 дошкольных учреждений, даже несколько больше, чем было построено в прошлом году. Это все новые, возведенные по типовым проектам детские учреждения со спальнями, с залами для занятий музыкой, для игр, гимнастики.

— Детские сады и ясли у нас — не бесплатные...

Дошкольные учреждения должны не подменять школу, а готовить детей к более глубокому и всестороннему изучению усвоенных в детском саду истин.

— Если можно, не о школах вообще, а о том, чем они примечательны в столице.

— Пожалуй. Наверное, в первую очередь следует сказать, что московские школы многопрофильны. Значит, они сегодня в состоянии полностью удовлетворить запросы подростков в зависимости от их склонностей, способностей, интересов. 135 московских школ специализированы: они дают возможность более глубоко изучать иностранные языки, математику, физику, биологию, гуманитарные науки. Кроме того, во многих школах такое углубленное изучение нескольких предметов ведется факультативно, по выбору учащихся.

В школах столицы более 20 тысяч прекрасных оборудованных кабинетов по всем учебным предметам — с необходимой литературой, с наглядными и техническими средствами обучения, причем пятую часть этих кабинетов можно назвать образцовыми.

Еще одна особенность — многочисленные группы продленного дня. Подсчитано, что в них с 1-го по 8-й класс воспитывается сейчас каждый третий московский школьник. В бюджете города на содержание детей в группах продленного дня ежегодно предусматривается свыше 16 миллионов рублей!

Следует отметить, что наши школы меняют и внешний свой облик: с этого года строительство ведется по новым, улучшенным проектам.

ЛУЧШЕЕ — Д

Н. К. Крупская. В Москве было создано первое в мире издательство детской литературы — «Детгиз».

Пройдите по Москве: нет такого квартала, где вы не увидите детского садика, школы, Дома пионеров либо другого детского учреждения. А сегодня вопрос стоит о создании уже не отдельных таких объектов, а целых комплексов здравоохранения, воспитания, интеллектуального развития маленьких граждан. Надо, например, чтобы было не просто много детских поликлиник — теперь они строятся из расчета на каждые 10 тысяч детей. На 2—3 тысячи жителей должно быть здание детского сада-яслей, на 8—10 тысяч — общеобразовательная школа. Причем установлено, что расстояние от каждого жилого дома до ближайшего детского сада не должно превышать 400 метров, до школы — 400—500 метров... Москва и в этом отношении стала как бы лабораторией нового, передового опыта по созданию комплексов детских учреждений...

— С какого возраста начинается забота о ребенке?

— Задолго до его рождения. В Москве создана широкая сеть лечебно-профилактических учреждений, консультаций. Около двух с половиной тысяч врачей, акушеров-гинекологов ведут наблюдение за состоянием здоровья будущих матерей в ста одной женской консультации города. В Москве действуют 34 пункта неотложной медицинской помощи, в которых дежурят специальные детские и акушерские бригады. Все призвано исключать неожиданности, осложнения в этом радостном событии — появлении ребенка на свет...

— Да, но родители оплачивают не более одной пятой расходов на содержание ребенка. Кроме того, надо учесть: плата за содержание ребенка остается прежней, а комплекс обслуживания детей все время совершенствуется. В документе «Программа воспитания детей в детских садах» говорится не только об играх: новое содержание образования, переход на новые программы начальной школы поставили свои задачи и перед дошкольными учреждениями. Детей знакомят с элементами математики, проводят занятия по развитию речи, следят за укреплением индивидуальных навыков. Сколько будущих художников, поэтов, музыкантов делает свой первый шаг к искусству именно в детских садах!

— Трудно представить, что нового можно придумать в воспитании ребенка! Кажется, все продумано, испытано, наработано веками...

— Но дети-то разные! Сегодняшнего ребенка мало научить правильно вести себя за столом, самостоятельно одеваться и не грубить старшим. Воспитатели должны объяснять детям все, что те видят вокруг, а ответить на детские вопросы, согласиться, под силу не каждому взрослому. А как лучше организовать занятия с малышами, чтобы не утомить их и в то же время чему-то научить? Как и какие технические средства обучения следует применять? Как лучше прививать нашим маленьким гражданам чувства патриотизма, интернационализма, уважение к труду? Это проблемы, над которыми работает сегодняшняя наука.

— Но ведь такие же примерно проблемы стоят и перед школой...

— Но совершенно в другом объеме, другой насыщенности! Речь идет о преемственности.

— И как все это отражается на успехах молодых москвичей?

— Инспекторские проверки Главного управления народного образования свидетельствуют: за последние годы у нас в городе значительно повысился уровень знаний, навыков школьников, стабилизировалась их успеваемость. Практически завершён переход ко всеобщему среднему образованию. Так, в прошлом году 99,8 процента выпускников восьмых классов продолжили учебу в дневных и вечерних школах, техникумах, ПТУ.

— Подготовка школьников к труду, видимо, стала неотъемлемой частью среднего образования?

— Лучшие преподаватели Москвы добиваются, чтобы профориентация юношей и девушек стала такой же обязательной, как и поэтапное усвоение знаний. Даже в классах начальной школы трудовое воспитание постоянно углубляется, исследуются новые его формы. Значительно активизировалась работа не только педагогических коллективов, но и промышленных предприятий, шефствующих над школами. В Москве сосредоточено много передовых предприятий страны. Сейчас создано сорок учебно-производственных комбинатов, где старше школьники знакомятся с основами производства под руководством квалифицированных специалистов.

Инициатива заводов АЗЛК, «Красный пролетарий», «Хроматрон» и десятков других тесно связанных со школой предприятий одобрена решением бюро МГК КПСС. Хорошо поставлена такая работа в Красногвардейском, Ленинградском районах столицы. В Бауманском районе 70 процентов школьников, овладевших той или иной профессией в УПК, связали свое

будущее с этими специальностями. В Севастопольском районе более половины выпускников УПК избрали рабочие профессии. Ленинские идеи о соединении обучения с производством все глубже осваиваются нашей школой.

В Москве свыше шестисот внешкольных учреждений, в которых одновременно проводят свой досуг около 100 тысяч подростков. И каждый может заниматься любимым делом: строгать, шить, мастерить модели, собирать радиоприемники, водить автомобили, готовить себя к космическим полетам — разве все перечислишь! А сколько возможностей открыто для любителей искусства! Балетные классы и художественные студии, театральные кружки, секции юных литераторов, хоровые общества... Знаменитый Большой театр вот уже 15 лет организует музыкальные утренники школьника, давая специально для детей спектакли, в которых заняты лучшие артисты театра. Верно и преданно служит детям всемирно признанный кукольный театр под руководством Сергея Образцова. Все 32 профессиональных московских театра каждое воскресное утро открывают свои двери детям. Когда в Москве проходила неделя «Театр — детям», столичные коллективы показали юным зрителям около 200 спектаклей!

По инициативе Союза композиторов СССР в Москве открыт университет музыкальной культуры для юношества, имеющий 15 клубов и лекториев. Посещение бесплатное. Каждой весной на лучших сценах Москвы проводится детская музыкальная неделя. Прекрасно работает музыкальный лекторий, который ведет известный советский композитор — Дмитрий Кабалевский.

вания на призы газет «Пионерская правда» и «Комсомольская правда».

Поистине невозможно перечислить все связанные с детским отдыхом мероприятия. Только в Свердловском районе столицы состоялся конкурс детского плаката «Нет — войне!» и «Детям нужен мир», праздник «Пусть всегда будет солнце!», неделя детской музыки, выставка работ детских изобразительных коллективов. В знак солидарности с детьми планеты учащиеся района отработали на различных предприятиях по 4 часа и заработанные средства направили в Фонд мира. Опытные инструкторы водили ребят района в туристские походы, работали районные детские секции и клубы, разнообразные программы отдыха детей осуществлялись в каждом микрорайоне, в каждом жеке.

— Какую роль в жизни Москвы сыграла Всемирная конференция «За мирное и счастливое будущее для всех детей», проходившая недавно в столице?

— Без преувеличения можно сказать, что конференция стала центральным событием в программе проведения Международного года ребенка в столице. Москвичи наглядно продемонстрировали гостям форума то, что Леонид Ильич Брежнев назвал в приветствии участникам конференции «оптимальными условиями для полноценного развития детей и юношества». Гости во многих школах столицы встречались и разговаривали с учениками, посетили ряд медицинских учреждений города, в том числе Институт хирургии имени А. В. Вишневского, побывали в ПТУ № 127, издательстве «Малыш», в Центральной детской музыкальной школе при Московской консерватории и в других детских учреждениях столицы. И мы,

Е Т Я М

А юные любители изобразительного искусства... Только на базе Третьяковской галереи работает 100 кружков по истории искусств, объединяющих 2500 школьников.

— Полина Алексеевна, вы возглавляете комиссию по проведению Международного года ребенка при Московском городском Совете народных депутатов. Какие вопросы рассматривала эта комиссия?

— Как пример, я могу рассказать о заседаниях комиссии минувшим летом — в пору школьных каникул. Еще в мае комиссия рассмотрела, как выполняется план по строительству средних школ, детских дошкольных и медицинских учреждений.

На том же заседании обсуждались мероприятия по увеличению производства и повышению качества швейных товаров для детей и улучшению торговли этими товарами. Повторяю, дело было в мае, и уже тогда мы начали разговор о подготовке к холодам — о том, успеют ли швейники передать в торговлю необходимое количество зимних пальто для девочек. Тогда же были приняты решения о моделировании одежды для подростков, об использовании новых модных тканей...

Конечно, много вопросов, рассмотренных комиссией, было связано с летним отдыхом детей. 699 загородных пионерских лагерей, 342 городских пионерских лагеря, спортивно-оздоровительные лагеря, лагеря санаторного типа, множество детских площадок, мероприятия детских клубов — вот лишь самый общий перечень «летних» тем, требовавших постоянного нашего внимания. А сколько было организовано спортивных соревнований для ребят! Более 450 тысяч юных москвичей участвовало во всесоюзных спортивных играх «Старты надежд». Прошли массовые соревно-

вания, слыша от представителей разных стран, международных и региональных организаций слова удивления и восхищения, еще раз убеждались: нет для нас дела почетнее, благороднее и важнее, чем забота о детях, забота о будущем нашей страны!

Международная общественность высоко оценила то, что в Советском Союзе Международный год ребенка открылся в первый день 1979 года выступлением Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева, выступлением, в котором руководитель Советского государства выразил заботу о детях всего мира. А сколько радости, незабываемых минут принес детям приезд Леонида Ильича Брежнева в Артек, на международный детский праздник! Новым проявлением заботы партии и правительства о подрастающем поколении стало постановление Президиума Верховного Совета «О проведении в СССР Международного года ребенка». В ответ на это постановление бюро МГК КПСС и исполком Моссовета приняли совместное решение, в котором определены конкретные мероприятия всех партийных и советских органов, направленные на улучшение этой работы с детьми.

Наша страна борется за мир. Партия, правительство, лично Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев прилагают огромные усилия по обеспечению мира как главной гарантии всех наших успехов, всей нашей счастливой жизни. Только в мирное время могут быть созданы все условия для всестороннего, всеобъемлющего воспитания нового поколения людей.

ВРЕМЕНА ГОДА

*
ЛЕТО
ОСЕНЬ
ЗИМА
ВЕСНА

РОДИНА МОЯ

Бескрайнее поле клевера, распахнувшееся во все стороны за околицей деревни. За березами темнеют избы. Посреди поля, в ромашках по пояс, охотится за бабочками или стрекозами белоголовый парнишка. О чем он думает, чему счастливо улыбается под этим огромным небом с летящими белыми облаками?..

Я листаю страницы альбома (составитель В. Чернов, общая редакция С. Михалкова, художник Д. Бисти), и перед глазами возникает родная деревушка Ботово, затерянная в солнечных рощах и дремучих борах. Она окружена полями, над которыми плывут медовые запахи цветов, и волнистым морем ржи и пшеницы. Вокруг выстает голубой лентой чистая речка Ягорба. Речка то журчит, стремительная на перекатах, то застыла, затерянная в омуты, где всплескивают налимы. Чтобы попасть в Черный бор, нужно пройти по теплой пыли заросшей подорожником дороги через гороховое поле и перебраться за Ягорбу по лаву. Километра через три можно будет нидать в корзину крупные, словно покрытые изморозью, ягоды гонобобеля, а потом уже пойдут грибы, ядреные, красношляпочные.

Я рассматриваю картины альбома (язык не поворачивается сказать — снимки, фотоиллюстрации), и передо мной разворачивается панорама русской земли, величавой и томительно прекрасной летом и осенью, зимой и весной. Книга поэтому так и называется — «Времена года». Символом смены времен года, вечности природы служит, пожалуй, высокий кражистый дуб во широком поле. Он смотрит с суперобложки, зеленый и могучий, и замыкает альбом уже осенью, вздымаясь к небу голыми переплетениями ветвей, все такой же непоколебимый, как наша земля.

Всю жизнь, с самого рождения своего, человек неразрывен с природой, является частью ее. Она кормит и поит его, тревожит и радует, заставляет думать и понимать красоту мира.

В альбоме работы наших лучших фотомастеров перемежаются стихами русских классиков и современных советских поэтов. Возникает единый яркий образ Отечества. Издавна поэты и художники, писатели и композиторы искали и находили неиссякаемый источник вдохновения в родной природе. Любовь к природе с малых лет воспитывает человека, делает его чище, добрее, благороднее.

Эта книга помогает понять, как прекрасна наша Отчизна, в каком неоплатном долгу мы перед нею, как надо бережно хранить и умножать красоту родной земли.

В. ЛЕБЕДЕВ

«Времена года», фотоальбом. М., «Планета», 1978.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора

Из журналистских поездок в страны Запада наибольший интерес для меня представляет каждая новая встреча с Францией. И не только потому, что между обеими нашими странами давно установились глубокие связи и взаимные симпатии в культурной жизни. И не только потому, что Париж — самый прекрасный из всех чужих тебе городов... Дело еще и в том, что в последние годы, как никогда, упрочились и успешно развиваются всесторонние отношения между СССР и Францией. В сборнике речей и выступлений Л. И. Брежнева, вышедшем в 1977 году в Париже, есть в авторском предисловии такие строки:

«Перестройка к лучшему советско-французских отношений, у истоков которой стоял генерал Шарль де Голль, положила по существу начало тому, что сегодня мы называем «разрядкой». Сотрудничество наших народов во имя оздоровления политического климата на планете стало традицией. И, думается, той традицией, ради поддержания и обогащения которой стоит работать и впредь».

Каждая встреча с Францией, с Парижем всегда дает новые доказательства продолжения этой традиции. Осенью нынешнего года одним из главных центров общественного интереса стала выставка «Париж — Москва», открывшаяся в Национальном центре искусства и культуры имени Жоржа Помпиду. Тысячи парижан и гостей французской столицы ежедневно выстраивались в длинную очередь у входа на выставку. Глядя на этот нескончаемый поток посетителей, я еще и еще раз убедился в том, что связи между Москвой и Парижем, между нашими обеими странами действительно крепки и полнокровны. И вспомнилась мне еще одна такая же примерно выставка, работавшая в Париже в декабре 1974 года, в дни визита Л. И. Брежнева во Францию. Она была тогда приурочена к 50-летию установления дипломатических отношений между нашими странами, и на ней были широко представлены многие уникальные исторические реликвии. Например, Евангелие XI века, принадлежавшее Анне Ярославне, дочери Ярослава Мудрого, которая стала женой французского короля Генриха I. Были там и подлинники грамот и писем с подписями и печатами Ивана Грозного, Петра Первого, Екатерины Второй... Древние и глубокие корни!

И вот сегодня, пять лет спустя после той памятной выставки, еще более громкий успех экспозиции «Париж — Москва». Годы идут, а наши связи растут и крепнут. Выставка «Париж — Москва» раскрывает один из секретов прочности и жизненной силы этих отношений: одухотворяющий их гуманизм. «Посланцами мира и предвестниками прочных союзов» назвал Эмиль Золя «произведения великих писателей, которыми обмениваются народы». Он так продолжал эту мысль: «Французская литература отправляла в качестве послов Бальзака и Гюго, а русская литература ответила на это присылкой своих — Тургенева, Достоев-

ского, Толстого». Общение культур двух наших народов всегда служило их взаимному обогащению. Октав Мирбо писал Льву Толстому: «Кое-кто из гордых писателей моей родины заявлял, что Вы многим обязаны Франции. Они хотели бы видеть в Вас питомца французской революции и Стендаля. Я же утверждаю, что Франция сама Ваша должница... Вы возбудили в ее многовековом гении новую жизнь». Как много связано у Вольтера с Россией, у Тургенева, Горького и Маяковского — с Францией! Хрестоматийным стало выражение Маяковского: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва». Меньше известны слова Н. М. Карамзина, сказанные за полтора года до Маяковского: «Я хочу жить и умереть в моем любезном отечестве, но после России нет для меня земли приятнее Франции».

А сколь знаменательно, что с Францией была тесно связана жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина! Он не раз бывал во Франции, а с июля 1909 года по июнь 1912 года жил на парижской улице Мари-Роз в доме № 4. Сегодня здесь квартира-музей.

С понятным волнением входил в этот дом. Узкая лестница приводит на третий этаж. Открывается дверь, и вы попадаете в небольшой коридор-прихожую. Три комнатки, небольшая кухня. Комната, выходящая на улицу, была кабинетом Владимира Ильича. Средняя комната (без окон, чуть больше купе поезда) отделена от него стеклянной дверью, почти всю ее занимают две простые железные кровати. Самая лучшая комната, в глубине квартиры, была предоставлена матери Н. К. Крупской.

В. И. Ленин знал и любил Францию и Париж. Во многих его трудах упоминается история и культура страны, анализируется опыт французских революций, особенно Парижской коммуны. После Октябрьской революции Ленин неоднократно подчеркивал необходимость мирного сосуществования и установления культурных и торговых связей с Францией. «Всякое сближение с Францией для нас чрезвычайно желательно...» — говорил он в 1922 году.

Среди многих исторических событий, сближающих наши народы, есть и совместная борьба с фашизмом в годы второй мировой войны. Как в Париже, так и в других городах Франции немало могил и памятников, к которым и сегодня приходят люди, чтобы почтить память героев, отдавших жизнь за свободу Франции. И на известном парижском кладбище Пер-Лашез и в далекой провинции я видел, как люди, старые и молодые, почитают эти святые для них места. Они помнят, что сотням тысяч французам, активно боровшихся с фашистскими оккупантами, помогли миллионы советских бойцов на фронтах Великой Отечественной войны. «Французы знают, — сказал де Голль, — что сделала для них Советская Россия, и знают, что именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении». Это еще одна из глубинных причин прочности нашей дружбы и сотрудничества.

Во время моего пребывания в Париже я обратил внимание на заметку в газете «Интернэшнл геральд трибюн». В ней вспоминалось известное авиасоединение «Нормандия — Неман», в составе которого французские летчики сражались на фронтах Великой Отечественной войны. В газете сообщалось, что 70 из 110 французских пилотов пали смертью храбрых. Мы помним об этом. Помним мы и о том, что судьбу нашей Хатыни разделила французская деревня Орадур. Будучи не в силах справиться с французским движением Сопротивления, гитлеровцы варварски уничтожили эту деревню и ее население. Сегодня на том месте на бетонной плите начертаны слова: «Вспомни! 10 июня 1944 года в этой

деревне были уничтожены: 147 детей от 5 до 14 лет, 55 детей менее 5 лет, 240 женщин и 193 мужчины».

В солидарности народов обеих наших стран я еще и еще раз убедился, когда увидел лицо трудящейся Франции на традиционном ежегодном празднике газет «Юманите». Родился этот праздник в 1930 году. В последние годы он проводится в сентябре в парке Курнев, в предместье Парижа. Два дня, субботу и воскресенье, огромный зеленый массив бурлит, поет, танцует и митингует с утра до ночи. Около одного миллиона человек собрал праздник этого года! И за целый день не обойдешь все театральные подмостки, рестораны, кафе, павильоны, стенды, киоски, игровые площадки этого, словно в сказке, вдруг на два дня возникшего центра жизнерадостности и веселья. Да, это целый большой город, с улицами и площадями, переулками...

В центре праздника — стенд ЦК Французской компартии и «Юманите». В интернациональном городке представлены печатные органы и организации братских партий. В городке книги внимание посетителей привлекают десятки тысяч книг. На центральной сцене и ее многочисленных филиалах выступают французские и иностранные артисты. Повсюду — павильоны и стенды департаментских организаций и ячеек компартии. Устроители этих центров и экспозиций стараются представить свои родные края на этом парижском празднике трудящейся Франции. В одном из таких павильонов я встретился с посланцами Бретани, активистами общества «Франция — СССР». Под сидр, чем-то напоминающий наш квас, и устрицы мы долго беседовали, сидя в большой палатке за сколоченным из простых досок столом. Нам не нужно было находить общий язык, разговор сразу начался дружеский и доверительный.

Французские друзья рассказали о работе общества «Франция — СССР». Оно было создано в 1945 году. Лишь за один 1978 год общество провело более 3500 различных мероприятий (встречи с гостями из СССР, выступления советских артистических коллективов, курсы по изучению русского языка, организованные по всей стране, и т. п.). По инициативе обществ дружбы «Франция — СССР» и «СССР — Франция» в Париже была организована франко-советская встреча по проблемам разоружения, в которой участвовали парламентарии, видные политические, общественные и военные деятели.

Любопытно, что только один отдел общества «Франция — СССР», называемый «Кустарные изделия», импортирует произведения народных умельцев из всех 15 советских республик и в 1979 году организовал во Франции 365 выставок. Около пятидесяти советских и пятидесяти французских городов являются побратимами и связаны самыми тесными узами дружбы.

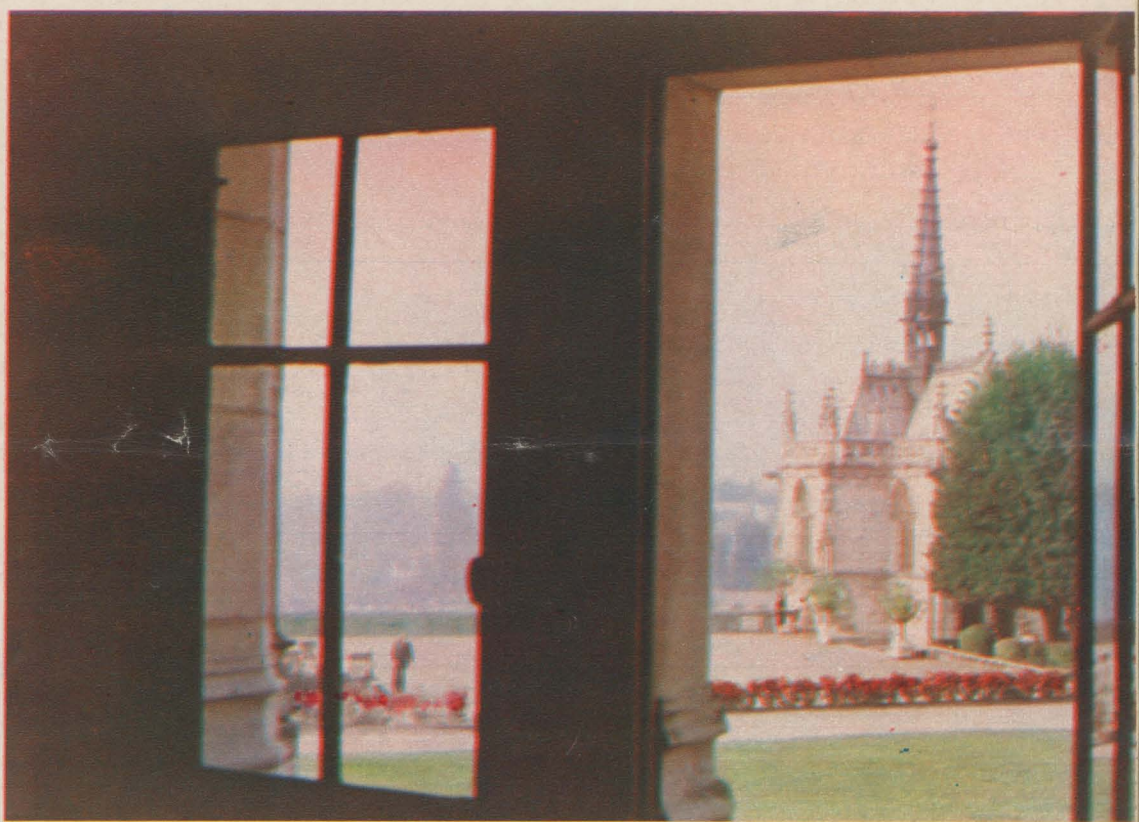
И, наконец, дружеские отношения между нашими странами опираются на прочную основу делового сотрудничества. Многим, наверное, известен такой конкретный пример сотрудничества, как совместная работа наших и французских специалистов на серпуховском ускорителе. На советских космических стан-

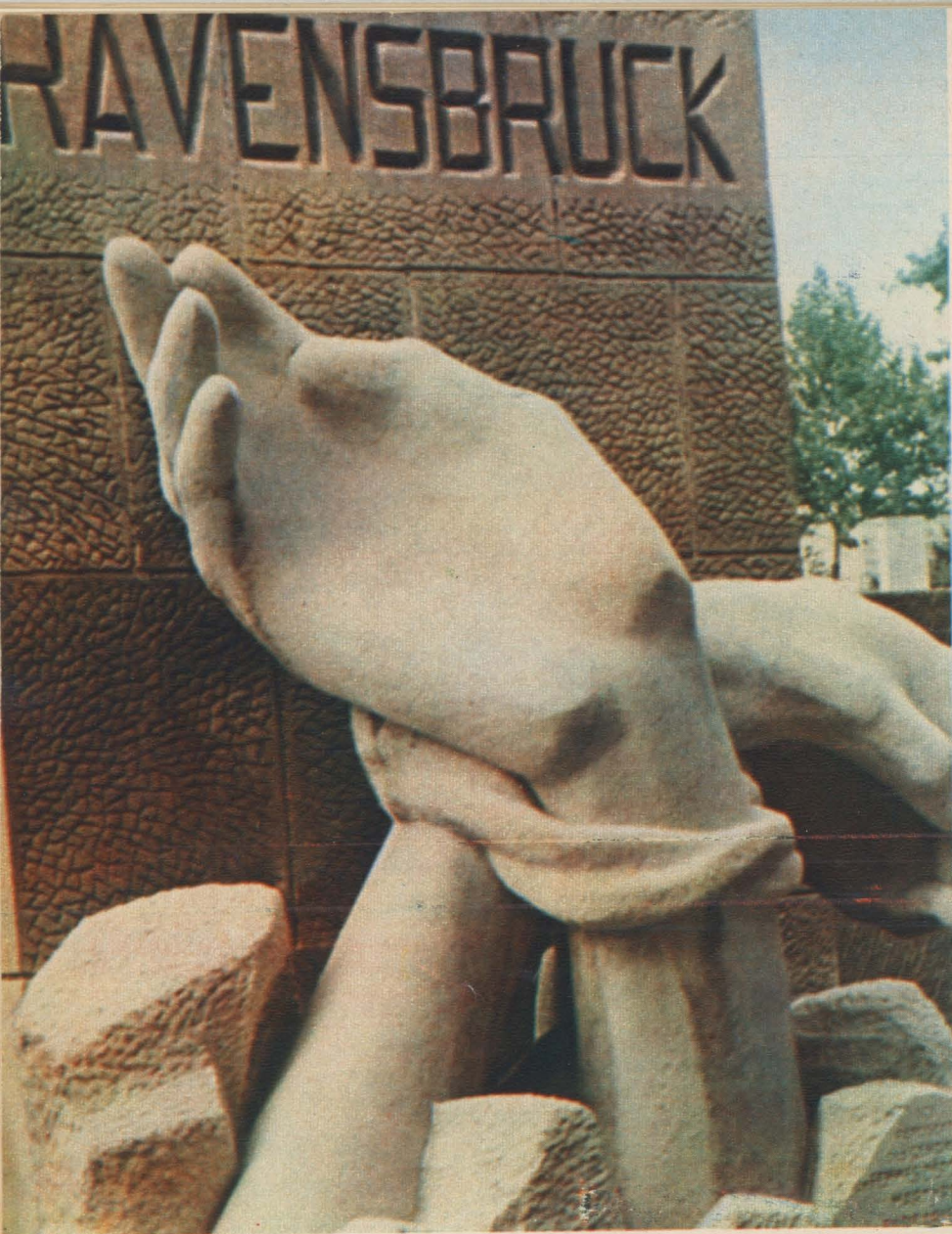
Уличные музыканты. * В центре Парижа. * Художник на Монмартре. * У входа в музей Родена.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Молодая француженка. * У входа на выставку «Париж — Москва». * Памятник Жанне д'Арк в городе Орлеане. * Вид из окна в замке [Амбуаз]. * В Версале.

циях, запущенных к Венере, были установлены и французские аппараты. По заказу французских лабораторий металловедения и кристаллографии нашими космонавтами были проведены исследования на борту «Салюта-6». Советские инженеры и техники соорудили во Франции гигантский пресс, который сейчас уже вовсю работает. СССР занимает пятое место среди импортеров французских товаров и седьмое — среди французских поставщиков. С различными советскими организациями сотрудничает более 600 французских фирм.

Президент национального центра космических исследований Юбер Кюриен так сказал о совместной работе специалистов обеих стран в области космических исследований:

«Это сотрудничество имеет для нас первостепенное значение. Благодаря ему мы провели целую серию научных экспериментов и исследовательских работ в космосе, которые не смогли бы осуществить без наших советских друзей и партнеров. Нами совместно запущены многие спутники, реализованы различные научные программы. Это, в частности, эксперименты по измерению расстояния до Луны с помощью французских угольковых отражателей, размещенных на советских «лунноходах», изучение магнитосферы Земли в двух магнитосопреженных точках планеты — над островом Кергелен в Индийском океане и над Архангельском. Большим событием на орбитах советско-французского сотрудничества был ракетный эксперимент «Аракс», в ходе которого исследовались характеристики полярного сияния, искусственно вызванного в ионосфере. Многие из совместных советско-французских программ, осуществленных в космосе, явились, на мой взгляд, новым словом в науке о Вселенной».

А вот что заявил в этом году президент Французской республики В. Жиска д'Эстэн по поводу предполагаемого участия французского космонавта в одном из наших космических полетов:

«Да, мы готовимся участвовать в таком полете. Я был очень тронут предложением на этот счет, сделанным Л. И. Брежневым во время моего недавнего визита в Москву. Сейчас уже осуществляется программа подготовки наших космонавтов, и я надеюсь, что в недалеком будущем французская сторона сможет принять участие в советском космическом эксперименте. Это будет очень хорошим примером развития сотрудничества между Францией и СССР».

Новым важным этапом в развитии советско-французских отношений стала встреча Л. И. Брежнева с В. Жиска д'Эстэном, находившимся в апреле 1979 года в Москве с официальным рабочим визитом. В результате прошедших переговоров был принят такой знаменательный документ, как Программа дальнейшего развития сотрудничества между Советским Союзом и Францией в пользу разрядки и мира. Укрепляют и расширяют советско-французское сотрудничество и другие принятые тогда же документы, такие, как долгосрочная программа углубления экономического, промышленного и технического сотрудничества между СССР и Францией на период 1980—1990 годов, соглашение между нашими странами об экономическом сотрудничестве на период 1980—1985 годов, ряд межправительственных соглашений.

Этой осенью в Марселе уже в 55-й раз состоялась традиционная ярмарка. Ее советский раздел был одним из самых популярных. Электромоторы, автомобиль «Лада», часы «Слава» и другие наши экспонаты привлекли внимание многих тысяч посетителей. Во время советско-французской встречи на высшем уровне в 1974 году была поставлена задача утроить по возможности внешнеторговый оборот между двумя странами. Сегодня ясно, что цель эта практически будет достигнута и решения, принятые на советско-французской встрече на высшем уровне в 1979 году, поднимут сотрудничество между СССР и Францией на новую ступень.

Так от Земли до космоса успешно развиваются советско-французские связи, являя собой пример плодотворного сотрудничества между странами с различным социальным строем, являя собой пример осуществления разрядки не на словах, а на деле.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. АБАШИДЗЕ

«...ИДЕАЛА ВЗЫСКУЕТ ПОЭТ!»

«Просто был я сам собой, думая о человеке», — сказал однажды Ираклий Абашидзе.

Ему дана счастливая и редкая в наши дни способность не усложнять, говоря о наитруднейших проблемах — неразрешимых и разрешенных. Ему действительно дано быть самим собой, помня обо всем сущем, дано ощущение сопричастности всему происходящему на земле.

Мысль, выразившая творческое кредо грузинского поэта, правдивая и конкретная, на первый взгляд совсем незамысловата. Когда читаешь стихи Абашидзе, удивляешься немногословию, порой афористичности его строк. Но в их краткости чувство доведено до предела, мысль отточена и ясна. В одном издательстве мне рассказали, как Абашидзе в последний момент перед выходом книги уменьшил ее на треть. И дело здесь не только в требовательности к себе — дело в понимании высочайшего смысла поэзии.

Более полувека назад появились его первые стихи. Сейчас не время подводить итоги — ведь свое лучшее он создал, как раз перешагнув через пять десятков лет.

Но при всем многообразии идей, сюжетов, широте взглядов, тем поэтический мир Абашидзе предполагает конкретную, четкую позицию по отношению к жизни.

В одном из стихотворений знаменитого цикла «Палестина, Палестина» есть строки:

Я,
не венчанный короной,
только мыслью
был всегда,
только мыслью бессонной...

Наверное, раздумья о человеке занимают поэтов ровно столько же времени, сколько человечество существует, но оттого актуальность тех раздумий не уменьшилась. Абашидзе по-своему рисует законы создаваемого им мира, не повторяющего действительность, но продолжающего ее. Мир этот идеален, но не тем, что живущему в нем покойно и благополучно, а тем, что есть «снег в ожидании нового снега», «поля в сплошных цветах, растений запах слитый», а люди, живущие там, велики душою, открыты сердцем, сильны и благодарны.

В том признаюсь,
что на свете
превыше всего
родину ставил,—

говорит герой стихотворения «Голос в оливковом саду».

Поклонение любимой земле — главная тема творчества Ираклия Абашидзе. О счастье быть ее сыном он писал и тридцать и сорок лет назад. А одно из последних стихотворений, открывающее вышедший недавно в издательстве «Художественная литература» сборник «Избранное», называется «Дай быть с тобою, Родина!».

Рисуя своего героя, поэт подчеркивает, что ему ведомы и боль, и горе, и радость,

и, главное, любовь. К цветущему дереву, сиянию небес, апрельскому звону, красоте:

Но истины ничуть я, грешный, не обидел
тем, что любовь считал пристанищем ее.

И это не просто слова, это — убеждение, ведь: «В любви — Голгофа каждого поэта, но и спасенье — тоже только в ней».

Любовь и красота в творчестве Ираклия Абашидзе слиты воедино, и исповедует он их страстно, фанатично. Жизнь исполнена прекрасного, и счастье наше заключено именно в этом. Поэт принимает неизбежную краткость существования красоты: «да-но не больше одной минуты и землянике, чей цвет безгрешен», — но и сознает ее вечность, незыблемость.

Полнота бытия — основа творческого вдохновения Абашидзе. Еще будучи совсем молодым, он восклицал:

Ну а мне, что же делать мне, если я зрячий,
В оба глаза на мир упоенно смотрю?

Время лишь прибавило сожалений о невозможности объять необъятное: «И не хватает мне уже самой весны, и тесно мне уже в самом апрельском звоне».

Абашидзе не молод, и стихи его наполнены мудрым сознанием, что истинная поэзия невозможна без упоения жизнью, бьющей через край, без потрясения красотой мира, без боли, без тревоги за все сущее:

За бессмертной печалью вослед
ты идешь —
вот твоё назначение.
И недуг твой
не знает леченья,
идеала взыскует поэт!

Л. ЛУКЬЯНОВА

А. Пушкарёв. Космонавты В. А. Ляхов и В. В. Рюмин
возвратились на Землю.

П. Носов. Светлана.

Начало см.
на 2-й стр.
обложки

ФОТОЛЕТ

С. Губский. У тюленя день рожденья.

А. Сааков. Ирина Дерюгина —
грация № 1.

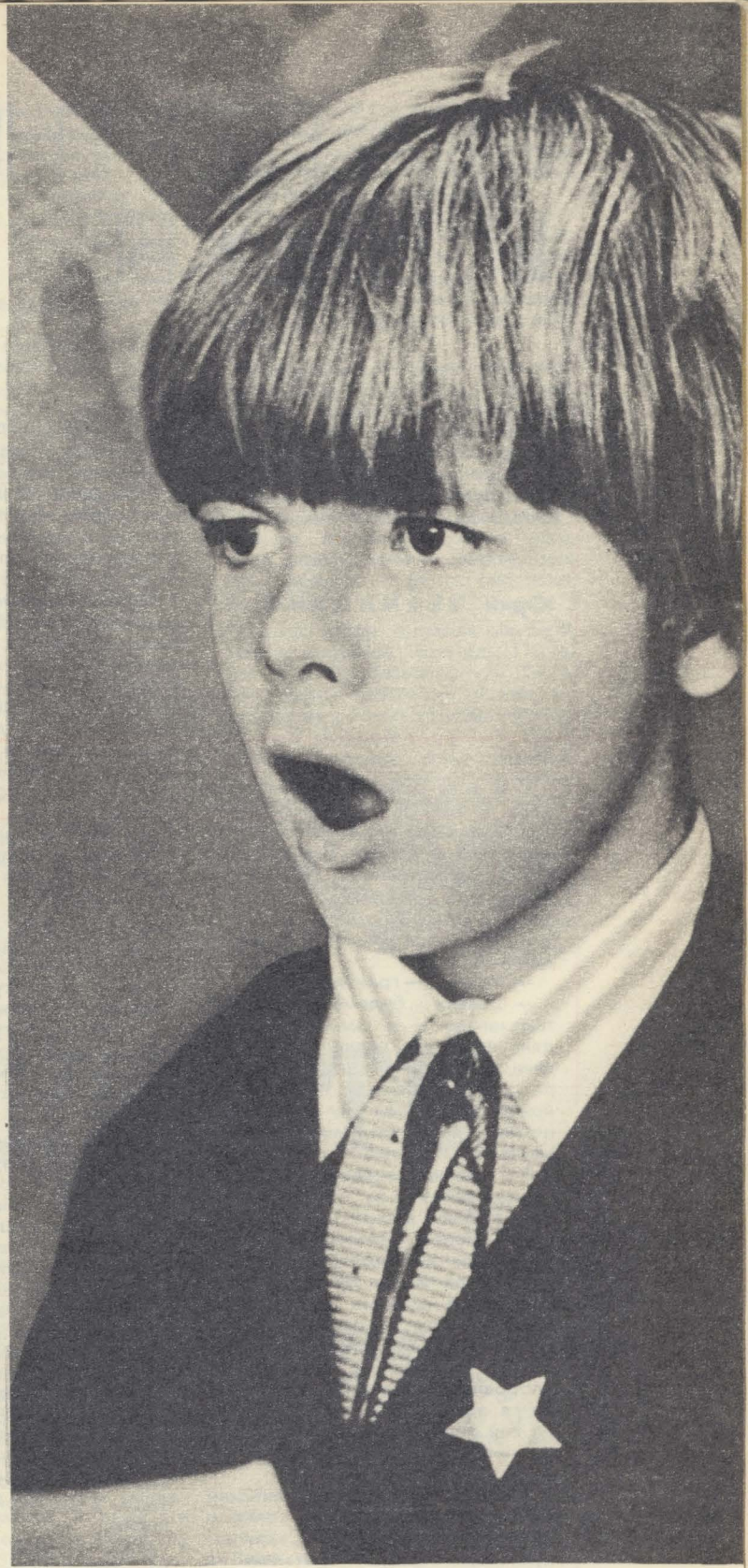

Р. Ракаускас. Из серии «Цветение».

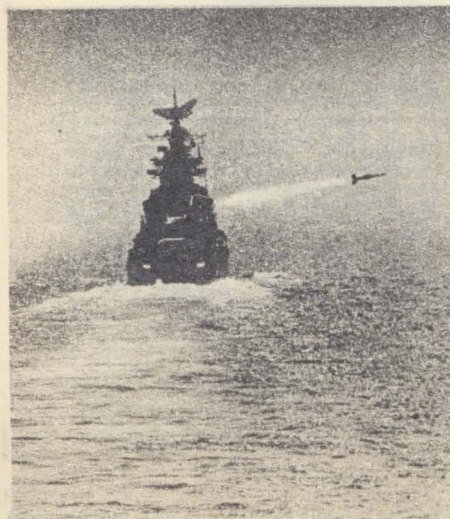
Г. Зельма. Узбекистан. Читают декрет о земле и воде. 1924 год.

Н. Свиридова, Д. Воздвиженский
Из серии «Школа искусств»

ОПИСЬ ЭПОХИ

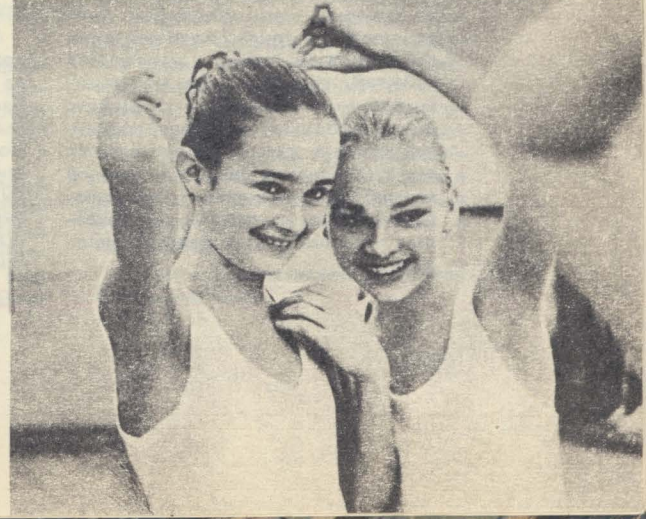
В. Суходольский. Пуск!

Б. Градов. Фламинго.

Н. Свиридова, Д. Воздвиженский
Из серии «Школа искусств»

ОДА ЕДИНЕНИЮ И ДРУЖБЕ

Нынешний год — год 325-летия воссоединения Украины с Россией. Недавно этому знаменательному событию было посвящено прошедшее на Черкассине празднество «Поэтический октябрь». Сегодня на наших страницах украинский писатель Юрий Збанацкий делится своими впечатлениями об известной книге Натана Рыбака «Переяславская рада».

Юрий ЗБАНАЦКИЙ

«...И весь майдан, все люди, от мала до велика, увидели, как Богдан Хмельницкий вознес высоко над головой булаву, и в тот миг, когда торжественная тишина повисла над майданом, раздался зычный гетманов голос:

— Отныне и навеки с Москвою едины будем!

— Навеки! — грянул майдан.

— Навеки будем! — загремело тысячеголосое, и показалось людям, что само солнце радо: тысячи тысяч лучей его мгновенно раздвинули громаду туч, а степной ветер пришел ему на помощь, погнав их сильными ударами крыльев на запад».

Эти слова принадлежат украинскому советскому писателю Натану Рыбаку, автору широко известной эпопеи «Переяславская рада». Века прошумели над землей, прошло по жизни несколько поколений, а славные дела давно минувших лет не забыты, не канули в вечность, близки и дороги сердцу каждого из нас, волнуют воображение, воодушевляют и видятся зримо, ибо не потеряли и по сей день своего исторического значения, являются знаменем нашего времени.

В те далекие годы украинский народ навечно воссоединился с великим народом России, присягнул всем народам братским на вечную и верную дружбу, и эта дружба пережила века, выдержала испытание временем.

О славной борьбе украинского народа за свою независимость, за свое существование, за свою землю и будущее в годы освободительной войны 1648—1654 годов под руководством великого сына Украины, замечательного политического деятеля, дипломата и полководца Богдана Хмельницкого сохранилось очень много исторических памятников: переписка Богдана и его гетманские универсалы, летописи, воспоминания очевидцев и прямых участников событий, свидетельства иностранных послов и военных специалистов, народные легенды, рассказы, песни и думы. Все это веками воодушевляло и питало народную мысль, поддерживало неугасающий интерес к одному из ярчайших событий нашей далекой истории.

И не случайно в наше время к этому событию обратили свои взоры многие писатели советской эпохи.

Накануне Великой Отечественной войны Александр Корнейчук выступил с драмой «Богдан Хмельницкий», в которой с марксистско-ленинских позиций переосмыслил исторические события, очистил от лженаучной, буржуазно-националистической трактовки и величие исторических событий и сам образ Богдана Хмельницкого.

Над эпопеей «Богдан Хмельницкий» начал работать один из основоположников украинской советской литературы, Иван Ле, о славном сподвижнике Хмельницкого Иване Богуне написал повесть Яков Качура, а после войны к этой теме обратился один из выдающихся мастеров нашей литературы, Петро Панч.

Вполне понятный и заслуженный успех получил у миллионов читателей роман-эпопея Натана Рыбака «Переяславская рада». Вскоре после выхода в свет на украинском языке он был переведен на русский и многие языки народов СССР, а потом и на многие иностранные языки. Огромную популярность приобрело произведение Н. Рыбака во время всенародного праздника — 300-летия воссоединения Украины и России, вылившегося в невиданную демонстрацию братской дружбы и единения советских народов, незадолго до этого победивших фашизм в Великой Отечественной войне.

Тема борьбы за мир, за дружбу между народами стала излюбленной темой писателя, появлялись в свет роман за романом о советских ученых, о людях, посвятивших свою жизнь борьбе за счастье людей, за процветание нашей планеты. И все же самым главным произведением Натана Рыбака оставалась его «Переяславская рада», книга, густо заселенная сотнями людей, книга глубоко гуманная, зовущая людей к миру, дружбе, прогрессу и всеобщему человеческому счастью.

Мы торжественно отметили 325-летие братской дружбы и единства с народами великой России. Взоры снова пристально обращены в славное прошлое наших народов и в счастливое будущее наших потомков. И такие произведения, как «Переяславская рада», украшают наш праздник, приобщают к величию сделанного нашими предками.

Арсений ГУЛЫГА, доктор философских наук

Сто лет назад, в 1879 году, журнал «Русский вестник» начал публиковать роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Отмечая эту дату, публикуем статью, посвященную нравственным исканиям великого писателя.

Нравственное сознание человека — как многоэтажное здание. Верхние этажи занимает коммунистическая мораль, высшее достижение этической культуры. Отсюда открывается ясная перспектива движения общества к устранению социальной дисгармонии. Но верхние этажи прочны твердой кладкой фундамента: элементарных принципов поведения человека. Формирование этих принципов — важнейшая часть коммунистического воспитания. В решении такой задачи большая роль принадлежит классическому культурному наследию. Может ли нам здесь помочь Достоевский? Безусловно. И как писатель и как личность.

Многое устарело во взглядах Достоевского и не было передо-

вать инстинкты индивида с требованиями человеческого сообщества, он идет на попятную и приходит к подчинению как светскому, так и духовному авторитету, к благоговению перед царем и богом христиан, к узкосердечному русскому национализму... Достоевский упустил возможность стать учителем и освободителем человечества: он стал одним из его тюремщиков».

Я привел эту длинную тираду, чтобы показать, к какому источнику восходят многие хулы, расточаемые против Достоевского. Фрейд, и в этом его заслуга, препарирует человеческую душу, добрался до некоторых неведомых ранее животных глубин. Но тьма подсознания, в которую он окунулся, затмила свет, источаемый высшими людскими потенциями. Сознание для Фрейда — в лучшем случае рассудочный регулятор человеческого поведения. Самоудовольствия духовных ценностей он не признает. Культура, по Фрейду, система запретов, и человеку «неуютно» в культуре, его как бы заперли в чужой квартире.

Человеку Достоевского радостно в культуре, здесь он у себя дома. Культура только начинается с запрета наносить вред другому человеку, завершается она повелением творить ему благо, любить его. Вторая часть этой формулы, столь близкая Достоевскому, была неведома Фрейду. Вот почему он не смог дать ему объективную оценку, увидел «тюремщика» там, где перед ним стоял освободитель и учитель.

ПРОСТЫЕ ЗА

вым в его время. Тем не менее мы не вправе отказываться от самого ценного в его наследии — нравственных поисков и находок.

В книге Б. Бурсова «Личность Достоевского» можно прочитать хорошие слова: «Пора освободить его от репутации художника, воспевающего зло». К этому я бы прибавил еще один призыв: пора освободить Достоевского и от репутации великого грешника, пора увидеть в нем великого моралиста.

Великий моралист и великий грешник — понятия несовместимые. Можно, конечно, грешить и каяться, творить зло и говорить о добре, но это не делает человека моралистом.

Между тем в изображении некоторых авторов Достоевский совмещает в себе эти две, на наш взгляд, несовместимые ипостаси. Назову первоисточник — эссе З. Фрейда «Достоевский и отцеубийство». Личность писателя венский психиатр рассматривает с четырех сторон — как художника, как невротика, как грешника и как моралиста.

Больше всего, уверял Фрейд, Достоевский уязвим как моралист: «Кто попеременно грешит, а потом в своем раскаянии выставляет высокие нравственные требования, того можно упрекнуть в том, что он удобно устроился... Он напоминает варваров эпохи переселения народов, которые убивают и каются, так что покаяние становится средством осуществления убийства... А итог нравственных борений Достоевского похвальным не назовешь. После ожесточенных схваток, имевших целью прими-

Творчество Достоевского — постоянный диалог добра и зла, причем спор ведут неравнозначные величины. М. Бахтин показал, что при всей «полифоничности» романов Достоевского голос автора нельзя спутать с разноголосицей его оппонентов, хотя последним предоставлена возможность высказываться громко и убедительно. Спор идет только на литературных страницах (в душе автора он решен изначально) и всегда завершается в пользу добра. И автор добрыми глазами смотрит на мир, испытывая чувство жалости там, где, казалось бы, место остается одной ненависти.

В «Дневнике писателя» есть выразительная миниатюра «Мужик Марей». Автобиографический рассказ о том, как девятилетнему мальчику почудился волк, как он бросился искать защиту у пашущего мужика, как тот успокоил его. «Конечно, всякий бы ободрил ребенка: но тут в этой уединенной встрече случилось как бы что-то совсем другое, и если б я был собственным его сыном, он не мог бы посмотреть на меня сияющим более светлой любовью взглядом: а кто его заставлял?»

Важен контекст, в котором возникло у Достоевского это воспоминание детства. Праздник пасхи на каторге — отвратительные сцены пьяного разгула с картежной игрой, драками и поножовщиной; без омерзения на это смотреть нельзя. И вот детское воспоминание преобразует ситуацию: «Я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом и что вдруг, каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем. Я пошел, взглядываясь в встречавшиеся лица. Этот обреченный и шельмованный мужик, с клеймами на

лице и хмельной, орущий свою пьяную сиплую песню, ведь это тоже, может быть, тот же самый Марей: ведь я же не могу заглянуть в его сердце».

Еще один контекст существен для понимания текста. Рассказ о мужике Марее появился в «Дневнике писателя» в феврале 1876 года, сразу после статьи «О любви к народу», где Достоевский писал: «В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазнаем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ». Рассказ как бы развивает эту мысль, облакая ее в художественную форму.

И обратит внимание на концовку рассказа. Свидетелем отвратительного острого разгула, кроме автора, становится поляк М-цкий. Рассчитывая найти сочувствие у русского интеллигента, он говорит по-французски: «Ненавижу этих бандитов!» Но в сердце Достоевского вместо ненависти жалость. В том числе и к иноземцу, попавшему на русскую каторгу: «Несчастный! У него-то уж не могло быть воспоминаний ни об каких Марейх и никакого другого взгляда на этих людей, кроме: «Je hais ces brigands!». Нет, эти поляки вынесли тогда более нашего! Подобное «всепонимание», «всеотклики», способность встать на другую точку зрения и пережить чужую беду, как свою, Достоевский считал истинно русской чертой. Поэтому неправ Фрейд, говорящий об «узкосердечном русском национализме» Достоевского.

«Русская идея» Достоевского — это воплощенная в патристическую форму концепция всеобщей нравственности. Она лежит в основе двух его последних рома-

В романе «Подросток» обрусевший немец Крафт «вычислил» математически, что «русский народ есть народ второстепенный, которому предназначено послужить материалом для более благородного племени, а не иметь самостоятельной роли в судьбах человечества». Крафт уверяет, что «скрепляющая идея пропала. Все точно на постоялом дворе и собираются вон из России». На самом деле потерял ориентиры сам Крафт, что и приводит его к самоубийству.

Пушкинский «скиталец» блуждал по родной земле; у Достоевского возникает тема чужбины, «Америки», как земли обетованной для тех, кто оторван от родной почвы. Америка — олицетворение бездуховности, русскому человеку там смерть. Крафт и Свидригайлов («Преступление и наказание») накануне самоубийства бредят об Америке, там побывали Кириллов и Шатов («Бесы»): первый вернулся оттуда скорым самоубийцей, второму, напротив, пребывание за океаном пошло на пользу, промыло мозги, он научился ценить родину. Митя Карамазов понимает, что бежать с каторги можно только в Америку, но как ему противно думать об этом, и «...Вот что я выдумал и решил: если я и уйду, даже с деньгами и паспортом и даже в Америку, то меня еще ободрят та мысль, что не на радость уйду, не на счастье, а воис-

и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия».

Как сверхсовременно звучат сегодня эти слова!..

Достоевский говорил о будущем. Устами своего героя Версилова («Подросток») он обращал внимание на то, что в России «возникает высший культурный тип, которого нет в целом мире — тип всемирного боления за всех». Этот «всемирный болельщик» вырастает из «почвенника»: чем сильнее привязанность к родной земле, тем скорее она перерастает в понимание того, что ее судьба неотделима от судеб всего мира, забота о собственном доме заставляет думать о том, как живет твой сосед. Отсюда стремление устроить дела всеевропейские и всемирные — характерно русская черта.

У Достоевского нет недоверия к науке, которая характерна для позднего Толстого. Знание — сила и свет, знание должно стать достоянием народа. Но в первую очередь речь идет о нравственном воспитании.

В этом плане особенно важен образ главного героя «Братьев Карамазовых» Алеши. В начале

помнить о родительском доме и детстве: «Ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства... Если много набрать таких воспоминаний в жизнь, то спасен человек на всю жизнь... Может быть, именно это воспоминание одно его от великого зла удержит».

У Достоевского было такое воспоминание, мы помним, — «Мужик Марей». Финал «Братьев Карамазовых» — это еще один контекст, в котором миниатюра из «Дневника писателя» обретает новый, широкий мировоззренческий смысл и придает особый смысл концу романа. Моральный облик человека формируется в детстве, поэтому думайте о детях, они наше будущее.

Какой набор тривиальных слов, может подумать читатель. Пусть: они в духе Достоевского. Писатель берет прописные истины, но подает их с такой убежденностью, что мы вчитываемся в них, как в первооткровения. «Не предавайтесь пьянству и словесному невоздержанию, не предавайтесь сладострастию, а особенно обожанию денег... А главное, самое главное — не лгите», — учит старец Зосима Федора Карамазова. Тоже, казалось бы, набор тривиальностей, но Достоевский не боится их произнести, и мы верим тому, что

КОНЫ НРАВСТВЕННОСТИ

нов — «Подросток» и «Братья Карамазовы». Предельно четко писатель изложил их в своей знаменитой речи о Пушкине, опубликованной все в том же «Дневнике писателя».

В творчестве Пушкина Достоевский различает три периода, каждый из которых отмечен созданием особого типа русской личности. Первоначально это «бездомный скиталец». Таков Алеко в «Цыганах», Онегин, Швабрин в «Капитанской дочке». Человек из образованного общества, лишенный корней, не связанный с жизнью народа. Его носит, «как былинку по воздуху», а он несет с собой беду, разрушение, смерть. Он может тосковать по душевной гармонии, совершенно не представляя, что это такое и как ее достичь. Спасения он ждет «преимущественно от явлений внешних», внутреннего морального стержня в нем нет.

Достоевский хорошо знал подобный сорт людей, видел их вокруг себя и заглядывал им в душу до самых потаенных глубин. Почти в каждом его романе есть образ такого «скитальца», потерявшего под ногами почву. Из трех братьев Карамазовых к этому типу принадлежит Иван, образованный софист, он бродит во тьме умственных противоречий, запутывается в них и сходит с ума. Такие люди смотрят на свой народ только как на «материал». В результате они сами оказываются «материалом» для сил зла.

тину на другую каторгу, не хуже, может быть, этой!.. Я эту Америку, черт ее дери, уже теперь ненавижу... Да я там издохну». И даже несмышлениш Коля Красоткин убежден, что «бежать в Америку из отечества — низость, хуже низости — глупость».

К русскому «скитальцу» в речи о Пушкине обращен призыв Достоевского «смириться», то есть «образумиться». «Смирись, гордый человек» — означает «образумься, праздный человек», займись делом, потрудись на родной ниве.

Врач обязан не только поставить диагноз, но и вылечить больного. Так и великий писатель не может ограничиться только изображением социальной болезни, велик тот, кто обретает нравственный идеал и делает его всеобщим достоянием. Зрелый Пушкин, по словам Достоевского, «нашел свои идеалы в родной земле». Он создал тип, «стоящий твердо на своей почве», — Татьяну Ларину. «Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека».

Но подлинный «подвиг Пушкина» Достоевский видит в том, что в его поэзии «засияли идеи всемирные». Ибо «что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности...». «О, народы Европы

романа он скорее «почвенник», чем «всемирный болельщик», он одержим «жаждой скорого подвига». Между тем, замечает Достоевский, скорый подвиг, даже «жертва жизнью», может быть, «самая легчайшая из всех жертв»; гораздо труднее «пожертвовать... пять-шесть лет на трудное, тяжелое учение, на науку, хотя бы для того, чтобы удесятерить в себе силы для служения той же правде и тому же подвигу». Это понимает наставник Алеши старец Зосима, и он буквально гонит Алешу из монастыря в жизнь, в активную действительность.

Главное действие романа — не убийство Карамазова-отца, не умственная казуистика Ивана, не пьяный разгул Мити. Все это лишь фон, на котором разворачивается история возмужания Алеши, превращение его инфантильной, «мечтательной» любви к старцу Зосиме в любовь деятельную ко всем людям. В конце романа он говорит, что покинет родной город «очень недолго», видимо, пойдет учиться.

Мироощущение человека формируется в детстве, а затем входит в сознание взрослого и остается там навсегда, — считает Достоевский.

Не об этом ли говорит Алеша Карамазов на похоронах, обращаясь к мальчикам? В речи Алеши, по словам Достоевского, заключается «отчасти смысл всего романа». Алеша призывает

именно так надо начинать самоперевоспитание, и это никогда не поздно.

Призыв Достоевского обращен не только к индивиду, но к народам, ко всему человечеству. Кто установил, спрашивает он, что нравственность касается частных лиц, а не государств? Эта мысль из «Дневника писателя».

А вот программное требование Маркса из Учредительного манифеста I Интернационала: «...Добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами».

Что такое «простые законы нравственности»? Это элементарные нормы общения — запрет обмана, насилия, готовность прийти на помощь терпящему бедствие. Без этих азов не может существовать общество. Достоевский был к ним особенно чуток, их безоговорочное утверждение — пафос его творчества. Он развернул перед нами широкую панораму морального сознания. От простейших форм в виде запретов до самой сложной — императива деятельной любви, проявляющейся в поступках, в честном труде и достойном поведении. Любовь к родине — апофеоз этой любви, в ней смысл жизни.

И этим Достоевский особенно близок сегодня.

Маме моей посвящаю.

День кончался. Он был так же однообразен и бессмыслен по сути, как и многие предыдущие, потому что Анна Ивановна не прожила его, а просто просуществовала. Готовила себе еду, мыла посуду, ела, пила, и никому на свете не было пользы от ее дел. Раньше, в другой жизни, Анна Ивановна как к величайшей ценности относилась к своему времени, берегла не только часы, но и минуты. Раньше Анна Ивановна, вымыв тарелку, никогда не позволяла себе вытирать ее, просто клала на сушку. Вытирать? Пустая трата времени. Сама высохнет! Теперь же вымытую посуду она долго терла чистым мягким полотенцем, пока та не начинала сверкать. Теперь она не экономила не только минуты, но и часы.

На ужин Анна Ивановна приготовила себе оладьи. Она тщательно вымешала тесто, и оладьи получились румяные, пышные, просто таяли во рту. Но Анна Ивановна ела их, не испытывая особого удовольствия.

— Мука стала хуже, а молоко порошковое, — произнесла она вслух. И, сказав так, рассмеялась. Нет, не над тем, что разговаривала сама с собой. А с кем же еще разговаривать пенсионерке, одиноко доживающей свой век? Просто Анна Ивановна вспомнила старого Джолиона из книги Голсуорси, который ворчал, что в пору, когда он был молод, и вино было ароматнее и женщины красивее. «И я, как старый Форсайт, — подумала Анна Ивановна, — ворчу. Лизавете бы эти оладьи». Внучка ее была большой любительницей вкусно поесть. Анна Ивановна с удовольствием отвезла бы Лизавете оладьи, но дочь категорически отказывалась от ее помощи.

Выпив чаю, Анна Ивановна тщательно помыла посуду, тщательно вытерла и убрала в шкафчик. Поглядела на часы: стрелки показывали половину восьмого.

Анна Ивановна пошла из кухни в комнату, которая в ту пору, когда дети жили с ней, называлась столовой и где теперь не было даже обеденного стола, а стоял низенький, журнальный. Сейчас эту комнату скорее можно было бы называть телевизионной. Анна Ивановна приходила сюда только для того, чтобы посидеть у телевизора да еще прибраться. Спала она в другой комнате.

Включив телевизор, Анна Ивановна поудобнее устроилась в кресле. Через несколько минут должен был начаться многосерийный фильм, который показывали уже третий день. Анна Ивановна любила многосерийные кинокартины, они давали пищу для размышлений о том, что будет дальше. Это позволяло думать о будущем и, главное, занимало время. А его, как мы уже заметили, у Анны Ивановны было предостаточно. Уже четвертый год она была на пенсии.

Начало фильма Анна Ивановна ждала с нетерпением, потому что за сегодняшний день

придумала свою версию развития событий, и ее, кроме всего прочего, интересовало, угадала она или нет. Обычно ее предположения были правильными, и это радовало. Хотя радоваться, в общем-то, было нечему, так как чаще всего причина была не в проницательности Анны Ивановны, а скорее в банальности мышления сценаристов. Анна Ивановна, конечно, догадывалась об этом, но не огорчалась. Главное, что у нее возникала возможность жить чьими-то судьбами. А это для человека, у которого нет ни забот, ни занятий, ни конкретных целей, чрезвычайно важно.

Сегодня предположения Анны Ивановны не подтвердились. В первых сериях главный инженер завода представил ей героем положительным. Она ожидала, что он сумеет разрешить конфликт, назревший между другими действующими лицами. А он вдруг повел себя как человек жесткий и несправедливый.

Хотя Анна Ивановна и не угадала, как повернутся дела, тем не менее в главном инженере она увидела что-то знакомое. Она силилась вспомнить, на кого он похож, и не могла.

Посмотрев программу «Время», Анна Ивановна выключила телевизор и, как обычно, позвонила по телефону дочери. Эти вечерние разговоры с Майей были самым приятным для нее занятием дня.

Майя была идеальной дочерью, она никогда не доставляла матери хлопот, не то что ее младший брат Вова, с которым, пока он не женился, постоянно происходили какие-нибудь неприятности. Разница между детьми Анны Ивановны была всего в три года, Вова родился в сороковом. Когда началась война, Анна Ивановна сутками не выходила с завода, и на Майю легли многие взрослые обязанности. Может быть, поэтому она была сызмальства серьезной. Сейчас Майе шел сорок третий год, а ее дочери Лизавете двадцать второй.

Анна Ивановна страстно желала, чтоб Лизавета поскорее вышла замуж и родила. Тогда, надеялась Анна Ивановна, ее вынуждены будут призвать в няньки и жизнь снова обретет смысл. Но оу! Лизавета не торопилась радоваться бабушке. По молодости лет она не понимала, что лишь желания питают волю и что если б Анна Ивановна не имела тайной цели вынудить правнука и тем самым снова стать полезной людям, то жить бы ей стало совсем плохо и она потеряла бы волю к жизни. Это ведь только кажется, что отдых человеку в радость. В радость, когда у отдыха есть предел. Однако не тот, что приходит в конце жизни человека. Но Лизавета ничего этого, к сожалению, не знала. Впрочем, и Майя не задумывалась об этом. Отдыхать по-настоящему ей удавалось нечасто, и поэтому понятие «отдых» для нее сродни было понятию «праздника». Кстати, у слов «праздник» и «праздность» общие корни...

Анне Ивановне не о чем было рассказать дочери, так как за день в ее жизни не произошло никаких событий. В Майиной семье день тоже прошел обыденно, единственной новостью было то, что Лизавета подцепила насморк.

— Насморк? — встревожилась Анна Ивановна. — А температуру мерили?

— Температура нормальная, — ответила Майя.

— Ты знаешь, Майя, — сказала Анна Ивановна, — я недавно слышала, что в таких случаях надо положить в ноздри маленькие кусочки сливочного масла. На ночь...

— Ой, мамочка, — засмеялась Майя. — Ну что ты слушаешь глупости! И потом, неужели ты думаешь, что Лизавета позволит мне совать ей в нос масло? Ничего страшного, все обойдется! Просто она вчера у подъезда целый час с однокурником простояла. А погода сырая.

— Что-нибудь серьезное? — спросила Анна Ивановна, имея в виду однокурсника.

Но Майя не поняла ее.

— Ничего серьезного. Все обойдется. Не волнуйся! Как ты сама себя чувствуешь?

— Обыкновенно. Что мне делается? Оладьи пекла. Телевизор смотрела. Ты смотрела?

— Что ты, мамочка! Когда мне его смотреть? Весь вечер тетрадки проверяю, обед варила...

— Может, мне все-таки приехать к тебе завтра, помочь в чем-нибудь...

— Ни в коем случае, мамочка. Мы прекрасно справляемся сами. Ты же знаешь, и Саша и Лизавета мне всегда помогают...

— Как хочешь, — уныло произнесла Анна Ивановна. — Ну, спокойной ночи, Майечка. Привет твоим. Не буду больше тебя задерживать.

— Спокойной ночи, родная, — услышала она в ответ и положила на рычаг трубку.

Нет, ничего не понимала Майя, твердо убежденная, что мать достаточно наработалась за свою жизнь и теперь должна отдыхать. Она бы считала себя дрянной дочерью, если б стала эксплуатировать мать. А Майя была хорошей дочерью, даже образцовой. Это отмечали все, кто знал их семью.

И в трудную пору первых лет замужества, пока Лизавета не пошла в детский сад и Майя с мужем жили у Анны Ивановны, она старалась как можно меньше обременять мать. Майя впрягла в хозяйственные заботы мужа, и тогда Анна Ивановна была благодарна дочери, что та, не в пример другим, не посадила всю свою молодую семью на ее шею. Но тогда положение было иным. Анна Ивановна работала, и Вова требовал постоянного внимания: то он учиться бросал, то в компанию плохую попадал. Только когда женился на Лиде, остепенился. Анна Ивановна, зная характер сына, не очень верила в прочность этого брака, но, к счастью, ошиблась. Вова с Лидой живут уже пятнадцатый год, и живут прекрасно. Она подзревала, что именно Лиде благотворно влияла на Вову, уважала ее, но любить... нет, любить невестку она не любила. Анна Ивановна не могла объяснить себе, почему, впрочем, и не стремилась докопаться до сути. А если б докопалась, то поняла, что в основе ее не любви лежит самая обыкновенная ревность. Но Анне Ивановне очень не нравилось обнаруживать в себе столь низменные чувства, в них было что-то постыдное, а она была горда.

Лидя, конечно, чувствовала отношение к себе свекрови, хотя внешне этого никак не проявляла. Просто общалась с ней лишь тогда, когда нельзя было не общаться. Помощи от нее никогда никакой не просила и свою тоже не предлагала.

Анна Ивановна переделалась в ночную рубашку, умылась, почистила зубы, расчесала на ночь волосы.

Вытянувшись в постели, взяла с тумбочки книгу, раскрыла ее и вдруг вспомнила, на кого был похож главный инженер из телефильма, который она сегодня смотрела. На начальника главка Владимира Петровича Королькова он был похож. Последнего ее начальника. И не внешностью, а сутью своей.

Похоронную на мужа Анна Ивановна получила 10 мая 1945 года. К тому моменту она уже поверила в чудо: Петр живой и невредимый вернется с войны. Ведь ему все эти годы везло, ни одна пуля даже не царапнула. Тем горше был удар. Но ради детей надо было жить, и она стала жить. Анна Ивановна была детдомовкой, и на всем белом свете никого у нее не было, кроме Петра и детей.

Судьба не предусмотрела для Анны Ивановны легкой жизни. Впрочем, и трудности были относительны: они были прямо пропорциональны трудностям страны. Жизнь Анны Ивановны делилась на несколько периодов. Время, проведенное в детдоме, можно назвать

ЧЕЛОВЕК НА

«борьбой за существование». Пять лет с Петром укладывались в одно слово — «счастье». Потом была война, а после гибели Петра снова наступили трудные годы «борьбы за существование». Они кончились где-то в середине пятидесятых, когда выросли дети, когда из коммунальной десятиметровки переехали в эту вот двухкомнатную квартиру и Анну Ивановну пригласили заведовать отделом в министерстве. Финансовое положение семьи позволяло теперь отменить тот жесточайший режим экономии, которого Анне Ивановне приходилось держаться с тех самых пор, как она себя помнила. Началась нормальная жизнь, а скорее даже хорошая.

Но вот как назвать последний, пенсионный период жизни Анны Ивановны, который в газетных заметках называют «заслуженный отдых», я не знаю. Слово «отдых» меня здесь несколько смущает.

Одним из счастливейших дней у Анны Ивановны был тот, когда ее наградили орденом «Знак Почета». Она чрезвычайно гордилась этим признанием своих заслуг. Если бы это было принято, она носила бы орден ежедневно, но, к сожалению, награды нынче почему-то предпочитают хранить дома в коробочках. Анна Ивановна была убеждена, что это неправильно. Юность ее прошла в тридцатые годы, когда слово «орденоносец» определяло очень многое. Еще с той поры самой большой ее мечтой было получить орден.

В эти годы все складывалось у Анны Ивановны ладно. Работа доставляла ей удовлетворение. Дети устроены, растут внуки. К вторичному замужеству она никогда не стремилась. Сначала слишком остро переживала гибель Петра, а потом уж и молодость прошла. Она жила, особо не заглядывая в будущее, потому что настоящее ее было осмысленно и плодотворно. В пятьдесят пять лет она чувствовала себя прекрасно, и, когда некоторые ее сверстницы заговаривали об уходе на пенсию, Анна Ивановна несколько удивлялась их желанию. Она не собиралась следовать их примеру, надеясь работать до тех пор, пока будут силы и позволит здоровье. Впрочем, иногда она любила помечтать о том времени, когда оставит работу. Случалось это, как правило, когда скапливались разные хозяйственные дела, требовавшие ее присутствия дома или поездки в ателье или в мастерскую. Тогда Анна Ивановна думала о том, далеко, естественно, времени, когда она будет совершенно свободна. Но реализовать свои возможности не спешила. В конце концов вызвать мастера починить телевизор можно и в субботу, а захватить в ателье — после работы.

Как-то в переполненном утреннем троллейбусе она встретила приятельницу еще довоенных лет Валерию Аркадьевну. Та была старше Анны Ивановны, давно на пенсии. Пыхтя, она вскарабкалась по ступенькам в троллейбус, держа в обеих руках объемистые хозяйственные сумки.

— Лера! — воскликнула Анна Ивановна. — Вот встреча! Сто лет с тобой не виделись. Как живешь?

Валерия Аркадьевна неопределенно пожала плечами.

— Живу! А ты ничуть не меняешься.

Анну Ивановну и впрямь молодила пушистая шапочка из светлого песка и ладная шубка из каракулевых лапок. Тем не менее она смущенно улыбнулась:

— Ну, уж скажешь.

— На работу едешь? Все там же, в министерстве?

— Все там же, — кивнула головой Анна Ивановна. — А ты куда в такую давку?.. Ты ж на пенсии.

— Э! — махнула рукой Валерия Аркадьевна. — Мне какое расписание они скажут, такое и выполняю. Как солдат!

У Анны Ивановны даже рот немного приоткрылся от удивления. Кто это распоряжается так Валерией Аркадьевной? Насколько она знала, сын ее был чуть ли не генерал, и пенсию она получала приличную.

— Кто они? — спросила Анна Ивановна.

— Ну кто! Известно кто! Сноха с внучкой. У внучки второй ребенок родился. А сноха еще работает, поэтому я помогаю. Сейчас вот продукты купила, приеду, обед приготовить надо, пеленки постирать. Дел хватает. Далековато только ездить — тремя троллейбусами. Ну ничего, в журнале «Здоровье» пишут, что старикам полезно гулять, вот я и гуляю. В трех троллейбусах. — И она засмеялась.

Анна Ивановна глядела на старинную подругу во все глаза. Перемена, происшедшая в той, была столь разительна, что просто не укладывалась в голову. Она помнила Валерию Аркадьевну всегда тщательно одетую, тщательно причесанную, не очень-то любившую затруднять себя для других. Недруги Валерии Аркадьевны говорили, что «на нее где сядешь, там и слезешь». Конечно, одета она сейчас была хотя и не с прежним блеском, но вполне аккуратно. На голове оренбургский платок, пальто хоть и не модное, сшитое, видимо, дав-

но, но из дорогого материала. Только вот руки, руки никак не вязались с привычным обликом Валерии Аркадьевны — опухшие, красные, со сбитыми ногтями — руки женщины, которая много работает физически.

— А почему ты продукты через весь город тащишь? Там магазинов-то нет разве? — продолжала удивляться Анна Ивановна.

— Мне так удобнее. Я к открытию подойду, народу немного. Я сразу все возьму. А то пока до них доеду, в магазинах уже знаешь что делаться будет! А я в очередях очень раздражаюсь.

— Так тяжело же...

— Ничего, — коротко вздохнула Валерия Аркадьевна. — Своя ноша, как известно, не тянет... Привыкла. Да и силенками пока бог не обидел.

— А почему же у них не поживешь это время?

— Не хочу. Мне надо и самой себе хозяйкой побыть. А то совсем как личность утрачусь, — улыбнулась Валерия Аркадьевна. Она всегда любила насмешничать, — и над другими и над собой. — Ты про себя расскажи. Как Майя, Вовка?

Анна Ивановна отвечала несколько рассеянно, потому что в ее сердце росла щемящая жалость к этой старой женщине, которая в ранний час через весь город в переполненных троллейбусах везет тяжеленные сумки с продуктами для молодых и здоровых людей. «Какой эгоизм, какая жестокость!» — думала она. И радовалась, что ее дети никогда бы не допустили такого отношения к своей матери.

Об этой встрече Анна Ивановна рассказала Майе, и они обе еще долго жалели бедную Валерию Аркадьевну.

П Е Н С И И

— Нет, мамочка,— решительно сказала тогда Майя,— ты на пенсию будешь отдыхать и жить в свое удовольствие. Твой подвиг — в прошлом, когда ты одна нас растила.

— Я не собираюсь пока на пенсию,— заметила Анна Ивановна,— здоровье у меня хорошее, работа интересная...

— Смотри сама, мамочка,— ответила Майя. Но дальнейшие события показали, что Anne Ивановне не было дано самой распоряжаться своей судьбой. Внезапно умер от инфаркта Иван Иннокентьевич, начальник главка, в котором работала Анна Ивановна и который в свое время пригласил ее в министерство. Смерть его Анна Ивановна переживала, как личное горе. Она знала его больше двадцати лет и ценила не только как хорошего руководителя и специалиста, но и как сердечного человека. Добрый микроклимат в их коллективе в какой-то степени зависел от личности Ивана Иннокентьевича.

После короткого периода безвластия, когда сотрудники гадали, кто из замов сядет в опустевшее кресло, начальником был назначен, как это стало в последнее время модно, «человек со стороны», Владимир Петрович Корольков. Именно на него и был похож, как теперь вспомнила Анна Ивановна, герой телефильма. Так же, как и герой телефильма, Корольков поначалу очаровал весь коллектив главка. Он был, во-первых, непривычно демократичен. Иван Иннокентьевич, например, никогда не ходил по комнатам сотрудников,— ценил свое время, он вызывал людей к себе. Доступ к нему в кабинете в основном имели только заведующие отделами и в некоторых случаях заместители заведующих, и то после доклада секретарши. Корольков запретил секретарше допрашивать, кто и зачем к нему идет. Двери его кабинета были открыты для всех в равной степени. Это было ново, и это нравилось.

Обедать Корольков ходил не в спецбуфет, как это делали другие руководители, а в общую столовую, демократично стоял в очереди, подсаживался за столики к рядовым инженерам, не скупился на комплименты молоденьким секретаршам и машинисткам.

Прежде Корольков был директором крупного завода в Сибири, и в Москве его знали мало. Но он приглянулся министру, когда тот был в Сибири в командировке, и потом, когда Корольков приезжал в столицу.

Единственным недостатком, который единодушно все отметили у Королькова, была его молодость. Владимиру Петровичу шел тридцать седьмой год. Корольков охотно признавал за собой этот недостаток и шутиливо обещал в будущем исправиться.

У Анны Ивановны к Королькову было двойное отношение. С одной стороны, она видела, что дело он знает, а что не знает, быстро познаёт.

По кабинетам и в столовую Корольков ходил вовсе не потому, что был компанейским парнем, а потому, что понимал: справки и отчеты — это одно, а живой разговор — совсем другое. Это Иван Иннокентьевич, чуть ли не полвека проработавший в министерстве, не нуждался в разговорах и из любой справки мог вычитать больше того, что там было написано.

Но, с другой стороны, Anne Ивановне не нравились панибратство Королькова и его какая-то грубоватая прямота. Руководитель должен быть дипломатом, так она полагала. Прошло некоторое время, люди привыкли к новому начальству. Корольков заметно сократил свои «походы в народ», а в столовую и вовсе перестал ходить — теперь обеды из спецбуфета носили прямо к нему в кабинет. Он вошел в курс дела, хотя двери его кабинета по-прежнему остались доступными для каждого сотрудника.

И тут добродушный, улыбчивый Корольков вдруг показал себя совсем неожиданно. Он заявил:

— Мне не нравится, как мы работаем. Плохо работаем. По старинке. Сегодня так нельзя. Рутин! Справки, отчеты, переписка — одно бумагопрание! А дело движется туго. Положение на местах знаем плохо. Научными обоснованиями почти не занимаемся. Из восьми часов рабочего времени два уходят на перекуры и чаепитие. Я считаю, что все сотрудники до единого должны бывать на предприя-

тиях. Понимаю, что ездить из своей квартиры в министерство приятнее и удобнее, но придется пожить в гостиницах и в общежитиях. Делом будем заниматься на местах, а не ужимать факты из бумажек.

Первая стычка у Анны Ивановны с Корольковым произошла из-за сотрудника ее отдела Метельникова, которому уже перевалило за шестьдесят. У него было нездоровое сердце и, кроме того, давно и тяжело болела жена, поэтому командировки для него были делом сложным. Однако Корольков распорядился, чтобы Метельников ехал в Душанбе. Было лето, и поездка на юг в эту жаркую пору не сулила Метельникову ничего хорошего. Анна Ивановна отправилась к Королькову.

— Владимир Петрович,— сказала она,— Метельникова нельзя посылать сейчас в Душанбе.

— Почему? — с любопытством спросил Корольков и, подняв голову от бумаг, стал глядеть на Анну Ивановну.

— Там жарко!

— Естественно! На дворе ведь лето.

— Он немолод. В его возрасте такие перепады температуры опасны...

— Что же вы предлагаете, Анна Ивановна?

— Метельников может поехать туда в октябре или в ноябре...

— Это поздно. Тогда пусть едет кто-нибудь другой.

— Вы же прекрасно знаете,— раздраженно сказала Анна Ивановна,— что ехать сейчас некому. Если б мне было кого послать, я не пришла бы к вам.

Корольков некоторое время молча смотрел на Анну Ивановну, потом спросил:

— Анна Ивановна, если это не секрет, скажите мне, сколько лет Метельникову?

— Шестьдесят два. Я думаю, вы знаете это не хуже меня, память у вас прекрасная.

— Знаю,— согласился Корольков.— Но лет ему много. Почему он не на пенсии? Сколько он получает? Двести? Ну, что ж, пенсия будет вполне приличная. Пусть отдыхает. А мне нужны люди мобильные. Предложите Метельникову уйти на пенсию. Я возьму на его место молодого, энергичного инженера.

— Я не стану этого делать,— возмущенно сказала Анна Ивановна.— Он полезный человек.

— Тогда пусть едет в командировку,— ответил Корольков и углубился в бумаги, давая Anne Ивановне тем самым понять, что предмет их разговора исчерпан.

Метельников в Душанбе не поехал, и Корольков объявил ему выговор, а Anne Ивановне замечание за то, что она не выполнила распоряжения руководства.

До сих пор имя Анны Ивановны Савиной фигурировало лишь в приказах с благодарностями. И вот теперь на пятьдесят седьмом году жизни она получила первое взыскание. Анна Ивановна была настолько потрясена, что даже не плакала. Хотя она понимала, что если Корольков взял курс на работу на местах, то Метельникову в отделе делать нечего. Но действовать такими методами? Это в понимании Анны Ивановны, воспитанной в традициях гуманного отношения к человеку, никак не укладывалось. Метельникова она считала ценным специалистом и полагала, что бросаться кадрами нерационально. Она еще помнила годы индустриализации, когда каждый образованный человек был на вес золота.

Анна Ивановна через некоторое время снова пошла к Королькову.

— Владимир Петрович,— попросила она,— давайте поищем Метельникову работу посильную. Без командировок...

— Анна Ивановна,— ответил ей на это Корольков,— частная благотворительность в мои функции как начальника главка не входит. Я ведь не предлагаю выбросить его на улицу и оставить без куска хлеба. Я предлагаю уйти на отдых, который человек вполне заслужил.

Лицо Анны Ивановны стало покрываться красными пятнами. Она вспомнила, как Корольков сам о себе, правда в шутку, сказал, что он «человек без изъянов». «Да, конечно, без изъянов,— подумала она,— если доброту и сострадание считать изъянами».

Она повернулась и, ни слова не сказав в ответ, молча пошла из кабинета. Корольков ее даже не окликнул.

За год Корольков полностью перестроил работу главка, и на совещаниях министр призы-

вал следовать его примеру. Владимир Петрович добился того, что все сотрудники пенсионного возраста или ушли «на заслуженный отдых», или перешли на работу в другие места. Осталась одна Анна Ивановна, которой исполнилось пятьдесят семь лет. На здоровье она не жаловалась, работала с полной нагрузкой. Так же, как и десять лет назад и двадцать. Но вот командировки ее все же утомляли. Потому что это были не только поездки в другой город в удобном купе или на самолете и не только жизнь в комфортабельном номере гостиницы. Чаще всего ездить приходилось с пересадками, с томительными часами ожиданий на неудобных скамейках вокзалов и аэропортов. Порой приходилось ночевать в общежитиях, что для женщины в годах, конечно, было обременительно. Анна Ивановна постепенно все больше склонялась к мысли, что долго так продолжаться не может и придется ей уходить на пенсию. Но мысль оставить работу все же претила ей, и она порой решала поговорить с Корольковым и попросить, учитывая ее возраст, не посылать в сложные командировки. Но, представив насмешливо-презрительное выражение на лице Королькова, передумывала. Иной раз она собиралась обратиться с этой просьбой к заместителю министра, он хорошо знал ее, уважал и, она надеялась, не отказал бы, пошел навстречу. Но тут она снова вспоминала о Королькове, который вряд ли спустил бы ей эту акцию у него за спиной. А, впрочем, думала она, заместитель министра может не захотеть вмешиваться в дела Королькова. Анна Ивановна мучилась и не могла принять никакого решения. Решил все случай.

Anne Ивановне надо было ехать в Пермь, но в это время ей поручили готовить вопрос для коллегии министерства. Анна Ивановна послала вместо себя сотрудника. Тот не очень хорошо разобрался в существе дела, поэтому из его отчета трудно было понять суть. Анна Ивановна не успела позвонить в Пермь и привести справку в надлежащий вид, как Корольков потребовал материалы. Через полчаса он вызвал к себе Анну Ивановну.

— Вы читали эту справку, Анна Ивановна?

Она кивнула.

— Но я не успела над ней поработать.

— Почему вы сами не поехали в Пермь?

— Мне же поручили готовить вопрос для коллегии...

— Плохо работаете.

— У вас нет оснований делать мне такого рода замечания, Владимир Петрович!

Корольков холодно посмотрел на Анну Ивановну. Работала она, конечно, неплохо, хотя, как ему казалось, надо бы лучше. Он вообще недобро думал о людях. Корольков был способный человек, любил работу, работал с полной нагрузкой, но не был бескорыстен. Желание получить побольше для себя, свойственное ему, он подозревал во всех людях без исключения. Это и давало ему моральное право сказать человеку: работаешь плохо. Не верил он, что есть люди, которые умеют целиком забывать о себе и собственных интересах.

Анна Ивановна Королькову не то чтобы не нравилась, скорее, он сочувствовал ей. Она разбиралась в делах не хуже, чем он, и оба это знали. Королькову это было неприятно. Ему было бы удобнее, если б на ее месте сидел какой-нибудь расторопный паренек. Он хотел быть первым в коллективе не только потому, что занимал первую должность, но и по сути. Он хотел быть первым и в знаниях. Старикам мешали, их знания и опыт как бы противостояли ему. Он верил в свои силы, знал, что сумеет устроить все лучшим образом и без них. В сущности, он был прав. Мог он многое. Не мог одного. Не умел. Любить людей ему дано не было.

Анна Ивановна смотрела в его холодные глаза и, чувствуя, как растет в ее сердце обида за несправедливость к ней, неожиданно для самой себя спросила:

— Вы, наверное, хотите, чтобы я тоже ушла на пенсию?

— Я не ставлю так вопрос,— ответил Корольков.

Anne Ивановне почудилось в его голосе скрытая радость.

В этот миг Анна Ивановна и решилась.

Продолжение следует.

Л. Гервиц. Род. 1946. ШТУКАТУР ТАНЯ. 1979.

Всероссийная выставка произведений молодых художников.

Ф. Якупов. Род. 1951. АХМАТ-АБЫЙ И ЕГО ДЕРЕВНЯ. 1978.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

В главном высшем учебном заведении Чехословакии, столичном Карловом университете, Вера Яноутова, бесспорно, одна из самых занятых людей. Друзья в шутку называют ее «деканом факультета столовых и общежитий». Разумеется, такого факультета нет. Но есть девять студенческих столовых, в которых с удовольствием обедают как сами студенты, так и их наставники. Есть тринадцать студенческих городков, где живут иногородние и иностранные студенты и аспиранты. Можно представить себе, сколько круглый год проблем и забот у начальника такого хозяйства...

Впрочем, круглый год — это не совсем точно. Заканчивается летняя сессия, заканчивается и хлопотная жизнь Веры Яноутовой. Вот уже многие годы в полном соответствии с постановлением министерства просвещения «О дополнительной хозяйственной деятельности студенческих столовых и общежитий» Карлов университет передает на лето свои столовые и студгородки в ведение туристских организаций. Без этого ЧССР не смогла бы принять 17 миллионов иностранных гостей в год.

В свое время мне довелось познакомиться с одним бедолагой. Целый день он пересаживался из одного трамвая в другой, вылезая у каждой попадавшейся по дороге гостиницы. И всюду его долго не могли понять: приехавший в Прагу исландец Эд Кель знал только родной язык. А когда выяснилось, что парень хочет пожить недельку в отеле, смущенно разводили руками: до ноября все места забронированы. Отпускное время. Туристский сезон.

Выручила исландского гостя студентка Карлова университета, случайно оказавшаяся в одном с ним трамвае, Иржина Кралоува. Правда, она тоже не знала исландского языка, но легко разобралась в ситуации, а главное — знала, как помочь человеку. Через четверть часа обрадованный чужеземец заполнял бланк, который ему вручил администратор отеля «Ветрник». При этом больше, чем своему везению, он поразился цене номера, баснословно низкой. На завтра он поразился еще больше, когда переводчик отеля на хорошем исландском языке помог ему составить программу пребывания в Праге.

Замечу кстати, что в пражском справочнике напрасно искать адрес и телефон гостиницы «Ветрник». Такого отеля в чехословацкой столице просто не существует. Зато есть студенческий квартал «Петршини», где выстроены современные общежития Карлова университета. Как и другие студгородки, на два каникулярных месяца они превращаются в гостиницу. По традиции все хлопоты по обслуживанию гостей берут на себя сами студенты. Иржина Кралоува, например, во время своего учения на философском факультете университета три летних сезона проработала здесь референтом по туристской программе. В ее обязанности входила организация экскурсий, встреч, походов в театры и кино, устройство самодеятельных концертов в клубе общежития, проведение обычных танцевальных вечеров.

Но вернемся к «декану хозяйственного факультета» Вере Яноутовой. Когда она сказала мне, что на два месяца каникул освобождается хотя бы частично от своих забот, я удивился. Как так? Ведь именно в это время, казалось мне, у нее должно быть куда больше поводов для опасений и тревог... Передать столь огромные ценности в чужие, не очень профессиональные руки — разве это не риск, не дополнительные обязанности и огорчения?

Вера только улыбнулась в ответ на мои слова. А потом показала заключенный еще ранней весной договор между туристской организацией Социалистического союза молодежи (эта туристская фирма сродни нашему «Спутнику»). В документе подробно оговорены условия двухмесячной аренды студгородков, правовые, финансовые и прочие гарантии, позволяющие университету не бояться за свое имущество. «Более того», — подчеркнула В. Яноутова, — мы выигрываем от этой коммерческой сделки. Вырученные деньги идут на покупку мебели, инвентаря.

Итак, пражские гости довольны, университет (и другие вузы) не в убытке, а даже совсем напротив. А что скажет сама молодежная туристская фирма, которая арендует студенческие общежития?

Славек Иржичка заведует в этой фирме отделом размещения гостей. Это на его плечах забота о нормальной деятельности юниор-отелей, кемпингов, палаточных городков — все это собственность фирмы, — а также об эксплуатации арендуемых студгородков.

— Отель на два месяца? — говорит он. И сразу переходит к делу.

немножко посуды, по дополнительно полотенцу на каждого гостя. Ну и, конечно, тщательно следим за чистотой и гигиеной. Обстановка спартанская, но здоровая. Все гости питаются в наших столовых, где мы сохраняем студенческие цены, то есть практически без торговых наценок. Наш девиз — «За меньшие деньги больше музыки». Естественно, зарубежные партнеры туристской молодежной организации ЧССР в соответствии с давними традициями отвечают нам взаимностью.

...Можно представить себе, какой груз ответственности лежит на директоре современной большой гостиницы. Ресторан. Прачечная. Подчиненные. Огромное количество всякого рода финансовых операций, отчетности. (Денежный оборот в сезонных отелях Праги составил в прошлом году пять миллионов крон.) Туристские программы. Транспорт. А самое главное — гости, которые, как говорится, всегда правы. Вполне понятно, что не каждому по плечу такая должность. Тут нужны и опыт, и образование, и такт.

— Откуда берется персонал для временных гостиниц? — спрашиваю я у Мирослава Дуды, ведающего всеми кадрами и активом молодежной туристской организации.

— Выращиваем сами, — отвечает он и протягивает мне любопытный документ. Это анкета, которую должен заполнить каждый, кто хотел бы стать внештатным сотрудником фирмы.

«Учитывая высокие профессиональные и политические требова-

тельные люди, подружившись с ЦКМ в молодости, так и не порвали своих связей с фирмой.

Приведу в пример лишь двух человек. Оба они пражане. Преподаватель пединститута Сильвия Островская (русский и французский языки) поддерживает дружбу и деловые отношения с молодежной туристской организацией 17 лет. На год дольше ходит во внештатных сотрудниках инженер Рудольф Штробл (французский, немецкий, английский языки). У Сильвии двухмесячный отпуск. Месяц она ездит с туристами. За эти годы ей довелось побывать десятки раз в СССР и других европейских странах. Чехословакию она исколесила вдоль и поперек. Так же активен Рудольф.

Вот из этой армии гидов-переводчиков, главной своей опоры, ЦКМ черпает и другие кадры для работы в сезонных отелях. Собственно, персонал того же «Ветрника» невелик. Это директор (в нынешнем году его должность занимала в июле Зора Коваржикова, в августе — Эмилия Моросякова. Обе они студентки Карлова университета, обе несколько лет работают в молодежном туризме). Затем заместитель директора по туристской программе и шесть подчиняющихся ему референтов. Четыре администратора, принимающие гостей. Уборщицы

ОТЕЛЬ НА ДВА МЕСЯЦА

— Давайте считать. Наша туристская организация имеет во всей Чехословакии пять юниор-отелей. В них 600 постоянных мест. В молодежных кемпингах еще 740. Не так уж много. Зато в студенческих общежитиях мы получили нынче... так... в Праге — тысячу мест, в Братиславе и Брно — по 350, в Усти-над-Лабой — 250, в Ческе-Будеевице — 150. Итого 2100 мест, в полтора раза больше.

Как используются эти места? Поскольку шеф молодежной туристской организации Чехословакии — ССМ, то прежде всего сезонные гостиницы выделяются для его акций, как внутренних, так и международных.

Социалистический союз молодежи использует отели своей туристской организации для различных сборов, семинаров, учебы актива и т. д. Что же касается «внешнего поля деятельности», то здесь на первом плане молодежный туристический обмен с партнерскими организациями СССР, других братских стран, а также несоциалистических государств.

Вполне понятно, я с пристрастием расспросил своего собеседника, чем объясняется низкая плата за номер в сезонном отеле.

— Не только за номер, — поправил он меня, — но и за питание, транспорт, туристские услуги. Впрочем, в общежитиях даже при переходе их в ранг отеля сохраняется студенческий стиль жизни. Никаких излишеств, а тем более роскоши. Единственное, что мы добавляем, — это новые шторы,

ния к нашей работе, кандидат во внештатные сотрудники обязан отвечать следующим условиям:

— активное членство в ССМ или КПЧ;

— возраст — 19—30 лет;

— законченное среднее или высшее образование;

— рекомендация первичной организации ССМ или КПЧ, а также предприятия или учебного заведения;

— хорошее знание минимально одного иностранного языка (в случае, если это английский, французский или итальянский, обязательное знание одного из языков социалистических стран);

— возможность сотрудничества с нами на протяжении не менее 30 дней в году у студентов, 20 дней в году — у работающих;

— безупречное поведение;

— сдача приемных экзаменов на наши курсы;

— сдача выпускных экзаменов. Когда ЦКМ (Цестовни канцеларж младеже — таковое официальное название фирмы) собирает все заполненные анкеты, она устраивает в ноябре — декабре приемные экзамены. Те, кто успешно сдал их, зачисляются на курсы. Это краткое, но деловое знакомство с теорией, практикой, экономикой туризма, психологическими основами работы с людьми.

Все выпускники курсов получают одинаковую специальность: гид-переводчик. Они могут сопровождать своих, чехословацких туристов в поездках по стране (с этого начинаются самостоятельные шаги), а затем зарубежных гостей. И, наконец, возят группы чехословацких туристов за границу. Насколько фирма дорожит своим активом, станет ясно из следующих цифр: она имеет 12 постоянных, штатных гидов и 1500 внештатных. Многие из активистов, пожалуй, даже большинство, сотрудничают с ЦКМ от трех до пяти лет. Обычно это время учебы в высшем учебном заведении, когда студент нуждается в приработке и приобретении житейского, делового опыта, или первые годы после окончания вуза, когда еще нет семейных забот, большой ответственности на службе. Но неко-

отеля и работники столовой — как говорится, величина переменная. Часть из них — люди штатные, но, учитывая отпускную пору, студенты помогают и здесь.

Важное место в небольшом коллективе сезонного отеля занимают бухгалтеры-экономисты. Их два. Один работает в ресторане, другой — в самом отеле. На эту должность обязательно берут профессионалов, как правило, пенсионеров.

Персонал отеля подбирается так, чтобы спектр знания иностранных языков был по возможности исчерпывающим (помните случай с исландцем). Ведь в разгар сезона здесь можно встретить гостей со всех концов света. Гость может не беспокоиться: с ним непременно договорятся на его родном языке.

Любопытно, что такой высокий уровень образования у персонала невозможен для обыкновенной гостиницы. Но одно дело — книжные знания, другое — практические навыки. Наверное, профессионалы справятся со своим делом лучше, чем любители? «Не знаю, не знаю», — сказал в ответ на мой вопрос живший в «Ветрнике» молодой инженер из Польши Марек Щепиньский. — Я заканчиваю свой отпуск. Побывал в трех странах. Жил в восьми отелях. Специальных наблюдений, конечно, не вел, но скажу совершенно искренне: таких симпатичных, обаятельных, предупредительных работников гостиниц я еще не встречал».

Прага.

ЧТО ТАМ, В ГЛУБЬ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора

Мне повезло! Мне страшно повезло!

Как перед входом в святилище, снимаю туфли и начинаю взбираться по лесенке, прислоненной к ярко-желтому боку аппарата. Яйцевидная конструкция резко контрастирует своим цветом с темной синевой воды в бухте и белым галечником пляжа. Сегодня на пляже особенно многолюдно. Здесь и мои коллеги — журналисты из разных стран. Сюда их привлекло показательное погружение глубоководного аппарата «Аргус», через борт которого я уже перекидываю ногу...

— Вы что же, любезный, в качестве третьего пилота?

— Нет, репортера, — отвечаю я. Коллеги смотрят на меня с явной завистью. Но в конце концов здесь, в Голубой бухте Геленджика, я уже за «старенького» — почти неделю ожидаю своего погружения, однако жестко расписанная программа экспедиции все не позволяла выкроить время и для меня. И теперь, когда главный конструктор, наконец, называет мое имя, у меня нет ни малейшего желания терять свой шанс... Проскользнув сквозь узкий люк, блаженно вытягиваюсь на жестком

матрасике. Вот она — долгожданная минута! Теперь от внешнего мира я заслонен многомиллиметровой стальной броней и мощным толстым стеклом нашего подводного ока. В иллюминатор видны широкие протекторы стальной платформы-телеги — на ней лежит аппарат; видна согнутая в «суставах» механическая рука «Аргуса», которая шевельнется сразу же, стоит только нажать одну из кнопок на пульте, который передо мной. Стальной трос, уползающий под брюхо «телеги», вздрагивает, и в поле зрения появляется вода, подступает все ближе и ближе и вот уже плещется, зеленоватая, у самого лица, делит иллюминатор зыбкой колеблющейся линией на две половинки. Верхняя быстро тает, и прозрачный полусвет обнимает нас. Тянусь в карман за носовым платком, чтобы смахнуть со стекла навязчивый блик, и только тут понимаю, что это не призрак: за окном маячит крохотная, прозрачная, как солнечный зайчик, медуза. Мелькнули черные тени: аквалангисты! Сейчас они ослабят крепи, сбросят цепи, удерживающие нас на платформе, вместе с которой мы въехали в воду, и «Аргус» всплывет. Вот аквалангист подходит к иллюминатору, показывает сложное из пальцев колечко: «Вы свободны!»

Пилоты по радиации получают разрешение на самостоятельный маневр, и наш плавучий дом включает двигательные установки...

Теперь со всех сторон — с боков, снизу, сверху — нас окружает серо-зелено-голубоватый свет. Черные стрелки — узкие и живые — заполнили все пространство перед окном. Это рыбки, они как рассыпанные гвоздики — острыми в разные стороны. Прозвучал неведомый сигнал, рыбки встрепенились, вытянулись в одном направлении, и таинственный ветер мгновенно сдул их... У серого песчаного дна притаился маленький бычок: растопырил плавники, словно уперся — ни назад, ни вперед, — и замер. Но завихрился от двигателя мелкий песок у дна — и пошел бычок, вихляя боками, словно заматывая следы, — поминай как звали.

— Глубина погружения десять метров, — доложил на берег пилот.

Давно уже сомкнулась над нами вода, но льется, льется со всех сторон чарующий свет. «Вода!.. Ты не просто необходима для жизни, ты и есть жизнь. С тобой во всем существе разливается блаженство, которое не объяснить только нашими пятью чувствами. Ты возвращаешь нам силы и свойства, на которых мы уже поставили было крест. Твоим милосердием снова открываются иссякшие род-

ники сердца...» — не сказать о воде лучше, чем сказал Антуан де Сент-Экзюпери.

Человек — родственник моря. Мы плачем горючими и солеными, как морская вода, слезами. Сок жизни, играющий в наших жилах, — кровь, разве это не тот же морской рассол, правда, высшего класса? Разве все мы, живые существа — орел и медуза, лесная лань и человек, разве все мы не родились в океане? Не в сегодняшнем — величественном, синем, а в кипящем, клубящемся праокеане...

Две трети поверхности земли — воды Мирового океана. Человеку — сухопутному существу — путь туда заказан. Человек легко научился скользить по поверхности воды, плавая саженками или проносясь на быстроходном морском лайнере. Но он увидел только тонкую пленку поверхностного слоя. А что там, в глубине? Для меня, например, достать камешек с глубины трех метров — уже проблема. Если мне удастся нырнуть на четыре метра, я возвращаюсь с легкой болью в ушах и головокружением. Десять метров глубины — это, видимо, предел для среднетренированного человека, хотя собиратели жемчуга, сделавшие ныряние своей профессией, ныряют и поглубже.

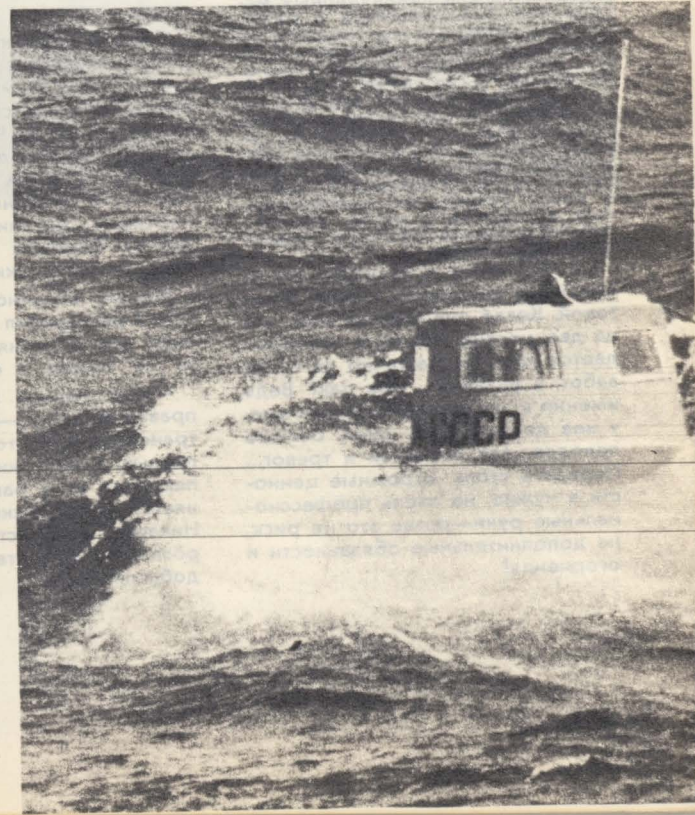
Что же там, в глубине?.. Люди давно уже искали возможность погрузиться как можно глубже. Есть старинная гравюра, отразившая любопытное деяние Александра Македонского. В стеклянной бочке, спускаемой с корабля на цепях, великий полководец погружается в подводное царство. Вымысел это или быль? Вероятнее, быль. Но чем глубины могли заинтересовать воина, завоевателя?

— Каких только сооружений ни придумывал человек еще со времен древности, чтобы проникнуть в таинственную зону, — говорит Николай Николаевич Гребцов, главный конструктор «Аргуса». — Подводная лодка — изобретение отнюдь не наших дней. Лодки делались из дуба и сосны в виде баркасов и бочек, колаков и колоколов. Кстати, и настоящие колокола тоже пытались приспособить к этому делу.

Люди надевали жесткие скафандры и легкие маски, в которые воздух подавался по шлангам. Но настоящей революцией в освоении седьмого континента стало событие, происшедшее уже на нашей памяти, — изобретение акваланга, подводных легких.

...Закончено показательное погружение, и «Аргус» идет в море работать, вести наблюдения на больших глубинах. От маленького судна — сейнера «Капитан Чумаков» тянется тол-

Главный конструктор «Аргуса» Николай Гребцов и гидронавт Анатолий Сидоров.

ИНЕ?

стый канат. Второй его конец закреплен за скобу «Аргуса». Аппарат выныривает чуть не на половину корпуса, и потоки пены скатываются с крутых, блестящих бортов, то зарывается в волны, и снаружи виднеется лишь рубка над люком.

«Капитан Чумаков», на борту которого находится и я, стопорит машину, с его борта плюхается в воду аквалангист в черном подводном костюме. Маска, ласты, борода, черное блестящее тело в волнах — облик современного Икhtiандра. Подплыв к «Аргусу», он быстро сбрасывает канат со скобы, и руководитель погружения — сегодня это инженер Леонид Воронов — дает по радио команду на погружение. Четко слышен ответ из «Аргуса» — там сейчас Николай Гребцов за старшего, второй пилот Илья Большов и в качестве наблюдателя Олег Александрович Воробьев — начальник научной экспедиции. «Аргус» какое-то время еще виден среди волн, затем исчезают и корпус, и надстройка, и антенна. Теперь радиоволны до него не дойдут. И уже по гидрофону мы слышим сообщения о том, как нарастает глубина. Десять, двадцать, пятьдесят метров...

Глубина. Загадочная и коварная штука. Акваланг позволил человеку дышать в глубине, подобно рыбе. И человек уже почувствовал себя рыбой. Рыбой в воде и рыбой... на суше. Почему? Об этом потом.

Как только «Аргус» начал погружаться, наш сейнер лег в дрейф. Позвякивает кастрюльками кок, готовит обед. Обсыхает вылезший из воды аквалангист Юрий Пеет, инженер лаборатории. А мы беседуем с инженером Леонидом Владимировичем Вороновым:

— Как известно, при повышенном давлении у нас в крови растворяется азот. Чем больше глубина, тем больше растворено азота. Если человека мгновенно извлечь с глубины на поверхность, кровь в нем закипит, как «закипает» шампанское, когда откроешь бутылку. Чтобы этого не случилось, нужно подниматься постепенно, давление потихоньку «сбавлять». Процесс этот называется декомпрессией. Бывает, пробудешь под водой несколько десятков минут, а декомпрессия длится несколько суток.

Французский исследователь капитан Жак-Ив Кусто предложил идею подводного поселения и осуществил свой проект. На определенную глубину спускается жилище, давление в котором равняется окружающему. Подводники в

этом доме живут, свободно выходят в море, работают, сколько потребуется, и снова возвращаются в свой глубоководный дом. Декомпрессия не нужна до тех пор, пока обитателям глубин не понадобится вернуться на поверхность...

Глубина сто двадцать метров. Примерно такой глубины достиг с аквалангом француз Морис Фарг. Он расписался на последней бирке, привязанной к опущенному в воду тросу. Увы, это было и его последним деянием. Фарг погиб от глубоководного опьянения.

Да, нелегко покоряются человеку глубины, не так уж гостеприимен гидрокосмос. На берегу Голубой бухты возле Геленджика, откуда отправился на работу «Аргус», стоит несколько многоэтажных зданий и небольших коттеджей, в которых разместились отделы и лаборатории Южного отделения Института океанологии Академии наук СССР. В самом большом корпусе находится установка с довольно неожиданным названием «Кролик». Основная часть установки — барокамера. Океанавты заходят в нее, люк закрывается, и начинается «погружение». Сухое погружение. В камере растет давление, как при спуске на глубину. С каждыми десятью метрами увеличения глубины давление возрастает на одну атмосферу... (А «Аргус» наш сейчас уже на глубине ста двадцати метров, значит, на каждый сантиметр его поверхности давит двенадцать килограммов). В сухой барокамере аквалангисты способны «спуститься» до трехсотметровой глубины. На человека давит тридцать атмосфер! Переход от такого давления к нормальному без декомпрессии вызвал бы мгновенную смерть. И аквалангисты здесь, словно пилоты космических кораблей: никто не в состоянии оказать им помощь, хотя аквалангисты и не в звездных далах, а на земле, но изолированы от внешнего мира.

И это еще не все. Есть и другая сложность: при таком давлении обычный воздух для дыхания не годится. Он вызывает опьянение и смерть, — вспомните, так погиб Морис Фарг. Нужен особый воздух — своеобразный коктейль, который содержит небольшой процент кислорода и инертный газ. Опыты показали, что для «коктеля» пригоден, например, гелий. Однако при большом давлении он становится теплопроводен почти как вода. При температуре в двадцать восемь градусов аквалангист в гелиевой среде может быть нестерпимо холодно, а уже при тридцати — чрезвычайно жарко. Диапазон так называемой «комфортной температуры» резко сужается. И вот стальную барокамеру укутывают в поролоновую шубу. Так легче поддерживать нужную температуру...

Но для чего нужны опыты на «Кролик»? Для создания глубоководного поселения. Подводное жилище, где давление равно окружающему, не впускает в себя воду, даже если открыть нижний люк. По такому принципу действовал несколько лет назад «Черномор» — аппарат, совершивший не одно погружение на значительные глубины и не один год послуживший верой и правдой исследователям.

По гидрофону слышим: «Аргус» достиг трехсот метров. Такой глубины «Черномор» достичь не мог. К тому же океанавты для проведения исследований или наблюдений должны были покидать свой дом, становясь человеком-рыбой. Согласитесь, такая роскошь доступна не каждому — необходима известная предрасположенность, подготовка, да и возраст играет свою роль. «Аргус» — аппарат иного типа. На любой глубине давление внутри аппарата — комнатное, температура тоже, а наблюдение ведется через иллюминаторы.

Под воду спускаются и рядовые исследователи и крупные ученые, солидные академики. И каждому это по силам. И у каждого к океану свои вопросы — у биолога, геолога, гидролога, наконец, у инженера-практика...

Вот лежишь на диванчике в «Аргусе», подперев голову руками, а за круглым окном картины одна другой завлекательней, почище передач «Клуба кинопутешествий» и «В мире животных». А у исследователя в руках — крошечный пульт. Нажал на кнопки — механическая рука, что снаружи, зацепила кусок породы, повернулась, уложила в специальный лоток, который тут же плотно прижался к аппарату, чтобы не растерять содержимого. Если нужно взять пробу воды — пожалуйста, есть нужное приспособление. Тут стоит напомнить, что Черное море — море необычное. На глубине примерно в сто восемьдесят метров начинается мертвая зона, насыщенная сероводородом. Но абсолютно ли эта зона мертва?!

Основная масса воды на земле морская, непригодная ни для полива, ни для питья. Но так ли уж она непригодна вообще? Дмитрий Иванович Менделеев предвещал, что со временем океан станет одним из главных «снабженцев» человечества. Почти с самых первых лет Советской власти у нас в стране из морской воды извлекается магний. Особенно богаты магнием

воды Сиваша. Из одного кубического километра морской воды можно добыть свыше миллиона тонн этого металла. Потрясающая цифра! Но ведь в этой сине-зелено-серой воде не только магний. В каждой пригоршне Мирового океана содержится золото, а всего в морских водах его столько, что на каждого жителя земли придется в среднем по три тонны. Серебра — по шестьдесят тонн на каждого. Тория и молибдена — по сто. Сумасшедшие цифры, сказочные богатства!

А под водой — твердь. Что в ней? Да все, о чем только может мечтать человечество! Первым из этих богатств человек успешно осваивает нефть. За последние десятилетия люди научились проникать на значительные глубины, научились строить под водой, бурить под водой, сваривать металл — словом, делать почти все то необходимое, что человек уже давно научился делать на суше. И чем разностороннее и сложнее становится подводное хозяйство, тем зорче должен быть глаз человека, тем привычнее и обыденнее вся работа под водой.

«Аргус» уже на четырехсотметровой глубине, но спуск еще продолжается...

Человек активно вторгается в океан. Люди научились жить под толщей воды по нескольку недель, трудиться полный рабочий день. В наши дни подводные строители монтируют, строят, заменяют износившиеся части конструкции новыми чуть ли не с той же быстротой, что и на земле. Такое умение чрезвычайно нужно человечеству.

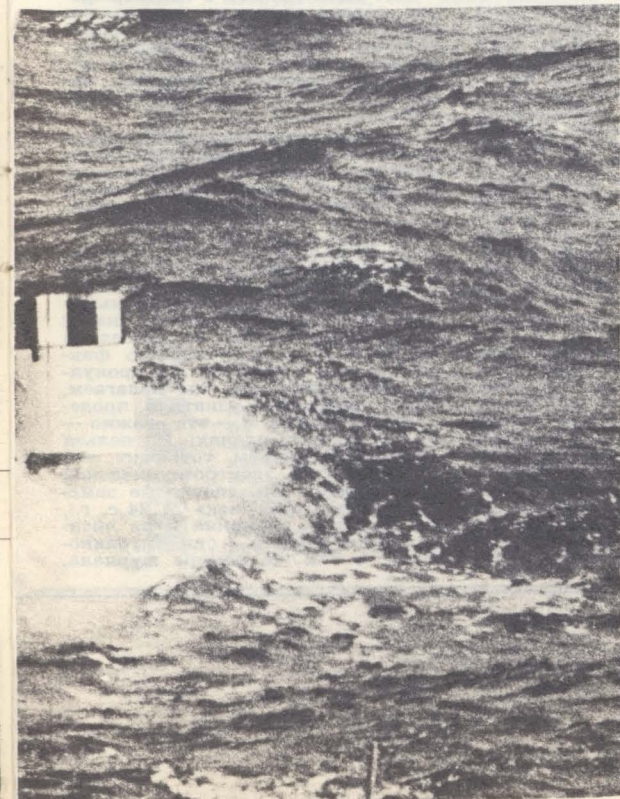
Население земного шара растет. И пусть не сегодня, но придет же время, когда люди попробуют поселиться на воде и под водой. В одном журнале я прочел такое сообщение. Архитекторы Хьюг Бургес и Кийнори Кинукате представили проект плавучего города, который предполагается соорудить у Гавайских островов. Это поселение принципиально нового типа. Сухопутные города — «плоточные». Они растут в основном вширь, занимая все больше и больше земной поверхности. Плавучий город будет «слоеным». В самую глубину, под воду, уйдут такие предприятия и службы, которые не украшают города, но ему необходимы, — бойни, склады, энергетические подстанции, заводы-автоматы. Такой город компактен настолько, что в радиусе десятиминутной ходьбы у каждого и служба, и дом, и торговые комплексы, и киноконцертные залы, и спортивные площадки. Пятнадцатитысячному населению не понадобится транспорт, отравляющий подчас не только атмосферу, но и само наше существование. Единственным транспортным средством в городе будут бесшумные и безвредные лифты. Фантастика? Только сегодня...

Глубина, о которой сообщают с «Аргуса», четыреста семьдесят метров. Океанавты достигли дна и приступили к наблюдениям. Почти полкилометра воды над головой! Тоже фантастика? Подводный мир часто называют гидрокосмосом. И не случайно. Гидрокосмос, глубинные слои Мирового океана обследованы меньше, чем подлинный космос. По сути, все шаги человека в морские глубины — пока первые, пионерские шаги... Полкилометра воды над головой, значит, давление, которое испытывает аппарат, — неполные пятьдесят атмосфер. Только на крышку люка давят сейчас сто двадцать тонн, а все сооружение гнетут почти десять тысяч тонн. Сознание не воспринимает эти цифры... Однако глубина, достигнутая «Аргусом», не предел для аппарата. Он может опуститься и на сто метров глубже, даже на сто тридцать...

«Море Черное черно — все чернилами полно», — с детства памятные строки. Действительно. Ни оттенка синевы, хотя солнце еще высоко, а ветер не так силен. И все же темные волны крепчают, завиваются на их гребнях пенные барашки. Леонид Воронов включает переговорную аппаратуру и отдает команду на подъем. Прошло несколько часов с тех пор, как «Аргус» опустился на дно. Сквозь легкий треск моря в динамике слышим голос океанавтов. Нас поняли: начинают подъем. Сейчас «продуют» специальные резервуары, выгоняют воду, и облепленный «Аргус», качнувшись, оторвется ото дна.

...Четыреста метров, триста, сто — теперь сообщения поступают в обратном порядке. Наконец слышим: «Мы на поверхности», — это значит — «ищите нас». Леонид шарит биноклем по морю — за пять часов нас основательно отнесло. «Вас вижу», — уже по радио передает он. Судно ложится на курс, вскоре и мы замечаем крохотную светлую точку у горизонта. Плюхается в воду икhtiандр в чертовой коже, привычно зачаливает веревкой аппарат, капитан трогает штурвал, и «Аргус», шая и играя, натягивает поводок...

Потоки пены скатываются с бортов аппарата...

НОВОЕ

«НЕОБЫКНОВЕННОЕ ЛЕТО»

Диалектическая взаимосвязь телеэкрана и литературы несомненна, и если иной скептик ворчит, будто телевидение слишком бесцеремонно заимствует свое вдохновение в кладовых прозы, то оно, это мнение скептика, равным счетом ничего не изменит в установившейся практике телеэкранизации. Поэтому примем положение вещей таким, каково оно есть...

Выводя на экраны ТВ тетралогия «Необыкновенное лето», Г. Никулин, похоже, старательно пытался забыть одноименный фильм, созданный по роману К. А. Федина более двух десятков лет назад. Он снимал собственную версию с присущей этой прозе последовательностью и обстоятельностью повествования, с большим вниманием к социаль-

ным и психологическим подробностям романа.

Выбранная режиссером форма экранизации (автор сценария М. Зверева) позволила ему свободно уложить просторную фединскую прозу в лимит экранного времени, безболезненно пожертвовав некоторыми частностями.

Новая работа студии «Ленфильм», выполнившей заказ Гостелерадио, спокойна и уравновешенна по тону, обильно снабжена приметами провинциального русского быта, деталями времени. Авторы фильма прилежно перенесли на шесть десятилетий назад, снимая жизнь точно такой, какой она открылась их глазам (кстати, раньше такую скрупулезность называли бытовым реализмом).

Роман Федина психологиче-

ски нюансирован. Характеристики персонажей, а им несть числа, прописаны на глубину, наделены резкими индивидуальными чертами. Диалоги интересные, приближены к живой разговорной речи. Это дало козыри в руки прежде всего актерам: им было что играть, на что опереться. Главная задача режиссуры сводилась к правильному выбору исполнителей, к подбору ансамбля. От портретов героев во многом зависела судьба экранизации.

Наиболее яркой актерской работой в телефильме оказалось исполнение Евгением Лебедевым роли купца Мешкова. Талантливый художник, Лебедев предлагает, казалось бы, знакомое, увидевшее незнакомое; он ищет новых, неведомых решений, не чураясь острой пластики. Актер

«КАК МНОГО МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕК!»

Яркая «игрушечная» книжечка размером с ладонь, какими обычно бывают подарочные, сувенирные издания. Во всю твердую обложку под супером — цветная фотография двух обнаженных по пояс строителей в касках, стянувших кольца огромной трубы.

Крупнейший в Европе газопровод Оренбург — Западная граница СССР. Беспрецедентное дело братских стран социализма, их «вечный пламень» созидающая.

Изящно и органично соединились на страницах книжки стихи разных языков поэтов и наглядная поэзия факта: скупые строки постановлений, статистические данные, выдержки из писем, фотографии, как бы продолжающие их и говорящие больше любых слов, емкие очерковые зарисовки составителя книги, уральского писателя Леонида Большакова.

Книга знакомит нас с историей великой стройки дружбы от первого кубометра грунта, вынутого ковшем экскаватора из плодородной оренбургской земли, до последнего «красного шва», сваренного 28 сентября 1978 года близ Ужгорода.

Да, не сама себе проложила путь через хлебные просторы Оренбурга и Казахстана, цветущие нивы Украины, крутые отроги Карпат газовая река, что мчится сейчас по стальному руслу со скоростью почти 30 километров в час. Было все: и штурмовые десанты в стужу и пекло, и яростная лихорадка дней, и порою бессонные ночи, чтобы голубой богатырь с Урала пришел наконец в дома и на предприятия Братиславы и Пльзнев, Бухареста и Кракова, Лейпцига и Будапешта.

«Нам в общем деле сил своих не жалко, слилась с моей навеки твоя рука», — утверждает на страницах книги украинский поэт Дмитрий Луценко, выражая чувства и мысли многотысячного коллектива строителей.

Поэтическую переключку братских народов продолжают болгарин Цветан Зангов, венгр Янош Фельдеан, казашка Турсунай Оразбаева, немец Гельмут Прейслер. И сам газопровод, протянувшийся на две тысячи шестьсот семьдесят семь километров, предстает в их стихах величественной одой миру, а строительство его — симфонией труда наших народов.

Леонид Большаков приводит нас на животноводческую ферму оренбургского колхоза «Рассвет», где в перерыве между сменами завязался интересный разговор о делах и планах СЭВ. Вместе с автором книги мы побываем на торжественном митинге у Западной границы СССР в праздничный день сварки последнего шва газопровода и водружения на месте стыка гранитного обелиска в память об этом знаменательном событии.

Доброй памятью строителям магистрали семи флагов стала и эта примечательная книжечка, вместившая большое, значимое содержание. И, закрывая ее, хочется повторить последние строки стихотворения поэтессы Людмилы Татьяничей:

Гордись морей и городов рождением,
Любуясь бегом работающих рек,
Мы говорим с невольным изумлением:
— Как много может сделать человек!

Ю. ОСИПОВ

Магистраль семи флагов. Челябинск. Южно-Уральское кн. изд-во, 1979. 125 стр.

«Огонек» выступил. Что сделано?

ДОМАШНИЕ НАШИ ПОМОЩНИКИ

«Развитие производства в стране основных видов электробытовых изделий позволило удовлетворить спрос населения на бытовые стиральные машины (на начало 1979 года) до 70 штук на 100 семей», — пишет в редакцию заместитель министра машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов В. С. ЗАЙЦЕВ.

«Публикация «Домашние наши помощники», — продолжает он, — вновь указывает на примере бытовых стиральных машин на бытовые модели единотипных, на недостаток унифицированных конструкций выпускаемых электробытовых машин и приборов». Насыщение рынка холодильниками, стиральными машинами, электропылесосами, электробритвами, электроутюгами, мясорубками поставило перед промышленностью задачу обновления ассортимента этих изделий.

Нет предела совершенствованию любой машины, любого изделия, и электробытовые машины и приборы, конечно, не являются исключением. Однако «опыт, накопленный промышленностью, производящей электробытовые изделия, а также предприятиями министерств бытового обслуживания населения, ремонтирующими эти изделия, и опыт эксплуатации этих изделий», — пишет тов. Зайцев, — настоятельно требует, чтобы совершенствование электробытовых машин не приводило к увеличению числа моделей единотипных изделий. Процесс совершенствования должен быть поставлен в рамки унификации и стандартизации».

ОТ РЕДАКЦИИ. Именно об этом — о разумной унификации, о создании базовых моделей — и писал неоднократно «Огонек». Эта идея была поддержана не сразу. В том числе и некоторыми представителями Минлегпищемаши. Ныне по бытовым стиральным машинам разработан и утвержден основной стандарт

«Машины стиральные бытовые. Параметрические ряды. Базовые модели. Основные параметры и размеры». В этом ОСТе за базовую модель стиральной машины типа СМР взята машина «Рига-13», о которой говорилось в статье «Огонька» (№ 24 с. г.).

«Следующим этапом по унификации является разработка рабочих чертежей машин этого параметрического ряда и переход предприятий на их серийное производство. Процесс этот сложен. Начало серийного производства должно быть увязано с обеспечением производства новыми материалами и комплектующими изделиями или с развитием мощностей по производству в необходимых количествах выпускаемых материалов».

Далее тов. Зайцев приводит несколько примеров.

«Предприятия Минлегпищемаши подготовили серийное производство стиральных машин типа СМР с двумя режимами стирки и с реле времени, что расширяет функциональное назначение машины, так как позволяет производить стирку различных тканей. Но для этого нужно дополнительное количество реле времени типа «РВ-6». Министерство своевременно представило заявки на эти реле, которых теперь потребовалось вдвое больше, так как план выпуска машин возрос, но изготовители реле не позаботились о поставках, и в итоге «предприятия, выпускающие машины, вынуждены выпускать устаревшие модели машин (без реле)».

На Московском проекторном заводе Минэлектротехпрома, на Кировском и Кишиневском заводах Минлегпищемаши, Арсеньевском машиностроительном заводе «Прогресс» имени Н. И. Сазыкина подготовлено производство автоматических стиральных машин. Работа эта велась несколько лет, а выпуск машин до сих пор не начал из-за того, что не освоено производство ряда материалов и комплектующих изделий: листо-

вой нержавеющей полированной стали определенной толщины, двухскоростных электродвигателей определенного типа, микровыключателей, необходимых электронасосов, лампы сигнальной и командоаппаратов «КА-СМ».

Вот и пришлось Минлегпищемашу организовать производство некоторых комплектующих деталей на своих предприятиях.

ОТ РЕДАКЦИИ. Едва ли такое «натуральное хозяйство» эффективно в век кооперации и специализации. Но выходит-то, иного пока нет? Поэтому «Огонек» переадресовывает справедливую критику машиностроителей тем, от кого зависит своевременное производство названных комплектующих изделий.

Еще один пример в подтверждение нелепости такого положения: потребность в стиральных машинах типа «Малютка» не удовлетворяется главным образом из-за отсутствия нужного количества необходимых двигателей и пластика «АБС».

Сказанное подтверждает необходимость комплексного решения проблем, связанных с постановкой на серийное производство нового поколения «домашних помощников».

ОТ РЕДАКЦИИ. Письмо заместителя министра не исчерпывает всех проблем и вопросов, поставленных в публикациях «Огонька» под рубрикой «Домашние наши помощники», но все же нельзя не отметить того безусловного факта, что, как говорится, лед тронулся. Читателям, как мы полагаем, будет интересно узнать о продолженной работе и — это важно — о ближайших планах. Но нельзя обойти вниманием тот факт, что Министерство электротехнической промышленности словно не заметило статью («Огонек» № 24 с. г.), не обратило внимания на читательские письма — они опубликованы в том же номере журнала.

буквально наслаждается образом, порою сочетая драматический подтекст с открытым комикованием, психологическую экспрессию с эксцентрикой. В телефильме есть буквально бенефисные

куски, когда Лебедев словно солирует на экране, взрывая ровную повествовательную интонацию каскадом преувеличений, импровизаций, режущей сердце болью... Как оригинально прове-

дена сцена обручения дочери! То, что купцы — скряги, ненасытные пауки, это мы давно знали, но ведь тут еще и тоска звериная у человека, уязвленная гордыня, притворная елейность, наружное смирение, да еще позерство, да еще сознание собственного бессилия, какая-то горькая покорность перед надвигающейся громадой жизни... Да, все до одной сцены Лебедева — образец высочайшего искусства.

Вообще исполнители опытные, известные свою репутацию оправадали. Уверенно, достоверно играют Н. Волков (Рагозин), Ю. Васильев (Цветухин), А. Азо (Пастухов). Рядом с ними несколько одноплановых две важные для зрителя фигуры: Дибич (О. Пальмов) и, увы, Кирилл Извеков, любимый фединский герой. Артисту Ю. Демичу предстояло воплотить сквозную фигуру тетралогии — профессионального революционера, комиссара красного полка. Но удалось не все. Лирические сцены в трактовке этого актера выглядят суховато; они менее убедительны, нежели те, когда герой погружается в привычную для него обстановку борьбы, идейных противостояний.

Наконец, еще одно замечание в адрес режиссуры телеэкранизации. Роман К. А. Федина строго привязан к определенному краю. Речь идет о Среднем Поволжье, о земле саратовской. Но почему-то Г. Никулин выбирает для натурных съемок ансамбль старинного Мирожского монастыря на берегу реки Великой, ведь однокупольный собор этого псковского архитектурного комплекса является памятником зодчества XII века, его прекрасно знают все ценители древнерусского искусства, у него всемирная слава...

Пожалуй, это принципиальное замечание. Режиссеры (и кинематографисты и телевизионные) подчас слишком вольно обращаются с архитектурными памятниками, игнорируя их самостоятельное значение, их роль и место в общерусской культуре. Для них памятники — это лишь удобная натура, естественная декорация. Но оборачивается такой потребительский подход мстящими за себя неудачами, особенно досадными в тех случаях, когда на экран выходит классика — произведение, известное народу и народом любимое...

Ю. ТЮРИН

Кадр из фильма.

ВЕРНУТЬ ЖИЗНЬ ПАМЯТНИКУ

Публикация в № 24 нашего журнала статьи М. Поспелова и Э. Дьяконова «Память о героическом прошлом» вызвала многочисленные отклики.

Редакция получила ответы на публикацию от дирекции завода «Динамо», на территории которого ныне находится используемое как компрессорная здание церкви, в стенах которой похоронены герои Куликовской битвы Пересвет и Ослябя; от строительно-монтажного объединения № 1, ведущего работы по сооружению новой компрессорной завода; от Госинспекции по охране памятников архитектуры и градостроительства г. Москвы.

Из ответа дирекции завода следовало, что строительство новой компрессорной значительно отстает от графика и ее ввод в действие, а следовательно, начало реставрации памятника, находится под угрозой срыва.

Более спокойным был ответ строителей. Исполняющий обязанности начальника строительно-монтажного объединения № 1 тов. Чижинов А. И. сообщал журналу, что компрессорная должна быть сдана под монтаж технологического оборудования в сентябре. Сейчас приходится констатировать, что строительные работы выполнены только на 30 процентов, для новой компрессорной нет оборудования, нет коммуникаций.

Как ни странно, наиболее общие фразы содержал ответ Госинспекции по охране памятников при Мосгорисполкоме (начальник Савин А. А.). В этом ответе, правда, сообщалось, что органы охраны памятников держат вопросы восстановления данных объектов под особым контролем. Но ведь именно Госинспекция должна была бы не только контролировать, но и по-хозяйски спланировать работы по подготовке к юбилею Куликовской битвы памятников той эпохи. Особенно в этом нуждается здание церкви Рождества Богородицы, находящееся на заводской территории.

Однако до сих пор не выяснено, кто и каким образом будет эксплуатировать памятник после того, как завод «Динамо» освободит его от компрессоров. У памятника, который дорог всей Отчизне, по сути дела, нет хозяина. Очевидно, поэтому так стихийно, не квалифицированно, с большим опозданием решаются многие вопросы его восстановления.

В опубликованном центральной печатью документе Совет Министров РСФСР поручил в числе про-

чих и Мосгорисполкому «осуществить необходимые меры по подготовке к 600-летию Куликовской битвы памятников истории и культуры, связанных с этим событием». Приходится еще раз напомнить, что объекты, о которых говорилось в статье «Память о героическом прошлом», нуждаются сейчас в самом пристальном внимании.

В октябре у первого секретаря Пролетарского райкома КПСС тов. Корчагина А. Ф. состоялось расширенное совещание, на котором присутствовали заместитель министра культуры РСФСР тов. Стриганов В. М., руководители завода «Динамо», представители Госинспекции по охране памятников, Московского городского отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, реставрационных организаций, проектировщиков, строители, журналисты. Были рассмотрены вопросы:

— проектирование и осуществление выгородки памятника на территории завода и подходов к нему со стороны Симонова монастыря;

— подготовка реставрационных работ по памятнику;

— интенсификация работ на строительстве новой компрессорной завода;

— организация реставрации сооружений и сторожевых башен Симонова монастыря, которые сейчас находятся в очень плохом состоянии.

Заместителя директора Всесоюзного производственно-научного реставрационного комбината Министерства культуры СССР Девятова О. Н. просили немедленно приступить к подготовительным работам, а с выводом компрессорной начать реставрацию памятника. Объекты Симонова монастыря несколько лет были включены в план ВПНРК, но работы по ним не производились, и неповторимые конструкции находятся в аварийном состоянии. Практически и они остаются без настоящего хозяина, которого опять-таки должна была определить Госинспекция по охране памятников при Мосгорисполкоме.

На совещании в Пролетарском райкоме партии было решено создать рабочую комиссию из представителей всех заинтересованных и ответственных организаций, которая должна активно действовать по подготовке памятников ансамбля Симонова монастыря и могилы Пересвета и Ослябя к юбилею Куликовской битвы.

ПЕСНЬ О ЖЕНЩИНЕ

Образ женщины, судьбы женщины, ее одухотворенная красота, радости и счастье материнства, деловая целеустремленность, сосредоточенность творчества... Кажется, все эти проявления тонкой и нежной души нашли воплощение в картинах, показанных на четвертой обложке.

Их автор — Марина Харутоновна Пашковская родилась в Москве в 1935 году, а художественное образование получила в Ташкенте, сначала в училище имени П. П. Бенюкова, затем в театральном институте, защитив диплом художника-постановщика. Десять лет работы на студии «Узбекфильм», девять оформленных кинолент, таких, как «Колокол Саята» и «Войди в мой дом», «Листок из блокнота», «Слепой дождь» и «Плюс единица», многое дали молодому художнику. Прежде всего — широту взгляда, вкус и разнообразным темам и жанрам: историко-революционному, портрету, натюрморту, пейзажу, развили умение мыслить обобщенно, проникать в суть явлений и передавать их на полотне в живописных образах-символах.

С 1962 года Марина Пашковская участвует в республиканских и всесоюзных выставках. Многие ездят по стране, пишет нефтяников на буровых, тружеников села и сотрудников милиции, военных Туркестанского военного округа, художников, режиссеров, актеров. Почти во всех работах, какой бы теме они ни посвящались, возникает прекрасный, значительный образ освободившей женщины Востока, осознавшей свое достоинство, уверенно ощущающей себя в жизни.

Красочно, смело решает М. Пашковская колорит своих полотен. В «Разных судьбах» она напряженно-красный, словно освещенный заревом революции, открывающей женщине путь к свету. Углубляет это впечатление, подчеркивая твердую решимость девушки, сгорбленная фигура пожилой узбечки в глухой, черной парандже. Цвет становится ярким, солнечным, как сама надежда, в картине «Первая весна». Будто вся земля, ее горы и долины, лучезарное небо над головой радуются вместе с юной матерью ее младенцу, торжествуя с ним весну, обновление природы и жизни.

Художник сознательно уходит от традиционной жанровости, трактуя ее шире, насыщая свои полотна поэтическим чувством, романтической приподнятостью, взволнованностью. Каждое произведение М. Пашковской — как цельная гармоничная песня, которую слагает для нас живописец.

О. КРАСНИКОВА

ЕЩЕ РАЗ О МОЛОДОЙ СЕМЬЕ

В № 24 «Огонька» за этот год было опубликовано письмо Инны В. из Тюмени. Молодая женщина рассказала о своей не лучшей образе сложившейся семейной жизни. При внешнем, казалось бы, благополучии (достаток в семье, двухкомнатная квартира и т. д.) Инна испытывает чувство неудовлетворенности: «...Словно все краски ушли из жизни, одна осталась серая», — жалуется, что дела и заботы мужа, раньше ее волновавшие, теперь стали безразличны, недоумевает: куда пропало чувство?

В этом же номере были помещены заметки кандидата педагогических наук А. Меликсетяна «Коварство любви?».

Публикация письма Инны В. и заметок А. Меликсетяна не оставила равнодушными читателей. В редакцию пришло много писем, где авторы, исходя из собственного житейского опыта и наблюдений, дают свое толкование того, что случилось с Инной, советуют, как ей выйти из тупика, как сделать, чтобы жизнь вновь наполнилась смыслом и содержанием.

Вспоминаю Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Любовь — это ведь тоже бой, ну, а если каждый вечер смотреть «до упора» телевизор и если не о чем с мужем разговаривать, счастья не будет. Начинать же надо не с упреков в адрес мужа, а с самой себя! Самой сначала надо выйти из тупика. Разнообразить жизнь, читать книги, ходить в кино, в театр, наконец, стараться выглядеть привлекательной, следить за собой, по-женски нравиться мужу — ведь это тоже своеобразная борьба за любовь. Инне скучно. Но, по-моему, настоящая любовь и скука несовместимы!

Мне сорок девять лет, скоро отпразднуем с женой серебряную свадьбу. Тем не менее, бывает, у меня тоже иногда возникает чувство, словно чего-то не хватает... Но с этим надо бороться. Семейная жизнь — каждодневная борьба за любовь, за счастье.

В. ВИТКОВСКИЙ

Ворошиловград.

Я учительница. Живем с мужем и детьми в небольшом поселке в 60 километрах от райцентра. Театра у нас нет, кафе и ресторанов тоже. Может быть, мы с мужем отстали от жизни? Наверное, все-таки нет, потому что мы счастливы своей работой, своими детьми. Без

этого я не представляю семейной жизни. Встречаемся вечером, радуемся, как будто год не виделись. Мне кажется, Инна не знает, что такое счастье, потому, что от такой однообразной жизни, какую они с мужем ведут, действительно обалдеть можно. Инна, как я поняла, обиделась-то не на себя. А, собственно, почему? Разве сама она принесла мужу счастье? Что она для него делает? Счастлив ли он с ней? Почему-то это Инну не волнует. А зря... Беды Инны от ее эгоизма. В семейной жизни нельзя быть эгоистом!

Е. С.

Актюбинская обл.

Инна, дорогая, необходимо иметь в жизни цель — это все равно, что дышать. Тогда появится и интерес к жизни. У нас, кабардинцев, есть старинная пословица: «В доме, где нет ребенка, счастья нет!» Появится у вас в доме малыш, придет счастье! Ведь обеспеченная, беззаботная жизнь — это еще не все. Все вокруг считают, что я прожила тяжелую жизнь. Все, кроме меня! Хотя, если подумать... Мой муж погиб на войне. Я осталась девятинадцатилетней вдовой с двумя детьми на руках. Много было горя, как и у миллионов советских женщин, но мои дети спасли меня, сами того не ведая. Я жила ради своих малышей, которые не помнили своего отца... Я радуюсь, что у вашего поколения, Инна, есть все, о чем наше поколение и мечтать не могло. Но мне больно, что ты не испытываешь радости от жизни. Может быть, оттого, что тебе не приходилось ощущать горечь потерь?

Л. КЕШОКОВА

Нальчик.

Встретились, познакомились, поженились... И только тогда началось подлинное узнавание друг друга. Разные привычки, взгляды, стремления. А вот терпения, терпимости друг к другу не хватает... Споры, раздоры по мелочам. Так каждый день. Даже если

внешне это не проявляется, тлеет подспудно, как угли. Надоедает, тяготит. Вот уже и вся жизнь кажется серой. Наконец, разрыв... И начинаются поиски причин: почему, как? На мой взгляд, причина одна: сошлись чужие люди, вот они и не хотят «совместиться». Слишком уж порой легкое сейчас у молодежи отношение к браку. А в семейной жизни необходима любовь. Да еще, как пишет А. Меликсетян, должна она обновляться ежедневно, ежеминутно. Представляете, какими ее потенциальными запасами должны обладать молодожены? Любовь и отзывчивость, гуманность, культура, благородство, внимание к близкому человеку — все это неразрывно. Но вступающие в брак молодые порой над этим не задумываются... В результате — все им плохо. Даже обустроенный быт, как у Инны В. Даже наличие свободного времени в тягость. А сколько людей мечтают о нем! Мне очень хочется дожить до того времени, когда поспешные браки и разводы уйдут в прошлое. Скорее бы! Акт бракосочетания должен стать понятием священным!

И. НЕКЛЮДОВ,
ветеран Великой
Отечественной
войны

гор. Железнодорожный,
Московской обл.

По-моему, Инна просто пресытилась своим достатком, комфортом, то есть чисто внешними моментами, а круг ее духовных интересов пока довольно узок. Сдается мне, что и муж Инны недалеко ушел, иначе бы он как-нибудь воздействовал на Инну. У них скорее всего нет общих интересов, оттого и жизнь кажется «серой», оттого и семьи настоящей нет...

В. САВЕНКОВ

Пос. Ивня,
Велгородской обл.

Изречения Михаила Нуайме

Каждое слово — для своего уха. Возможно, твоё ухо — не для моих слов. Потому не вини меня, если недопоймешь.

Твой плуг из железа, а мой — из тростинки, твоё поле — почва, а мое — бумага. Оба мы — сеятели. Разница лишь в том, что ты сеешь с ладони, а я — из сердца, ты снимаешь урожай, чтобы есть, а я — чтобы давать пищу.

Зачем я пишу? Чтобы ты увидел себя во мне, а я увидел себя в тебе.

Дай волю воображению, если хочешь опьянеть от чарующих виссот и очароваться пьянящими глупостями.

Кто говорит, что он дает и не берет, тот уже взял сверх того, что он заслуживает.

Сказала корова своему теленку: — Ты мне должен за то, что я тебя носила. Теленок ответил: — А ты мне должна за то, что я сосу из твоего вымени.

Гнев — пена, которую вздымает пыл невежества.

Известный ливанский писатель и критик Михаил Нуайме родился 22 ноября 1889 года в деревне Бискинта близ Бейрута в православной по вероисповеданию семье мелкого землевладельца. Учился Нуайме в русских миссионерских школах, а в 1906 году по приглашению Русского палестинского общества он едет в Россию для продолжения образования в Полтавской духовной семинарии. В этот период он углубил знание русской литературы.

В 1911 году М. Нуайме возвращается в Ливан, однако материальные затруднения семьи вынуждают его эмигрировать в Америку, где он занимается и литературной деятельностью. В 1918 году выходит в свет первое крупное произведение М. Нуайме — драма «Отцы и дети».

С 1932 года М. Нуайме живет в Ливане, пишет повести и психологические новеллы, драмы и автобиографические произведения, эссе и критические статьи. Писатель-гуманист стал при жизни классиком современной арабской литературы. Афористичность, вообще присущая стилю Михаила Нуайме, ярко проявилась в его сборнике изречений и притч «Виноградник у дороги» (Бейрут, 1972), откуда и взяты публикуемые ниже миниатюры.

Встретились два монаха из двух монастырей. Один спросил: — Сколько молитв вы совершаете за день?

Другой ответил: — Девять. Что касается десятой, то ее никто не совершает, потому что она не обязательна. А вы сколько раз молитесь?

И ответил первый монах: — У нас все молитвы добровольные...

Построили крепкую стену вокруг города и сказали: «Теперь мы будем жить в безопасности...» Однако они забыли оставить сердца снаружи ограды.

Как много говорящих и как мало слушающих!

Перевод с арабского
В. БОРИСОВА.

Я не знаю людей ничтожнее тех, что пишут свои имена на скалах, чтобы увековечить себя.

Земля вращается не оттого, что по ней ходят люди.

Сколько в сердце сеятеля, столько и в колосе.

...А. Меликсетян называет адаптацией, то есть взаимную приспособляемость, врагом любви и подробно рассказывает, что это такое. По-моему, это не так. Приспособляемость до известной степени уравнивает характеры супругов, делает их отношения ровнее, спокойнее. Унылая будничность, безразличие, равнодушие возникают тогда, когда меняется духовное содержание живущих в браке людей. Или когда в брак вступают люди, испытывающие лишь влечение друг к другу. Истинная супружеская любовь существенно отличается от простого влечения. Но вот перерастет ли влечение в настоящую любовь — это уже зависит от духовного содержания каждого из вступающих в брак. Отсюда можно сделать вывод: душевно черствым, испорченным людям любить не дано, они не готовы к этому чувству.

Г. КОСТЕНКО

Куйбышев.

Мне 28 лет. Я пока холост, живу в общежитии, но могу наблюдать жизнь женатых товарищей. Так вот, многие искренне счастливы, хотя живут и в несравненно худших, чем семья Инны, условиях. Для них то, что уже есть у Инны, предел мечтаний! Попробуй-ка поживи несколько лет с женой да ребенком в общежитии! Так что права мать Инны, ее дочь «с жиру бесится»...

ВИКТОР М.

Тольятти.

Прочитала я в «Огоньке» письмо Инны из Тюмени... Первая реакция была такая же, что и у ее матери: с жиру человек бесится, есть муж, квартира, работа, достаток — чего еще надо?

Но чем больше думаю над ним, тем больше понимаю, какое это «несчастное несчастье». Ведь о нем и людям не расскажешь — не поймут. Ребенок болеет — понятное всем горе; муж пьет — тоже всем понятно, как несчастна с ним женщина; коллектив от тебя отвернулся — и это понятно горе. А тут — у человека есть все. Не скажешь ведь, что мое горе в том, что нет счастья!

Есть поговорка: «Чужую беду руками разведу». Со стороны, мол, легко подсказывать. Да, сужде-

ния людей посторонних часто могут быть опрометчивыми. Но зато со стороны некоторые явления легче заметить, рассмотреть, распознать. Вот и я считаю, что все несчастья Инны — в ней самой. От этого, конечно, не легче. Но знать причину своих неудач — это уже какой-то шанс избавиться от них.

Где-то я прочитала, что дурная женщина, выходя замуж, мечтает быть счастливой. Хорошая женщина, выходя замуж, мечтает сделать счастливым любимого. То же самое можно сказать и о мужчине. Плохой думает о себе, хороший — о своей невесте. Так вот, если бы Инна задалась целью сделать счастливым любимого, если бы она каждый день заботилась об этом, ей на всю жизнь хватило бы хлопот и... счастья! Да, да! Ведь счастье, как она сама заметила, потеряв его, это когда мир полон красок, когда есть тревоги и волнения, есть цели и трудные дороги к ним.

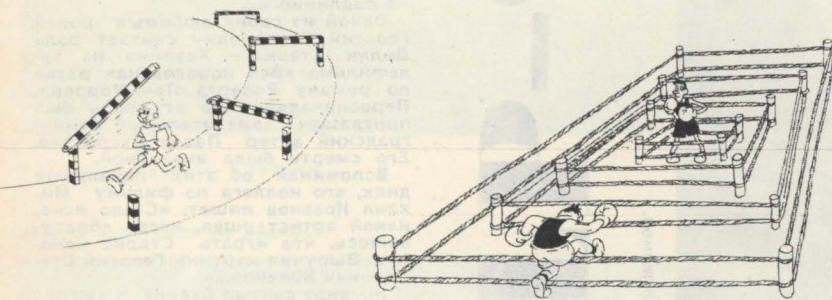
Но и это еще не ответ на вопрос. Сделать счастливым супруга, «встряхнуть» его, «оживить» себя и мир вокруг можно только одним способом — самой стать интереснее, содержательнее, ставить себе какие-то цели — и в первую очередь не материального порядка, достаток ей счастья не принес. Главной целью всегда должно быть одно — подняться над обыденностью, самой стать немного лучше, чем ты есть. Для этого надо расширить круг своих интересов: музыка, театр, литература, спорт, туризм... Да мало ли в мире интересного! Ну и... ребенок вам нужен. Понимаю, что в таком совете «со стороны» мало проку, но, по-моему, иначе зачем семье было строить.

Э. ХВОРОВА

Львов.

Интересные письма также прислали Э. Мхитарян из Еревана, И. Митрофанов из Саратова, В. Оксинюк из Баку, Н. Лебих из Ташкента, А. Сапелкин из Норильска и многие другие. В письмах своих они не только оправдывают или осуждают Инну В., но ведут заинтересованный разговор о проблемах современной семьи.

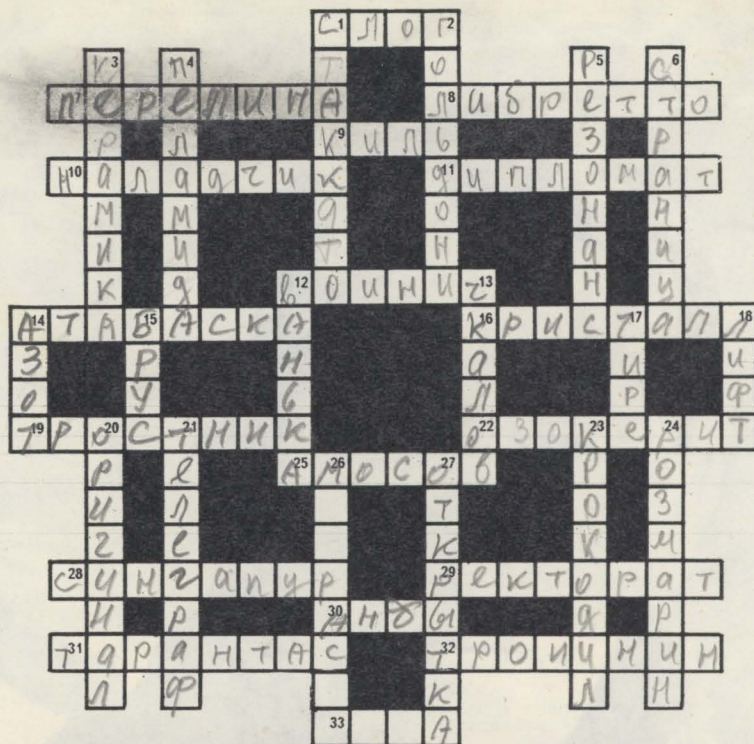
«Огонек» намерен продолжить разговор о молодой семье. Редакция предлагает всем желающим принять в нем участие. На письмах просьба делать пометку: «О молодой семье».

Рисунки В. ТИЛЬМАНА

— Простите, ребята, последний раз опаздываю.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Минимальная единица речи. 7. Короткая круглая накидка на плечи. 8. Текст музыкально-драматического произведения. 9. Порт в ФРГ. 10. Рабочий, занятый исправлением и регулировкой станков. 11. Должностное лицо, работающее в ведомстве иностранных дел. 12. Автор романа «Овод». 14. Озеро на западе Канады. 16. Твердое вещество, имеющее форму правильного многогранника. 19. Водяное растение семейства злаков. 22. Минерал, горный воск. 25. Русский металлург XIX века. 28. Государство в Юго-Восточной Азии. 29. Административно-учебное управление университета. 30. Горная система в Южной Америке. 31. Четырехколесный экипаж. 32. Русский живописец-портретист XIX века. 33. Река на севере Италии.

По вертикали: 1. Прием извлечения звука на музыкальном инструменте. 2. Автор комедии «Слуга двух господ». 3. Изделия из обожженной глины. 4. Рыба семейства скумбриевых. 5. Отзвук, отголосок. 6. Часть листа книги, тетради. 12. Рассказ А. П. Чехова. 13. Советский летчик, руководитель длительных беспосадочных полетов. 14. Химический элемент, газ. 15. Длинное обтесанное бревно, балка. 17. Знак препинания. 18. Подъемная машина в многоэтажных домах. 20. Подлинник. 21. Предприятие связи. 23. Советский сатирический журнал. 24. Зимний сорт яблок. 26. Штат в США. 27. Почтовая карточка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали: 4. «Обломов». 5. Артюхин. 7. Егорлык. 9. Коростень. 12. Сорока. 13. Корнет. 15. «Гусар». 17. Каннелюра. 18. Планерист. 20. Атрек. 21. Артист. 24. Скопин. 26. Радиомаяк. 27. Секстет. 28. Известь. 29. Арбенин.

По вертикали: 1. Гондола. 2. Полиспаст. 3. Цветник. 6. Тассо. 8. «Лакме». 10. Коллекция. 11. Профессор. 12. Суданка. 14. Тристан. 15. Горка. 16. Ролик. 19. Григорьев. 22. Русак. 23. Трактат. 24. Слябинг. 25. Ирбис.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Испытания подводного аппарата «Аргус». Аквалангист делает знак: «Вы свободны!» * Перед погружением. * Леонид Воронов дежурит на связи с акванавтами. * И болельщики и участники... (См. в номере материал «Что там, в глубине?»).

Фото Л. Шерстенникова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международных — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 02.11.79. Подписано к печати 20.11.79. А 00755.
Формат 70×108/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 762 000 экз. Изд. № 2560. Заказ № 1458.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

ИГРАТЬ — ЗНАЧИТ ЖИТЬ

Народный артист РСФСР Георгий Степанович Жженов.

...Над Москвой повисла сырая мгла. Обильный снег раскис, притихли самолеты в столичных аэропортах. Но этот полет продолжался. Израненный самолет вылетевший с аэродрома одной из африканских стран, только что пережившей землетрясение, готовился совершить посадку... Снят последний кадр, последний дубль, последний метр пленки. Экипаж сейчас покинет кабину тренажера самолета ТУ-154, где режиссером А. Миттой проводилась съемка фильма «Запас прочности», и я представляю, как выйдет из нее исполнитель главной роли — Георгий Степанович Жженов. Жестом, словно стирающим усталость, проведет по лицу, передаст в руки костюмерши сброшенный с плеч китель... Закончен фильм.

Вспоминается мне просмотр другого фильма в нашем редакционном кинозале. Это была картина «Горячий снег» по роману Ю. Бондарева. После показа мы, зрители, уносили с собой ощущение, что смотрели не действие, не представление, не игру актеров, а прожили ту памятную сталинградскую зиму, когда решалась участь не только сражения, не только армии, а судьба народов, стран. Образ генерала Бессонова, крупно, бескомпромиссно, глубоко созданный на экране Жженовым, не оставлял сомнений — другого Бессонова быть не могло.

Полнота жизни экранного героя оказалась равной той полноте, которую обрел образ на страницах книги.

Жженов не любит слова «играть». «Какое-то легкомысленное, пустое слово...» А что противопоставить взамен? Жить. Жить в образе, жить образом, мыслить едино, чувствовать едино — так, чтоб между ролью и исполнителем даже тоненькая иголочка не пролезла. Но не обедняет ли это палитру актера? Поди, хочется иногда изобразить такое... словом, душу отвести?

Перед съемкой Георгий Степанович только повязал галстук да надел китель. Даже легкого тона гримеры не положили на лицо. Жженов не любит. Что это — прихоть или принцип? Не прихоть, но и не принцип ради принципа. Просто он считает, что образ создается не внешними метаморфозами, а следованием внутренней логике образа... Понять Жженова помог мне маленький портретик, вырезанный им из журнала и приколотый к стене. Портрет Жана Габена. Несравненного Габена. Великого Габена. Единственного. Не похожего ни на кого и похожего на самого себя. И всегда разного, всегда предельно органичного и стопроцентно подлинного...

Одной из своих любимых ролей Георгий Степанович считает роль Вилли Старка — Хозяина из телефильма «Вся королевская рать» по роману Роберта Пен Уоррена. Первоначально на эту роль был приглашен замечательный ленинградский актер Павел Луспенкаев. Его смерть была внезапной.

Вспоминая об этих печальных днях, его коллега по фильму Михаил Козаков пишет: «Стало ясно, какой артист ушел, когда обнаружилось, что играть Старка некому... Выручил картину Георгий Степанович Жженов...»

Жженов сыграл Старка. И сыграл превосходно.

...К вечеру туман рассеялся над Москвой, чуть выше стало небо. Заработал «конвейер» на городском аэровокзале, ожили аэропорты. Одним из рейсов должен был улететь в Сибирь и Георгий Степанович. Жженов сыграл не один десяток ролей в театре, снялся более чем в семидесяти фильмах. Был солдатом и генералом, милиционером и резидентом иностранной разведки, рабочим и летчиком. Это в ролях. А в жизни — цирковым акробатом и лесорубом, элентриком и фотографом. И кем только еще не приходилось ему бывать! Своими руками актер может сделать все: сложить из кирпича стену, сколотить стол, перетянуть проводку, собрать мотор, развести цветы... Никакой работы не чурается, любую жизнь знает не понаслышке, а испытал на себе.

Может быть, потому и считает: не стоит эту жизнь разменивать на игру. Поэтому и герои его живут жизнью настоящей, и «запас прочности» их не мал.

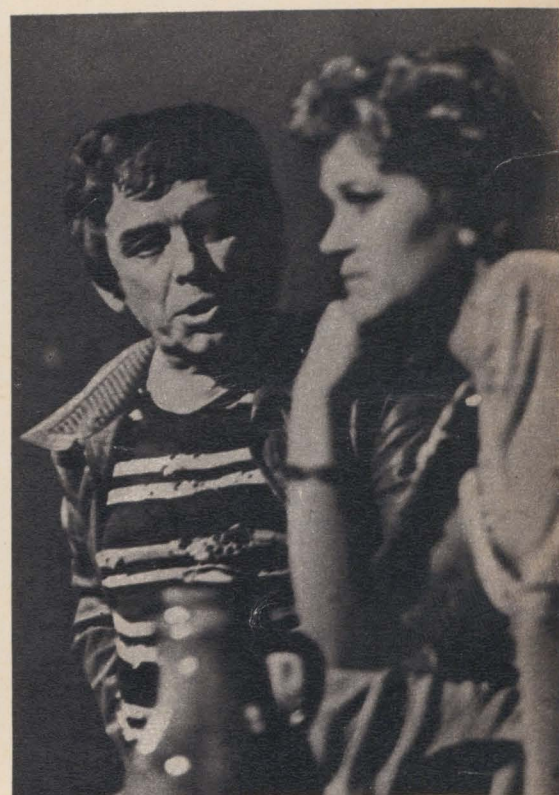
Начинается день.

Встреча с рабочими ЗИЛа.

В выходной день — с семьей.

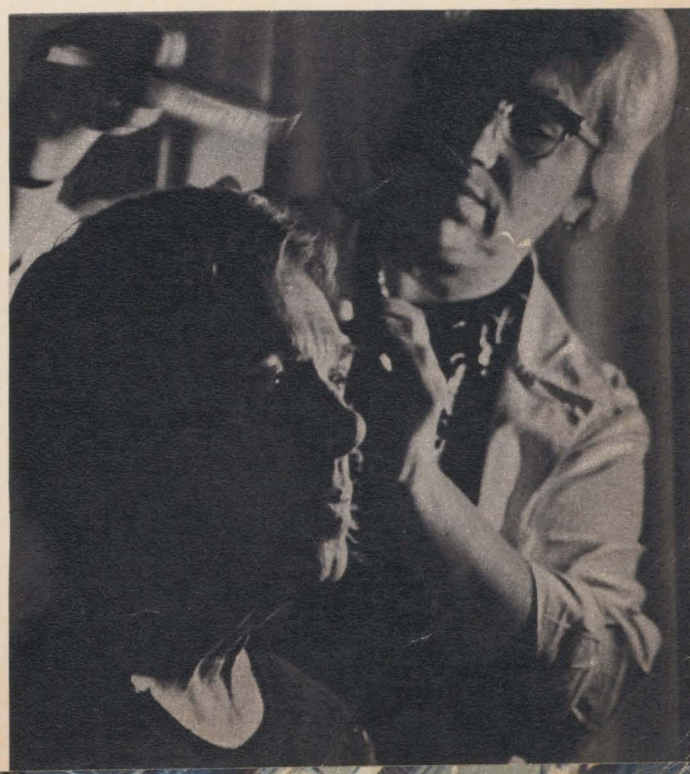

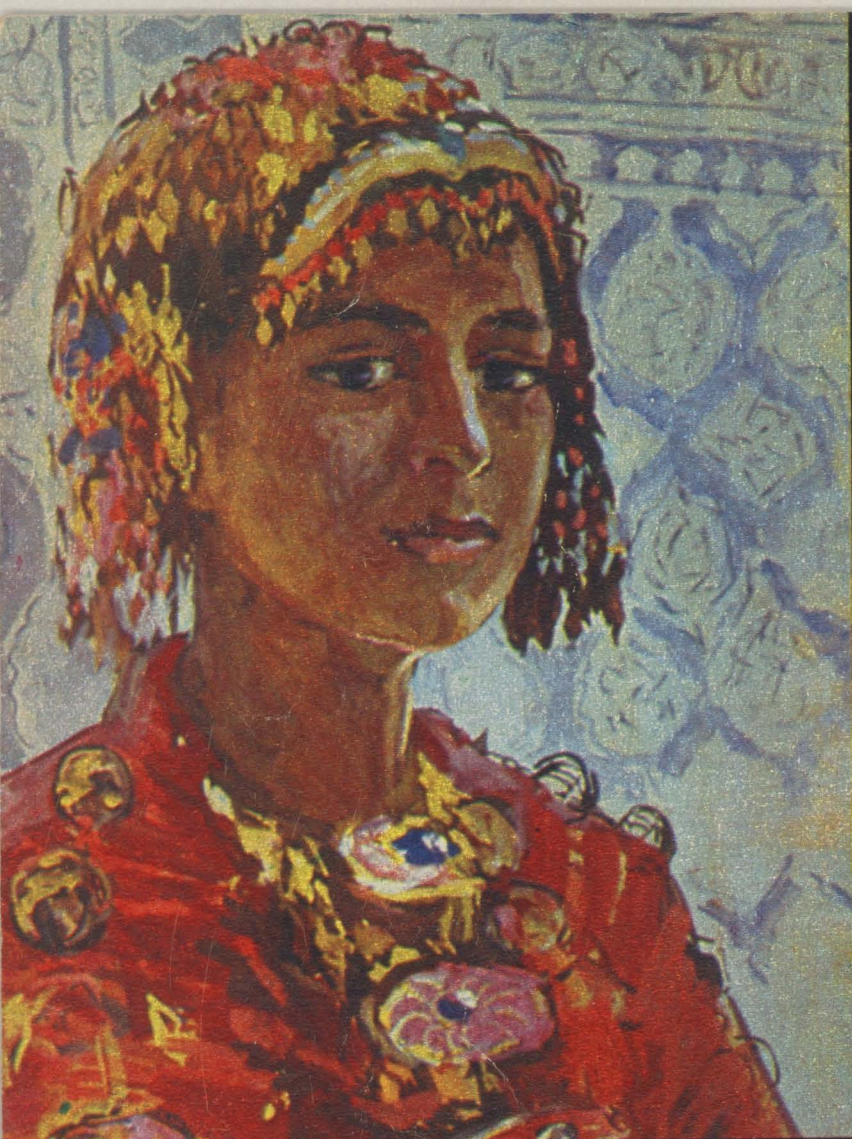
Жженов в спектакле Театра имени Моссовета «Царствие земное».

Запись спектакля на радио...

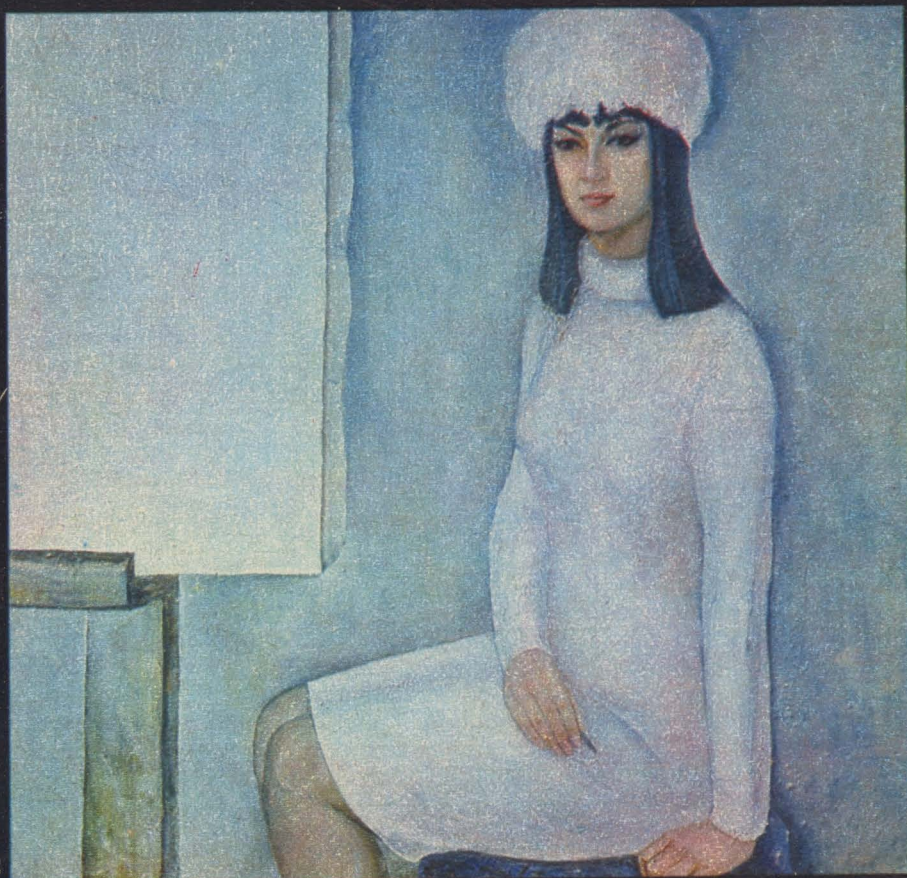

...и новый выход на сцену.

М. ПАШКОВСКАЯ.
Портрет девушки в хорезмийском наряде.

Женский портрет.

Первая весна.

Разные судьбы.

